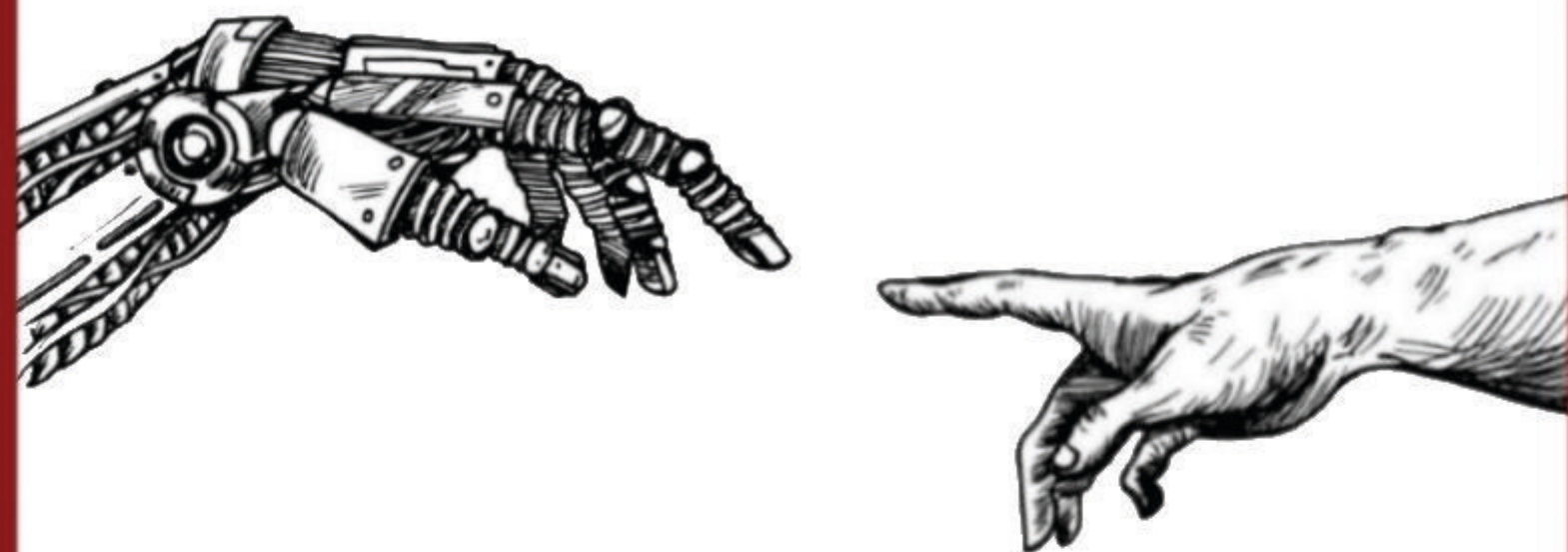




**ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ  
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

# **УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ**

**ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ  
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**



**VERITAS IN MEDIO EST**

**ТОМ 6  
НОМЕР 2(19)  
2026**

**ISSN:  
3034-378X**



# УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ РАН 2026. ТОМ 6. № 2(19)

Выходит 4 раза в год

**Главный редактор:**  
Лебедев Александр Николаевич

**Заместители главного редактора:**

Гордякова О.В. (Москва), Панфилова А.С. (Москва)

**Члены редакционной коллегии:**

Акопов Г.В. (Самара), Аксеновская Л.Н. (Саратов), Александров Ю.И. (Москва), Аллахвердов В.М. (Санкт-Петербург), Богданчиков С.А. (Москва), Волченков Д. (США, Техас), Гагарина М.А. (Москва), Демидов А.А. (Москва), Знаков В.В. (Москва), Корнилова Т.В. (Москва), Мазилев В.А. (Ярославль), Махнач А.В. (Москва), Нестик Т.А. (Москва), Панов В.И. (Москва), Прохоров А.О. (Казань), Сергиенко Е.А. (Москва), Скотникова И.Г. (Москва), Ушаков Д.В. (Москва), Харламенкова Н.Е. (Москва), Хащенко В.А. (Москва), Холодная М.А. (Москва), Юревич А.В. (Москва)

- 📍 Институт психологии РАН: 129366, г. Москва, ул. Ярославская д. 13, корп. 1.
- ✉ Электронная почта: [scientificnotesipras@gmail.com](mailto:scientificnotesipras@gmail.com)
- 🌐 Полнотекстовая электронная версия журнала публикуется на сайте <https://scientific-letters.ru>

Входит в Единый государственный перечень научных изданий – «Белый список» (К2)

**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ РАН**  
**2026. Том 6. № 2(19)**

**СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА**

От главного редактора . . . . . 2

**МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПСИХОЛОГИИ**

*Воронин А. Н.*

От задачи к траектории: методология исследований когнитивных процессов  
в средах, обогащенных искусственным интеллектом . . . . . 3

*Гут В. В., Доценко Е. Л., Андреева А. А., Потемкин С. А.*

Литературный полигон: культурно-исторический взгляд  
на адаптивный интеллект . . . . . 13

*Лебедев А. Н.*

Психология личности: детерминизм и случайность . . . . . 23

**ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ**

*Кулиев Н. С., Валуева Е. А., Куприянов Р. В.*

Инсайт на видео: экспертные и наивные оценки  
поведенческих признаков инсайтного решения . . . . . 35

*Волошина А. А.*

Теоретико-методологические основания исследования копинг-стратегий  
и личностных ресурсов психологов в условиях вооруженного конфликта . . . . . 49

**СОЦИАЛЬНАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ**

*Тарасов С. В.*

Детерминанты коллективного (национального) нарциссизма:  
роль психоэмоциональных состояний, пола и поколения . . . . . 62

*Гагаева О. Н.*

Взаимное восприятие русских и белорусов:  
сравнительный анализ открытых ответов . . . . . 76

**МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ**

*Горюнова Н. Б.*

Когнитивный ресурс как пространство состояний с вероятностной структурой . . . . . 85

*Соловова Н. А., Алексеева Е. А., Мельников Ю. Б.*

Использование показателей вегетативной нервной системы  
в психологических публикациях: обзор исследований . . . . . 96

## ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Уважаемые читатели журнала «Ученые записки ИПРАН», редколлегия и редакция сообщают, что с этого номера наш журнал является одним из информационных каналов, обеспечивающих поддержку запланированной на 15–16 октября 2026 года Первой международной междисциплинарной конференции ИПРАН: «Искусственный интеллект в психологии: обмен опытом и перспективы развития».

Журнал планирует опубликовать наиболее интересные доклады и сообщения, которые будут представлены на этой конференции. Зарегистрироваться для участия можно на сайте конференции по следующей ссылке: <https://psycholai-2026.tilda.ws/>

Предполагаемый формат выступлений: пленарные доклады, секционные сообщения, дискуссии, мастер-классы.

Во втором номере журнала, который представлен сейчас вашему вниманию, публикации авторов распределены по рубрикам: методология и теория психологии; общая психология, психология личности, история психологии; социальная, политическая и экономическая психология; междисциплинарные исследования когнитивных процессов.

Первая рубрика открывается методологической статьей А. Н. Воронина, посвященной актуальным вопросам когнитивных исследований с применением программ искусственного интеллекта. Автор предлагает рассматривать когнитивную деятельность как траекторию — процессуально организованную последовательность регуляторных актов, развернутых во времени.

В статье группы авторов В. В. Гут, Е. Л. Доценко, А. А. Андреевой, С. А. Потемкина предлагается авторская методика «Литературный полигон», которая представляет собой матрицу, полученную в результате кодировки с помощью искусственного интеллекта персонажей художественной литературы. Авторы предлагают не только новый исследовательский метод, но и, по сути, новый методологический подход.

Рубрика завершается статьей А. Н. Лебедева, которая посвящена проблеме причинного и случайного в психологии. В публикации рассматривается теория А. Круглански, которая ставит проблему случайного в опредмечивании потребности

человека в личностной и социальной значимости. Статья является дискуссионной и направлена на возможное обсуждение в рамках работы Академического дискуссионного клуба ИП РАН, деятельность которого ассоциирована с журналом «Ученые записки ИП РАН».

Рубрика общей психологии открывается статьей Н. С. Кулиева, Е. А. Валуевой и Р. В. Куприянова, в которой рассматриваются различные типы оценок поведенческих признаков инсайтного решения. Полученные результаты показывают перспективность видеоанализа и калиброванной коллективной разметки для исследования инсайта.

Статья А. А. Волошиной посвящена актуальной проблеме изучения копинг стратегий и личностных ресурсов психологов в условиях вооруженных конфликтов. Проанализированы теоретико-методологические основания для построения адаптационной модели.

В рубрике социальной, политической и экономической психологии мы публикуем статьи С. В. Тарасова по материалам изучения коллективного (национального) нарциссизма и О. Н. Гагаевой о взаимном восприятии русских и белорусов, где проводится сравнительный анализ на основе открытых ответов респондентов.

Номер завершает рубрика междисциплинарных исследований когнитивных процессов. Здесь представлена работа Н. Б. Горюновой, где рассматривается вопрос согласования ресурсно-информационного подхода с современными нейрокогнитивными представлениями о метастабильной и вероятностной организации когнитивных архитектур и обзорная статья Н. А. Солововой, Е. А. Алексеева и Ю. Б. Мельникова по материалам изучения показателей вегетативной нервной системы в психологических публикациях.

Уважаемые коллеги, редакция сообщает, что предварительный анализ материалов в нашем журнале перед их рецензированием авторитетными специалистами проводится с помощью искусственного интеллекта, поэтому просим вас ответственно относиться к текстам, которые вы присылаете, и избегать необоснованных заимствований.

Коллеги, ждем ваших материалов и желаем хорошо провести лето.

С уважением,  
главный редактор журнала,  
д.психол.н. Лебедев Александр Николаевич

## МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

### ОТ ЗАДАЧИ К ТРАЕКТОРИИ: МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ В СРЕДАХ, ОБОГАЩЕННЫХ ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ

© Воронин А.Н.

Доктор психологических наук, профессор, Государственный академический университет гуманитарных наук (ГАУГН), Москва, Россия  
voroninan@bk.ru; ORCID: 0000-0002-6612-9726

Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ (тема № FZNF-2026–0004 «Цифровизация и ее влияние на современное общество и культуру: когнитивные, правовые, экономические вызовы и перспективы»).

Для цитирования:

Воронин А.Н.

От задачи к траектории: методология исследований когнитивных процессов в средах, обогащенных искусственным интеллектом // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2026. Т. 6. № 2(19). С. 3-12.  
DOI: 10.38098/proceedings\_2026\_06\_02\_01

Voronin A.N.

From task to trajectory: methodology of research on cognitive processes in ai-enriched environments. Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2026, Vol. 6, No2(19), Pp. 3-12.  
DOI: 10.38098/proceedings\_2026\_06\_02\_01

Распространение сред, обогащенных искусственным интеллектом, изменяет эмпирическую конфигурацию когнитивной деятельности и ставит под вопрос достаточность классической парадигмы решения задач как методологической основы ее исследования. В интерактивных и вероятностных условиях границы задачи и критерии успешности формируются в ходе взаимодействия с интеллектуальными системами. Цель статьи — теоретико-методологическое обоснование уточнения единицы анализа когнитивных процессов применительно к данным условиям. Показано, что единица «изолированного решения» оказывается частично несоразмерной реальной структуре познавательной активности. В качестве альтернативы предлагается рассматривать когнитивную деятельность как траекторию — процессуально организованную последовательность регуляторных актов, развернутых во времени. Обосновывается введение регуляторной архитектуры как новой единицы анализа, включающей стратегическую организацию, контроль эпистемической адекватности, регуляцию при сбое, реконструкцию критериев успешности и модель возможностей среды. Обсуждаются методологические последствия подхода, основанного на анализе когнитивной траектории: переход к процессуальному анализу, лонгитюд внутри сессии и исследование регуляторных профилей. Делается вывод о необходимости уточнения методологии когнитивных исследований без пересмотра их базовых теоретических оснований.

**Ключевые слова:** когнитивная психология, методология исследований, когнитивные процессы, распределенная когниция, регуляция деятельности, парадигма решения задач, траектория когнитивной деятельности, регуляторная архитектура, метакогнитивная регуляция, эпистемическая адекватность, доверие к интеллектуальным системам, генеративные языковые модели, среды, обогащенные искусственным интеллектом

#### Введение

За последние десятилетия когнитивная психология существенно расширила свои теоретические основания. Наряду с классической информационно-процессуальной моделью получили развитие подходы, подчеркивающие распределенный и опосредованный характер когнитивной деятельности. В теории распределенного познания когнитивные достижения рассматриваются

как координация внутренних ресурсов субъекта и внешних репрезентативных структур (Hutchins, 1995; Hollan et al., 2000), а в концепциях расширенного — как функциональная интеграция артефактов в когнитивные процессы (Clark, Chalmers, 1998; Heersmink, Sutton, 2020).

В отечественной традиции эти изменения осмысляются как трансформация когнитивной парадигмы и смещение фокуса к исследованию ак-

тивности субъекта в культурно и технологически опосредованных средах (Фаликман, 2015; Спиридонов, Фаликман, 2012). В рамках когнитивной психологии деятельности когнитивные процессы трактуются как конструктивные и регулятивно организованные компоненты целенаправленной активности (Falikman, Asmolov, 2017). При этом методология по-прежнему во многом опирается на парадигму решения задач, где единицей анализа выступает выполнение заранее определенной задачи при фиксированных критериях успешности (Anderson, 2020; Sternberg, 2021). Несмотря на экспериментальную продуктивность этой парадигмы в условиях усложнения когнитивных экосистем ее аналитическая достаточность становится проблематичной.

Это усложнение связано с внедрением интеллектуальных цифровых систем, способных участвовать в познавательной деятельности. В данной работе для обозначения таких конфигураций используется понятие среды, обогащенной искусственным интеллектом (AI-обогащенные среды) — технологически опосредованной когнитивной среды, в которой интеллектуальные системы, прежде всего генеративные языковые модели, выступают активными участниками рассуждения. Их вероятностный и диалоговый характер изменяет распределение когнитивной нагрузки и организацию регуляции.

В AI-обогащенных средах границы задачи, критерии успешности и способы проверки результата формируются в ходе взаимодействия; итог представляет собой временно стабилизированную конфигурацию рассуждения. Внешне убедительные ответы могут различаться по эпистемической обоснованности, что требует калибровки доверия и оценки источника (Sperber et al., 2010; Lee, See, 2004; Steyvers et al., 2025). Возникает методологическое напряжение между современными представлениями о познавательной деятельности как распределенной и регулятивно организованной, но сохраняющей логику решения задач с последующим эмпирическим анализом этого процесса. Регуляторные механизмы — мониторинг, контроль и пересмотр критериев — традиционно рассматриваются как средства достижения заданной цели (Nelson, Narens, 1990; Fleming, Daw, 2017). Однако в условиях диалогового взаимодействия именно организация регуляции определяет устойчивость когнитивного результата. Исследования саморегуляции подтверждают, что эффективность деятельности связана со структурой контроля и самооценки (Макцинская, Фарбер, 2023; Прохоров, Чернов, 2024). В этих условиях

целесообразно уточнить единицу анализа когнитивной эффективности: вместо рассмотрения отдельного решения как завершенного эпизода предлагается анализировать когнитивную деятельность как траекторию — последовательность взаимосвязанных шагов планирования, проверки и пересмотра критериев. Такой подход позволяет описывать эффективность когнитивной деятельности не только как соответствие результата цели, но и как характеристику устойчивости регуляторной когнитивной организации во времени. Это расширяет когнитивную парадигму решения задач особыми процессуальными измерениями, более адекватными структуре когнитивной деятельности в технологически опосредованных средах. Соответственно целью статьи является теоретико-методологическое обоснование такого расширения и определение его методологических последствий для исследований когнитивных процессов в AI-обогащенных средах.

#### **AI-обогащенные среды как вызов когнитивной психологии** **Изменение эмпирической конфигурации деятельности**

Распространение интеллектуальных цифровых систем, прежде всего генеративных больших языковых моделей (LLM), меняет эмпирическую среду, в которой разворачиваются когнитивные процессы. Если ранее технологии преимущественно обеспечивали хранение и передачу информации, то современные системы включаются в сам процесс рассуждения, генерируя интерпретации, аргументы и альтернативные формулировки. В логике распределенной когниции такие системы могут рассматриваться как элементы расширенной когнитивной среды, где когнитивная работа перераспределяется между субъектом и артефактами (Hutchins, 1995; Hollan et al., 2000; Clark, Chalmers, 1998; Heersmink, Sutton, 2020). Однако в отличие от традиционных инструментов, фиксирующих результаты мышления, генеративные модели динамически участвуют в формировании проблемного поля и направлении смыслового поиска. В результате границы задачи, критерии завершенности и способы проверки ответа формируются в ходе взаимодействия. Единица анализа — изолированное решение фиксированной задачи — все менее соответствует реальной структуре познавательной активности.

AI-обогащенные среды характеризуются высокой скоростью генерации альтернатив, вероятностным характером выходов и отсутствием прозрачных критериев надежности. Внешне связанные

ответы могут существенно различаться по эпистемической обоснованности (Sperber et al., 2010; Steyvers et al., 2025), что переносит на пользователя функции оценки достоверности и калибровки доверия (Lee, See, 2004; Logg et al., 2019). Технологическое усложнение среды усиливает требования к регуляторной организации деятельности.

### **LLM как интерактивная когнитивная среда**

Генеративная языковая модель выступает не только источником информации, но и интерактивной когнитивной средой, в которой деятельность разворачивается как последовательность циклов запроса, ответа и корректировки. Познавательный продукт определяется всей динамикой взаимодействия, а не отдельным актом решения. Исследования показывают, что характер результатов зависит от структуры диалога, формулировки запроса и стратегий проверки (Zamfirescu-Pereira et al., 2023; Tankelevitch et al., 2024). При равном доступе к системе пользователи демонстрируют различия в устойчивости итоговых решений, что указывает на роль регуляторных процессов (Nelson, Narens, 1990; Fleming, Daw, 2017). Когнитивная деятельность в таких условиях приобретает протяженный и циклический характер: возможны возвраты к предыдущим шагам, пересмотр допущений и реконструкция критериев адекватности. Регуляция становится не вспомогательным механизмом достижения заранее заданной цели, а структурным фактором устойчивости процесса. AI-обогащенная среда тем самым делает эмпирически наблюдаемыми процессы мониторинга, контроля и корректировки, которые в классических лабораторных парадигмах оставались фоновыми. Это требует уточнения методологических единиц анализа — перехода от оценки изолированных решений к исследованию регуляторной организации когнитивной деятельности во времени.

### **Ограничения классической парадигмы исследования, ориентированной на решение задач**

Классическая экспериментальная традиция когнитивной психологии сформировалась в рамках парадигмы решения задач (task-based paradigm). Когнитивная деятельность в ней понимается как переработка информации, направленная на достижение заранее определенного результата при фиксированных условиях; единицей анализа выступает решение отдельной задачи, а эффективность операционализируется через точность, время реакции и количество ошибок (Anderson, 2020; Sternberg, 2021; Спиридонов & Фаликман,

2012). Эта парадигма позволила выявить фундаментальные закономерности памяти, внимания и принятия решений (Anderson, 2020; Sternberg, 2021). Однако в AI-обогащенных средах ее методологические предпосылки оказываются ограниченными в трех аспектах: фиксированности задачи, внешней заданности критериев эффективности и эпизодичности оценки.

### **Фиксированная задача**

В классической логике структура проблемы предполагается стабильной: цель и параметры заданы заранее, а субъект выбирает стратегию в установленных границах (Anderson, 2020). В AI-обогащенных средах формулировка задачи может уточняться и трансформироваться в ходе диалога; выявляются новые аспекты проблемы и альтернативные интерпретации. Проблемная ситуация конструируется в координации субъекта и внешней системы (Hutchins, 1995; Hollan et al., 2000). При таком взаимодействии отдельное «решение» не исчерпывает когнитивной работы, поскольку целеполагание разворачивается во времени.

### **Заранее заданные критерии**

Экспериментальная парадигма предполагает внешний критерий успешности — нормативный ответ или стандарт, относительно которого оценивается результат. Регуляторные процессы трактуются как средства достижения этого критерия (Nelson, Narens, 1990; Fleming, Daw, 2017). В AI-обогащенных средах критерии адекватности нередко требуют самостоятельного построения и поддержания. Пользователь оценивает достаточность аргументации, надежность источников и необходимость дополнительной проверки, калибруя доверие к системе (Lee, See, 2004; Logg et al., 2019; Steyvers et al., 2025). Критерии становятся частью самой регуляторной организации деятельности, а не ее внешней рамкой.

### **Эпизодическая оценка**

Классическая модель предполагает завершённый акт выполнения с последующей итоговой оценкой. В интерактивных AI-средах деятельность носит протяженный и циклический характер: ошибки могут корректироваться (или накапливаться) в последующих шагах, а результат представляет собой временную стабилизацию рассуждения. В таких условиях ключевой характеристикой становится устойчивость регуляции — способность поддерживать когерентность и пересматривать допущения во времени (Nelson, Narens, 1990; Fleming, Daw, 2017). Эпизодическая оценка фиксирует итог, но не отражает динамику этой устойчивости.

Парадигма решения задач сохраняет фундаментальное значение для когнитивной психологии (Anderson, 2020; Sternberg, 2021), однако ее методологические предпосылки оказываются частично несоизмеримыми современной эмпирической реальностью. Ограничения, связанные с фиксированной задачей, внешними критериями и эпизодической оценкой, указывают на необходимость расширения единицы анализа — от отдельного решения к динамике когнитивной деятельности во времени.

### **Когнитивная деятельность как траектория**

Ограничения парадигмы решения задач требуют уточнения единицы анализа когнитивной деятельности в AI-обогащенных средах. Если задача трансформируется, критерии конструируются, а результат стабилизируется лишь временно, когнитивный процесс целесообразно рассматривать не как изолированный эпизод, а как траекторию — последовательность взаимосвязанных регуляторных актов, развернутых во времени. Такое понимание согласуется с представлениями о когниции как распределенной и динамически организованной системе (Hutchins, 1995; Hollan et al., 2000; Clark, Chalmers, 1998). Траектория фиксирует не только результат, но и способ его становления — координацию целей, мониторинга и критериев в ходе взаимодействия.

### ***Динамика целеполагания***

В классической экспериментальной логике цель задается извне и сохраняет стабильность. В интерактивной среде она уточняется, структурируется или пересматривается по мере диалога. Интеллектуальная система может выявлять дополнительные параметры проблемы и альтернативные постановки вопроса, вследствие чего цель становится продуктом итераций, а не исходной константой. В метакогнитивных моделях постановка и удержание цели рассматриваются как элементы регуляции (Nelson, Narens, 1990; Fleming, Daw, 2017). В AI-обогащенных средах эта регуляция приобретает распределенный характер: проблемное поле формируется в координации субъекта и внешней системы.

### ***Цикличность регуляции***

Траектория когнитивной деятельности определяется повторяющимися циклами постановки шага, получения отклика, его оценки и корректировки. Эти циклы образуют связанную последовательность, где предшествующие решения структурируют последующие. В метакогнитивной архитектуре мониторинг и контроль описываются как взаимосвязанные уровни (Nelson, Narens,

1990). Траектория добавляет временное измерение: значима не только точность отдельного акта мониторинга, но и устойчивость их координации во времени (Fleming, Daw, 2017). Эффективность определяется способностью поддерживать согласованность регуляторных циклов, а не единичным успешным шагом.

### ***Перестройка критериев***

В парадигме решения задач критерии заданы заранее; в интерактивной среде они уточняются по мере накопления информации. Первоначально достаточный ответ может требовать углубления или сопоставления источников, что инициирует новый регуляторный цикл. Динамика критериев отражает не произвольность, а усложнение нормативной организации деятельности: стандарты формируются и стабилизируются в процессе взаимодействия. В этом контексте когнитивная эффективность определяется способностью поддерживать обоснованность и согласованность критериев во времени.

Рассмотрение когнитивной деятельности как траектории позволяет преодолеть ограничения эпизодического анализа. Единицей исследования становится процессуально организованная последовательность регуляторных актов, в которой формируются цели и нормативные ориентиры. В AI-обогащенных средах именно такая организация определяет устойчивость и эпистемическую состоятельность результата и создает теоретическую основу для перехода к анализу регуляторной архитектуры

### **Регуляторная архитектура как новая единица анализа**

Если когнитивная деятельность в AI-обогащенных средах представляется траекторией, то возникает вопрос о структуре, обеспечивающей ее устойчивость. Анализ динамики целеполагания, цикличности регуляции и перестройки критериев показывает, что эффективность определяется не отдельными актами мониторинга, а конфигурацией регуляторных процессов. В этой связи регуляторная архитектура может рассматриваться как новая единица анализа — относительно устойчивая организация планирования, оценки, коррекции и координации, обеспечивающая согласованность когнитивной деятельности во времени. Такое понимание согласуется с теориями распределенной когниции (Hutchins, 1995; Hollan et al., 2000; Heersmink, Sutton, 2020) и метакогнитивными моделями мониторинга и контроля (Nelson, Narens, 1990; Fleming, Daw, 2017).

В структуре регуляторной архитектуры можно выделить несколько взаимосвязанных компонентов:

### ***Стратегическая организация***

Стратегическая организация отражает способность удерживать общий замысел и координировать последовательность шагов. В распределенных системах деятельность разворачивается как согласование представлений и действий во времени (Hollan et al., 2000; Kirsh, 2010). В условиях множественности альтернатив именно структурированность последовательности, а не объем действий, определяет целостность траектории (Steyvers, Peters, 2025; Tankelevitch et al., 2024).

### ***Контроль эпистемической адекватности***

Генеративные LLM способны продуцировать формально связные, но эпистемически неоднородные ответы, что требует проверки достоверности и сопоставления альтернатив. Этот компонент соотносится с концепцией эпистемической бдительности (Sperber et al., 2010) и исследованиями доверия к автоматизированным системам (Lee, See, 2004; Hoff, Bashir, 2015). Эмпирические данные показывают риск некритичного принятия убедительных, но ошибочных выводов (Klingbeil et al., 2024; Logg et al., 2019). Устойчивость траектории зависит от баланса между недостаточной и избыточной проверкой.

### ***Регуляция при сбое***

Регуляция при сбое включает распознавание несоответствий и корректирующие действия. В теориях когнитивного контроля обнаружение конфликта рассматривается как механизм адаптивной перестройки (Botvinick et al., 2001). В AI-средах различия в реакции на сбой — последовательная коррекция, прекращение работы или продолжение ошибочной линии — оказываются критически значимыми (Steyvers et al., 2025).

### ***Конструирование критериев***

В AI-обогащенных средах критерии достаточности и завершенности нередко формируются в процессе взаимодействия. Исследования саморегулируемого обучения показывают, что удержание внутренних стандартов является условием глубокой переработки информации (Zimmerman, 2000; Winne, 2011). Отсутствие четких критериев повышает вероятность преждевременного завершения на основе субъективной убедительности (Stadler et al., 2024). Пересмотр и конструирование адекватных критериев задает нормативную рамку всей траектории.

### ***Модель возможностей среды***

Данный компонент отражает представление субъекта о свойствах и ограничениях системы. В теориях распределенной когниции подчерки-

вается значение понимания того, как артефакты структурируют деятельность (Hutchins, 1995). В контексте генеративных моделей это включает осознание вероятностного характера ответов и чувствительности к формулировке запроса. Представления о надежности системы существенно влияют на характер ее использования (Kim et al., 2024).

Перечисленные компоненты образуют взаимосвязанную конфигурацию. Их согласованность определяет устойчивость и эпистемическую состоятельность когнитивной траектории в условиях неопределенности. Эффективность становится функцией структурной организации регуляторных процессов, а не только объема знаний или точности отдельного ответа (Hollan et al., 2000; Fleming & Daw, 2017; Steyvers et al., 2025).

Важно подчеркнуть, что регуляторная архитектура не сводится к метакогниции в традиционном понимании. В классических моделях мониторинг и контроль направлены на оптимизацию выполнения заранее заданной задачи (Nelson, Narens, 1990; Fleming, Daw, 2017). В AI-обогащенных средах регуляция затрагивает более глубокий уровень организации деятельности: по ходу взаимодействия трансформируются цели, структура задачи и критерии оценки. Регуляторные процессы направлены не только на коррекцию выполнения, но и на реконструкцию проблемного поля. Речь идет о динамической архитектуре, в которой цели и стандарты формируются и стабилизируются во времени в координации субъекта и среды.

### ***Методологические следствия***

Признание значимости траектории когнитивной деятельности и введение регуляторной архитектуры как единицы анализа требуют уточнения исследовательских процедур за счет включения процессуального измерения, временной динамики и анализа конфигурации регуляторных процессов.

### ***Процессуальный анализ***

В парадигме решения задач эффективность фиксируется по завершении эпизода. В AI-обогащенных средах значимая часть когнитивной работы разворачивается в последовательности регуляторных актов, поэтому единицей анализа становится динамика взаимодействия — структура переходов между шагами, возвратами и изменениями стратегии. В логике распределенной когниции деятельность рассматривается как координация действий и представлений во времени (Hutchins, 1995; Hollan et al., 2000). Методически это предполагает протоколирование диалога и анализ последовательностей, где важен не только результат, но и характер регуляторных циклов.

### ***Временная динамика внутри сессии***

Если в традиционном лонгитуде изменения фиксируются между сессиями, то в интерактивных средах существенные трансформации происходят уже в ходе одного взаимодействия. Анализ микродинамики позволяет выявлять изменения стратегий, критериев и степени критичности по мере развертывания диалога. Эмпирические данные показывают, что доверие и глубина проверки изменяются в процессе взаимодействия с интеллектуальными системами (Lee, See, 2004; Hoff, Bashir, 2015; Steyvers et al., 2025). Это требует показателей, чувствительных к частоте корректировок, характеру реакции на сбой и глубине уточнений.

### ***Анализ регуляторных профилей***

Поскольку регуляторная архитектура представляет собой систему взаимосвязанных компонентов, эмпирический анализ должен учитывать их конфигурацию, а не изолированные показатели мониторинга или контроля. Выявление устойчивых сочетаний характеристик — стратегической структурированности, выраженности проверки, реакции на ошибки и способов конструирования критериев — соотносится с исследованиями индивидуальных различий в метакогнитивной регуляции (Fleming, Daw, 2017; Zimmerman, 2000) и доверии к автоматизированным системам (Lee, See, 2004; Logg et al., 2019). Методически это может включать моделирование траекторий и кластерный анализ поведенческих данных.

### ***Комбинирование поведенческих и самоотчетных методов***

Поведенческие индикаторы позволяют реконструировать структуру когнитивной траектории, но не дают прямого доступа к субъективным критериям и представлениям о возможностях системы. Самоотчетные методы фиксируют осознаваемую регуляцию, однако подвержены искажениям (Fleming, Daw, 2017). Их сопоставление позволяет выявлять рассогласования между заявляемой уверенностью и фактическими стратегиями проверки, а также между декларируемым и реальным доверием (Logg et al., 2019; Stadler et al., 2024).

Методологические и методические следствия подхода к познавательной деятельности как к траектории включают смещение фокуса от изолированного решения к динамике взаимодействия, анализу конфигурации регуляторных процессов и интеграции различных источников данных. Такой подход делает возможным адекватное описа-

ние когнитивной деятельности в интерактивной и вероятностной цифровой среде.

### **Заключение**

Распространение AI-обогащенных сред не требует пересмотра теоретических оснований когнитивной психологии. Представления о когниции как распределенной и регулятивно организованной деятельности уже закреплены в современной теории (Hutchins, 1995; Hollan et al., 2000; Heersmink, Sutton, 2020). Изменяется эмпирическая конфигурация деятельности и, соответственно, методология ее анализа.

Парадигма решения задач доказала свою продуктивность при фиксированных целях и стабильных критериях. Однако в интерактивных и вероятностных средах единица «изолированного решения» оказывается ограниченной: задачи трансформируются в ходе взаимодействия, критерии конструируются и пересматриваются, а результат носит характер временной стабилизации. В этих условиях когнитивная эффективность определяется не только точностью ответа, но и устойчивостью регуляторной организации процесса. Мониторинг, контроль, калибровка доверия и коррекция при сбое становятся структурными компонентами деятельности (Nelson, Narens, 1990; Fleming, Daw, 2017; Lee, See, 2004). Эмпирические данные показывают, что различия в стратегиях проверки и доверия существенно влияют на качество решений при взаимодействии с интеллектуальными системами (Logg et al., 2019; Steyvers et al., 2025).

Методологическое смещение заключается в переходе от изолированного решения к траектории когнитивной деятельности; от анализа отдельных актов контроля к исследованию регуляторной архитектуры, от эпизодического изменения к анализу динамики регуляции во времени. Единицей анализа становится процессуально организованная последовательность регуляторных актов, в которой формируются цели, стабилизируются критерии и координируются действия субъекта и среды. Эффективность выступает функцией согласованности регуляторной архитектуры, а не только точности отдельного ответа. Такое уточнение методологии отражает изменение формы когнитивной активности в условиях технологического опосредования и задает рамку для дальнейших теоретических и эмпирических исследований взаимодействия человека и интеллектуальных систем.

**Литература:**

- Макцинская Р.И., Фарбер Д.А. (ред.) Регуляция поведения и когнитивной деятельности в подростковом возрасте: мозговые механизмы. М.: Изд-во Московского психолого-социального университета, 2023. DOI: 10.51944/9785977010122
- Прохоров А.О., Чернов А.В. Развитие ментальной регуляции психологических состояний студентов в процессе обучения // Психологический журнал. 2024. Т. 45. № 3. С. 41–53. DOI: 10.31857/S0205959224030044
- Спиридонов В.Ф., Фаликман М.В. (ред.) Горизонты когнитивной психологии. М.: Языки славянских культур; М.: Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), 2012.
- Фаликман М.В. Когнитивная парадигма: есть ли в ней место психологии? // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 42. <https://doi.org/10.54359/ps.v8i42.528>
- Anderson J.R. Cognitive psychology and its implications (9<sup>th</sup> ed.). Worth Publishers, 2020.
- Botvinick M.M., Braver T.S., Barch D.M., Carter C.S., Cohen J.D. Conflict monitoring and cognitive control // Psychological Review. 2001. Vol. 108(3). P. 624–652. DOI: <https://doi.org/10.1037/0033-295X.108.3.624>
- Clark A., Chalmers D.J. The extended mind. Analysis. 1998. Vol. 58(1). P. 7–19. DOI: <https://doi.org/10.1093/analys/58.1.7>
- Falikman M.V., Asmolov A.G. Cognitive psychology of activity: Attention as a constructive process // Revue Internationale du CRIRES: Innover dans la tradition de Vygotsky. 2017. Vol. 4(1). P. 54–62. DOI: 10.51657/ric.v4i1.40993
- Fleming S.M., Daw N.D. Self-evaluation of decision-making: A general Bayesian framework for metacognitive computation // Psychological Review. 2017. Vol. 124(1). P. 91–114. DOI: <https://doi.org/10.1037/rev0000045>
- Heersmink R., Sutton J. Cognition and the web: Extended, transactive, or scaffolded? // Erkenntnis. 2020. Vol.85(1). P. 139–164. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10670-018-0022-8>
- Hoff K.A., Bashir M. Trust in automation: Integrating empirical evidence on factors that influence trust // Human Factors. 2015. Vol.57(3). P. 407–434. DOI: <https://doi.org/10.1177/0018720814547570>
- Hollan J., Hutchins E., Kirsh D. Distributed cognition: Toward a new foundation for human–computer interaction research // ACM Transactions on Computer-Human Interaction. 2000. Vol.7(2). P. 174–196. DOI: <https://doi.org/10.1145/353485.353487>
- Hutchins E. Cognition in the wild. MIT Press, 1995.
- Kim S.Y., Liao Q.V., Vorvoreanu M., Ballard S., Vaughan J.W. “I’m not sure, but...”: Examining the impact of large language models’ uncertainty expression on user reliance and trust // In Proceedings of the 2024 ACM Conference on Fairness, Accountability, and Transparency (FAccT ’24). Association for Computing Machinery. 2024. P. 822–835. DOI: <https://doi.org/10.1145/3630106.3658941>
- Kirsh D. (2010). Thinking with external representations // AI & Society. 2010. Vol.25(4). P. 441–454. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00146-010-0272-8>
- Klingbeil A., Grützner C., Schreck P. Trust and reliance on AI — An experimental study on the extent and costs of overreliance on AI // Computers in Human Behavior. 2024. Vol. 160. Art. 108352. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2024.108352>
- Lee J.D., See K.A. Trust in automation: Designing for appropriate reliance // Human Factors. 2004. Vol. 46(1). P. 50–80. DOI: [https://doi.org/10.1518/hfes.46.1.50\\_30392](https://doi.org/10.1518/hfes.46.1.50_30392)
- Logg J.M., Minson J.A., Moore D.A. Algorithm appreciation: People prefer algorithmic to human judgment // Organizational Behavior and Human Decision Processes. 2019. Vol. 151. P. 90–103. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.obhdp.2018.12.005>
- Nelson T.O., Narens L. (1990). Metamemory: A theoretical framework and new findings // In G.H. Bower (Ed.), Psychology of learning and motivation. Academic Press. 1990. Vol. 26. P. 125–173. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0079-7421\(08\)60053-5](https://doi.org/10.1016/S0079-7421(08)60053-5)
- Sperber D., Clément F., Heintz C., Mascaro O., Mercier H., Origg G., Wilson D. (2010). Epistemic vigilance. Mind & Language, 25(4), 359–393. <https://doi.org/10.1111/j.1468-0017.2010.01394.x>
- Stadler M., Bannert M., Sailer M. Cognitive ease at a cost: LLMs reduce mental effort but compromise depth in student scientific inquiry // Computers in Human Behavior. 2024. Vol. 160. Art. 108386. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2024.108386>
- Sternberg R.J. Adaptive intelligence: Intelligence is not a personal trait but rather a person × task × situation interaction // Journal of Intelligence. 2021. Vol. 9(4). Art. 58. DOI: <https://doi.org/10.3390/jintelligence9040058>
- Steyvers M., Tejeda H., Kumar A., Belem C., Karny S., Hu X., Mayer L., Smyth P. What large language models know and what people think they know // Nature Machine Intelligence. 2025. DOI: <https://doi.org/10.1038/s42256-024-00976-7>

- Tankelevitch L., Kewenig V., Simkute A., Scott A. E., Sarkar A., Sellen A., Rintel S.* The metacognitive demands and opportunities of generative AI // In Proceedings of the 2024 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems (CHI '24). Association for Computing Machinery. 2024. P. 1–24. DOI: <https://doi.org/10.1145/3613904.3642902>
- Winne P.H.* A cognitive and metacognitive analysis of self-regulated learning // In D.H. Schunk, B.J. Zimmerman (Eds.). Handbook of self-regulation of learning and performance. Routledge. 2011. P. 15–32.
- Zamfirescu-Pereira J.D., Wong R. Y., Hartmann B., Yang Q.* Why Johnny can't prompt: How non-AI experts try (and fail) to design LLM prompts // In Proceedings of the 2023 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems (CHI '23). Association for Computing Machinery. 2023. DOI: <https://doi.org/10.1145/3544548.3581388>
- Zimmerman B.J.* (2000). Attaining self-regulation: A social cognitive perspective // In M. Boekaerts, P.R. Pintrich, M. Zeidner (Eds.). Handbook of self-regulation. Academic Press. 2000. P. 13–39. DOI: <https://doi.org/10.1016/B978-012109890-2/50031-7>

## FROM TASK TO TRAJECTORY: METHODOLOGY OF RESEARCH ON COGNITIVE PROCESSES IN AI-ENRICHED ENVIRONMENTS

© Anatoly N. Voronin

Doctor of Psychological Sciences, Professor, State Academic University for the Humanities (GAUGN), Moscow, Russia  
voroninan@bk.ru; ORCID: 0000-0002-6612-9726

The article was prepared at the State Academic University for the Humanities within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Project No. FZNF-2026–0004, “Digitalization and Its Impact on Contemporary Society and Culture: Cognitive, Legal, and Economic Challenges and Prospects”).

The proliferation of AI-enriched environments alters the empirical configuration of cognitive activity and calls into question the sufficiency of the classical task-based paradigm as a methodological framework for its study. Under interactive and probabilistic conditions, task boundaries and criteria of success are constructed in the course of interaction with intelligent systems. The aim of the article is to provide a theoretical and methodological justification for refining the unit of analysis of cognitive processes in such contexts. It is demonstrated that the unit of the “isolated solution” is only partially commensurate with the actual structure of cognitive activity. As an alternative, cognitive activity is conceptualized as a processually organized trajectory, and the notion of regulatory architecture is introduced as a new unit of analysis, encompassing strategic organization, control of epistemic adequacy, regulation under failure, reconstruction of success criteria, and a model of environmental affordances. The methodological implications of this approach are discussed, leading to the conclusion that cognitive research methodology requires refinement without revising its fundamental theoretical foundations

**Keywords:** cognitive psychology, research methodology, cognitive processes, distributed cognition, activity regulation, task-based paradigm, cognitive trajectory, regulatory architecture, metacognitive regulation, epistemic adequacy, trust in intelligent systems, generative language models, AI-enriched environments

### REFERENCE

- Maksinskaya R.I., Farber D.A.* (red.) (2023). Regulation of Behavior and Cognitive Activity in Adolescence: Brain Mechanis. Moscow: Moscow Psychological and Social University Publishing House. DOI: 10.51944/9785977010122
- Prokhorov A.O., Chernov A.V.* (2024). Development of Mental Regulation of Students' Psychological States in the Learning Process // Psychological Journal. Vol. 45. № 3. P. 41–53. DOI: 10.31857/S0205959224030044
- Spiridonov V.F., Falikman M.V.* (red.) (2012). Horizons of Cognitive Psychology. Moscow: Languages of Slavic Cultures; Russian State University for the Humanities.

- Falikman M.V.* (2015). The Cognitive Paradigm: Is There a Place for Psychology in It? // *Psychological Studies*. Vol. 8. № 42. DOI: 10.54359/ps.v8i42.528
- Anderson J.R.* (2020). *Cognitive psychology and its implications* (9<sup>th</sup> ed.). Worth Publishers.
- Botvinick M.M., Braver T.S., Barch D.M., Carter C.S., Cohen J.D.* (2001). Conflict monitoring and cognitive control // *Psychological Review*. Vol. 108(3). P. 624–652. DOI: <https://doi.org/10.1037/0033-295X.108.3.624>
- Clark A., Chalmers D.J.* (1998). The extended mind // *Analysis*. Vol. 58(1). P. 7–19. <https://doi.org/10.1093/analys/58.1.7>
- Falikman M.V., Asmolov A.G.* (2017). Cognitive psychology of activity: Attention as a constructive process // *Revue Internationale du CRIRES: Innover dans la tradition de Vygotsky*. Vol. 4. № 1. P. 54–62. DOI: 10.51657/ric.v4i1.40993
- Fleming S.M., Daw N.D.* (2017). Self-evaluation of decision-making: A general Bayesian framework for metacognitive computation // *Psychological Review*. Vol. 24(1). P. 91–114. DOI: <https://doi.org/10.1037/rev0000045>
- Heersmink R., Sutton J.* (2020). Cognition and the web: Extended, transactive, or scaffolded? // *Erkenntnis*. Vol. 85(1). P. 139–164. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10670-018-0022-8>
- Hoff K.A., Bashir M.* (2015). Trust in automation: Integrating empirical evidence on factors that influence trust // *Human Factors*. Vol. 57(3). P. 407–434. DOI: <https://doi.org/10.1177/0018720814547570>
- Hollan J., Hutchins E., Kirsh D.* (2000). Distributed cognition: Toward a new foundation for human–computer interaction research // *ACM Transactions on Computer-Human Interaction*. Vol. 7(2). P. 174–196. DOI: <https://doi.org/10.1145/353485.353487>
- Hutchins E.* (1995). *Cognition in the wild*. MIT Press.
- Kim S.S.Y., Liao Q.V., Vorvoreanu M., Ballard S., Vaughan J.W.* (2024). “I’m not sure, but...”: Examining the impact of large language models’ uncertainty expression on user reliance and trust. In *Proceedings of the 2024 ACM Conference on Fairness, Accountability, and Transparency (FAccT ’24)*. P. 822–835. Association for Computing Machinery. DOI: <https://doi.org/10.1145/3630106.3658941>
- Kirsh D.* (2010). Thinking with external representations // *AI & Society*. Vol. 25(4). P. 441–454. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00146-010-0272-8>
- Klingbeil A., Grützner C., Schreck P.* (2024). Trust and reliance on AI — An experimental study on the extent and costs of overreliance on AI // *Computers in Human Behavior*. Vol. 160. Art. 108352. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2024.108352>
- Lee J.D., See K.A.* (2004). Trust in automation: Designing for appropriate reliance // *Human Factors*. Vol. 46(1). P. 50–80. DOI: [https://doi.org/10.1518/hfes.46.1.50\\_30392](https://doi.org/10.1518/hfes.46.1.50_30392)
- Logg J.M., Minson J.A., Moore D.A.* (2019). Algorithm appreciation: People prefer algorithmic to human judgment // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. Vol. 151. P. 90–103. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.obhdp.2018.12.005>
- Nelson T.O., Narens L.* (1990). Metamemory: A theoretical framework and new findings. In G.H. Bower (Ed.), *Psychology of learning and motivation*. Academic Press. Vol. 26. P. 125–173. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0079-7421\(08\)60053-5](https://doi.org/10.1016/S0079-7421(08)60053-5)
- Sperber D., Clément F., Heintz C., Mascaro O., Mercier H., Origgi G., Wilson D.* (2010). Epistemic vigilance // *Mind & Language*. Vol. 25(4). P. 359–393. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-0017.2010.01394.x>
- Stadler M., Bannert M., Sailer M.* (2024). Cognitive ease at a cost: LLMs reduce mental effort but compromise depth in student scientific inquiry // *Computers in Human Behavior*. Vol. 160. Art. 108386. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2024.108386>
- Sternberg R.J.* (2021). Adaptive intelligence: Intelligence is not a personal trait but rather a person × task × situation interaction // *Journal of Intelligence*. Vol. 9(4). Art. 58. DOI: <https://doi.org/10.3390/jintelligence9040058>
- Steyvers M., Tejada H., Kumar A., Belem C., Karny S., Hu X., Mayer L., Smyth P.* (2025). What large language models know and what people think they know // *Nature Machine Intelligence*. DOI: <https://doi.org/10.1038/s42256-024-00976-7>
- Tankelevitch L., Kewenig V., Simkute A., Scott A.E., Sarkar A., Sellen A., Rintel S.* (2024). The metacognitive demands and opportunities of generative AI. In *Proceedings of the 2024 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems (CHI ’24)* Association for Computing Machinery. P. 1–24. DOI: <https://doi.org/10.1145/3613904.3642902>
- Winne P.H.* (2011). A cognitive and metacognitive analysis of self-regulated learning. In D.H. Schunk, B.J. Zimmerman (Eds.), *Handbook of self-regulation of learning and performance*. Routledge. P. 15–32.
- Zamfirescu-Pereira J.D., Wong R.Y., Hartmann B., Yang Q.* (2023). Why Johnny can’t prompt: How non-AI experts try (and fail) to design LLM prompts. In *Proceedings of the 2023 CHI Conference on Hu-*

man Factors in Computing Systems (CHI '23). Association for Computing Machinery. DOI: <https://doi.org/10.1145/3544548.3581388>

*Zimmerman B.J.* (2000). Attaining self-regulation: A social cognitive perspective. In M. Boekaerts, P.R. Pintrich, M. Zeidner (Eds.). Handbook of self-regulation Academic Press. P. 13–39. DOI: <https://doi.org/10.1016/B978-012109890-2/50031-7>

## ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПОЛИГОН: КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА АДАПТИВНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

© Гут В.В.

Институт адаптивного интеллекта, Москва, Россия  
Тюменский государственный университет  
valeriy\_gut@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5941-8546

© Доценко Е.Л.

Институт адаптивного интеллекта, Москва, Россия  
Тюменский государственный университет  
dotsenko\_e@bk.ru; ORCID: 0000-0001-9651-0555

© Андреева А.А.

Институт адаптивного интеллекта, Москва, Россия  
aaandreeva@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-9458-5326

© Потемкин С.А.

Тюменский государственный университет  
kaizemail.ru@mail.ru; ORCID: 0009-0006-6201-3706

Исследование выполнено при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках проекта «Фундаментальные проблемы методики разработки и связанного с ней правового и этического регулирования в сфере применения систем и моделей искусственного интеллекта» (FEWZ-2024-0052)

Для цитирования:

Гут В.В., Доценко Е.Л., Андреева А.А.,  
Потемкин С.А.

Литературный полигон: культурно-исторический взгляд на адаптивный интеллект // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2026. Т. 6. № 2(19). С. 13-22.

DOI: 10.38098/proceedings\_2026\_06\_02\_02

Gut V.V., Dotsenko E.L., Andreeva A.A.,  
Potemkin S.A.

Literary polygon: a cultural-historical perspective on adaptive intelligence. Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2026, Vol. 6, No2(19), Pp. 13-22.

DOI: 10.38098/proceedings\_2026\_06\_02\_02

Научный дискурс культурно-исторической психологии в основном посвящен искусственному характеру знаков и орудий, генезису высших психических функций. И почти не обсуждается привязка к историческому контексту и времени, и содержание того, что усваивается. *Цель* работы — познакомить коллег с методическим приемом, призванным выровнять указанный дисбаланс. *Методика*, получившая название «Литературный полигон», представляет собой матрицу, полученную в результате кодировки (по 166 признакам) с помощью искусственного интеллекта персонажей художественной литературы. Всего было набрано 410 персонажей преимущественно из приключенческой литературы. Кластеризация матрицы по персонажам позволяет выявлять типы героев в зависимости от их способности преодолевать испытания. *Результаты*. Показаны наиболее яркие типы — «Лидеры выживания», «Юные стойкие защитники», «Беглецы от реальности», «Мудрые наставники», «Злодеи, манипуляторы», «Загадочная русская душа». *Обсуждение результатов* содержит квалификационные сужде-

ния о литературном полигоне. В содержательном плане это возможность выявлять образцы для идентификации читателей, что открывает перспективу исследований становления идентичности, отстаивания человеком своей индивидуальности, выполненных в соответствии с культурно-исторической парадигмой. *Выводы* содержат аргументы о том, что литературный полигон обладает признаками нового метода психологии.

**Ключевые слова:** Культурно-историческая психология, методы психологии, адаптивный интеллект, искусственный интеллект, персонажи художественной литературы, литературный полигон, кластерный анализ

## Введение

Наиболее значимые достижения культурно-исторической психологии состоялись в рамках генетической парадигмы: формирующий эксперимент, моделирование процесса овладения культурными средствами (орудиями и знаками). В фокусе исследователей был процесс овладения ребенком рядом высших психических функций, преимущественно когнитивных — вниманием, памятью, отдельными процессами мышления — а затем и двигательными и познавательными умениями и т.п. Золотой арсенал культурно-исторической психологии составили метод двойной стимуляции и поэтапное формирование действий, и множество их модификаций. Важная идея также состояла в утверждении критической роли встречной активности ребенка в процессе своей социализации — усвоения достижений человечества. Ее концептуальное воплощение — теория деятельности.

Однако минимум две темы остались за пределами исследований, хоть они и подпадают под семантику «культурно-историческое». Во-первых, явно непропорционально весомей представлена культурная (общекультурная) проблематика в сравнении с исторической. Принцип историчности декларируется, но все ключевые исследования не локализованы в историческом времени, не зависят от особенностей культурного контекста и исторического момента. Основной научный дискурс посвящен культурному (искусственному) характеру средств: знаков и орудий; и почти не обсуждается их историческая обусловленность, нет привязки к историческому контексту и времени. И, во-вторых, практически все внимание уделено генезису психических функций с использованием знаков и орудий, и почти ничего о содержании того, что именно усваивается, какое содержание предлагается ребенку к овладению, на что направлена его встречная активность.

Встает вопрос о необходимости свежей методической идеи, работающей на заполнение указанных лакун. **Требования к методу** таковы, чтобы он:

- Позволял работать с накопленным в культуре содержанием — с тем, что вмещается осваивать каждому новому поколению.
- Хорошо локализовал это содержание по странам, историческим периодам, по политическим режимам и т.п.
- Способен работать с большими массивами качественного (не цифрового) материала.
- Обладал приемлемой трудоемкостью.
- Давал возможность визуализировать логику работы и результаты.

## Адаптивный интеллект как культурно-историческое средство

На протяжении всей истории человечества людей удивляла и восхищала способность выживать в сложных условиях. Выживать не только физически, но и социально, символически. О широком понимании выживания речь шла в мифах о заведомо бессмертных богах — это истории выживания, корни которых уходят в глубокую древность, гораздо раньше, чем эпосы «Илиада» и «Одиссея» Гомера. Образцы поведения героев в ситуациях с задачей на выживание — это социальные конструкты фундаментальной важности. Характеристика «хитроумный Одиссей» высвечивает один из ключевых ресурсов, обеспечивающих выживание. А именно, особого рода интеллект — адаптивный. По результатам ассоциативного исследования (Гут 2023) было показано, что реальность, к которой реферирует термин «адаптивный интеллект», — это ситуации с задачей на выживание. Они получили название «**острые ситуации**». Это ситуации, когда:

- а) проблема возникает внезапно и непредвиденно;
- б) события в ситуации представляют актуальную угрозу для жизни или выживания как личности или группы;
- в) нет готового средства снять угрозу, его требуется еще найти;
- г) время для решения задачи на выживание ограничено — риски и дефициты только растут.

Нарративы о выживании в острых ситуациях — это не просто отдельные истории, а мощные культурные коды, которые формируют коллективные представления о «норме выживания» и одобряемых способах решения проблемы. Эти протомодели, выработанные еще в архаике, модифицируются в художественных нарративах. Их воспроизведение в практике актуализирует адаптивный интеллект, который помогает человеку находить уникальные решения в условиях новых угроз и недостаточных входящих данных о ситуации. Адаптивный интеллект (АИ) представляет собой глубокий, эволюционно значимый процесс, который активируется исключительно в острых жизненных ситуациях. Жестко говоря, нет угрозы — нет и актуализации адаптивного интеллекта. Встает вопрос о необходимости понять суть образцов поведения в острых ситуациях как культурно-исторических средств формирования социально приемлемой активности.

**Цель исследования** — разработать и оценить методику автоматического (машинного) анализа персонажей художественной литературы, позволяющую выявлять культурно-исторические коды,

задающие эталоны решения задач на выживание для воспроизведения в обыденном сознании и социальных отношениях.

### Метод — литературный полигон Порядок разработки

**Исходный материал** составили тексты художественных произведений. Значительная часть сюжета большинства художественных произведений — это цепочка острых ситуаций, которые создают интригу, определяют динамику событий. Соответственно, авторы показывают своим читателям, каким образом их герои справляются с проблемами, возникающими в острых ситуациях. Эти авторские находки содержат образцы или иллюстрации того, как следует выживать и справляться с жизненными проблемами.

**Настройка на предметную область** (тему) — это отбор релевантных произведений и выявление в них персонажей, чье поведение содержит признаки актуализации адаптивного интеллекта. В основу списка легли произведения, получившие признание в корпусе мировой и национальной литературы разных стран: рекомендованные для школьных программ, а также вошедшие в списки «Великих книг» и рейтингов «Топ-100 лучших книг» и подобных. Нацеленность на произведения, устойчивые в культуре, дает увидеть паттерны адаптации. С жанровой точки зрения ядро составили приключения, литература взросления, фантастика, классическая литература, где в основе сюжета лежит испытание героя и ситуация выживания. Для анализа были выбраны главные герои и хорошо прописанные второстепенные персонажи, в том числе контрольная группа. Так очерчивается объект исследования (феномены).

**Критерии для анализа персонажей** художественных произведений были заимствованы из числа понятий, составляющих концептуальный тезаурус адаптивного интеллекта. Это, во-первых, прямые описания и характеристики адаптивного интеллекта (Гут, 2023). Во-вторых, это понятия из арсенала нарративного анализа. Главные из них: путь Героя, этапы пути, исход пути, инициация и т.п. В-третьих, использованы некоторые важные социальные и личностные характеристики. Кроме того, введены социально-демографические показатели, позволяющие разбивать выборку персонажей на разного рода подгруппы. Это обеспечивает конструктивную валидность: измеряемые признаки непосредственно соотносятся с понятием адаптивного интеллекта, а не с произвольными характеристиками персонажей. В нашем случае перечень критериев содержал следующие компоненты:

- *Характеристики адаптивного интеллекта:*
  1. Эмпирически выявленные характеристики АИ (Гут, 2023)
  2. Теоретически заданные составляющие адаптивного потенциала (Гут, Доценко, 2023)
  3. Признаки АИ по Р. Стернбергу (Sternberg, 2003; 2005; 2019)
    - *Категории АИ из научно-популярной литературы*
    - *Нарративного подхода понятия:*
      4. Этапы становления героя (мономиф) по Дж. Кэмпбеллу, В. Проппу (Кэмпбелл, 2018; Пропп, 2001)
      5. Исходы героя (осмысленные комбинации из «победа», «поражение», «смерть», «утрата», «признание»)
      6. Архетипы перехода по К. Пирсон (невинный, сирота, мученик, воин, путешественник, маг) (Марк, Пирсон, 2005; Дилтс, Делозье, 2012)
        - *Функции героя в нарративе:*
          7. Тип нарративной структуры по Гергену (прогрессивная, стабильная, регрессивная) (Gergen, 1998) и Лабову, Валетски (Gergen, 1998; Labov, Waletzky, 1966)
          8. Этапы пути героя по Колотаеву (Концепция Э. Эрисон-Кэмпбелл-Воглер) (Колотаев, 2021)
            - *Социальные и личностные характеристики:*
              9. Идеология, ценности и верования по А. Маслоу (Маслоу, 1999)
              10. Типы мышления (мифологическое/рациональное) (Леви-Строс, 2008)
              11. Категории по Д. Макадамсу (диспозиция сил, уровень субъектности, финал героя, мораль, окружение героя и т.д.) (McAdams, 2011; Барский, Грицук, 2010; Евстигнеева, Оберемко, 2007)
              12. Шкала (виды) межсубъектных отношений (Доценко, 2000)
                - *Социально-демографические характеристики:*
                  13. Социокультурный контекст (отношения героя к культуре, текущий строй, общая культурная ориентация восток/запад)
                  14. Социо-демографические характеристики героя (пол, возраст, страна, профессия, легитимность и т.д.)

Текущая версия содержит 166 критериев.

### **Обучение ИИ анализу литературных героев.**

Для повышения внутренней валидности и интерпретируемости данных использовалась процедура калибровки нейросети с обратной связью: неоднократные повторы запросов при неизменных промптах и ручная экспертиза полученных текстов на соответствие заданным критериям научного дискурса, предметности и шкалирования.

Промпты предписывали оценивать указанного персонажа по каждой переменной согласно заданным для переменных шкал (160 из 166 переменных получали балльное выражение). Полученные ИИ результаты по одному персонажу сравнивались с результатами суждений трех экспертов в составе кандидата филологических наук, пишущего литератора с высокой эрудицией в материале и доктора психологических наук. По результату сравнения в промпты вносились коррективы: уточнялись процедуры, регламентировались объемы и формат объяснений, давались определения специальным терминам и т.д. И так итеративно до достижения сходства между оценками экспертов и ИИ. Всего потребовалось оценить 20 персонажей, чтобы ИИ обучился с качеством оценивать героев художественных произведений. Устойчивость результатов оценивалась с помощью повтора заданий в разное время и с помощью разных нейросетей. Апробация происходила на материале выборки, куда входили герои, имеющие, по оценке экспертов, полярные значения по шкалам адаптивного интеллекта (высокая и слабая степень выраженности). Балльное шкалирование дало разницу в измерении параметров, равную единице, что совпадает с разницей при качественном кодировании специалистов. Было выявлено, что нейросеть как инструмент качественного анализа способна выполнить экспертную роль и успешно применить методики анализа нарратива и адаптивности. Это позволяет трактовать модель как надежный (по стабильности оценок) инструмент экспертного типа.

Таким образом, релевантность выбранного материала и надежность методики, обеспечивающей воспроизводимость данных, основаны на тщательных запросах и настройке параметров в сочетании с нашими собственными тестами достоверности и доказательствами того, что ИИ способен воспроизвести межэкспертную оценку, позволяет быть уверенными в надежности создаваемых переменных.

**Набор материала в основную матрицу** (полигон) происходил поэтапно с шагом по 50 персонажей. Анализ каждого персонажа был реализован с помощью 19 промптов. Результаты по каждому из 19 заданий просматривались на предмет возможных ошибок со стороны нейросети. И лишь после проверки результаты заносились в матрицу. После каждой полусотни строк (персонажей) производилась кластеризация матрицы (по персонажам). Это позволило проследить динамику изменений результатов в зависимости от размера матрицы (количества составивших ее персонажей). Результаты, полученные на первой сотне, смотри в (Андреева, Гут, Доценко, Потемкин, 2025).

Текущая версия литературного полигона насчитывает 410 персонажей:

1. Герои русскоязычной художественной литературы, преимущественно из школьной программы, с жанровым акцентом на приключенческих произведениях — 85 персонажей.

2. Герои европейской (40 персонажей) и североамериканской (35 персонажей) приключенческой художественной литературы — 75 персонажей.

3. Герои популярных книжных и киноселенных (Властелин Колец, Гарри Поттер, Игра Престолов и Звездные войны) — 50 персонажей.

4. Герои народных эпосов и преданий Африки — 50 персонажей.

5. Герои народных эпосов и преданий Южной Америки — 50 персонажей.

6. Герои российских (40 персонажей) и зарубежных (40 персонажей) произведений в жанре даркфэнтези и постапокалипсис — 80 персонажей.

8. Герои фильмов с ярким жанровым акцентом на выживании — 20 персонажей.

Соответственно, размерность матрицы стала  $410 \times 166$ . Список персонажей постоянно пополняется.

### Оценка свойств матрицы (полигона)

Характеристики (свойства) литературного полигона:

1. Постепенное увеличение количества персонажей (с шагом в 50) сохраняет основные группы (типы) персонажей, что указывает на надежность и устойчивость разработанной методики.

2. Характеристики групп персонажей хорошо упорядочены на дендрограмме (подробнее см.: Андреева, Гут, Доценко, Потемкин, 2025, с. 61)

3. Кластеры хорошо толкуются, за редким исключением. Правда, это справедливо лишь для матриц размерностью примерно до 200 строк. Далее устойчивость групп снижается, отдельные персонажи начинают перескакивать из одного кластера в другой. Хотя общие свойства матрицы сохраняются даже при размерности около 400 строк, работать с ней становится труднее. Вероятнее всего потому, что размер матрицы сильно отклоняется от квадратного, т.е. это чисто математический эффект. Впрочем, для исследовательских задач вполне удобна рабочая матрица размером  $100-150 \times 160$ . Так, можно набрать рабочие матрицы, которые позволят сравнить шаблоны героического поведения, транслируемые, скажем, юным читателям в западноевропейской художественной литературе и в российской, или в западноевропейской и североамериканской.

4. Следовательно, матрица предоставляет материал для организации множества исследований,

используя сортировки по социально-демографическим показателям и другим заложенным в матрицу переменным, любые тематические извлечения (используемые литературными героями средства достижения результатов, ресурсы, состояния, их мотивацию, даже характер использования обоняния и т. п.). А это и есть искомые возможности для культурно-исторической психологии.

Таким образом, инструмент представляет собой литературный полигон (от греч. *polygonos* — многоугольный) — многомерную семантическую площадку, предназначенную для проведения испытаний на материале, полученном в результате переработки литературного (текстового) материала.

### Интерпретация результатов

Полученные группы (кластеры) мы рассматриваем как операциональные аналоги конструкторов обыденного сознания:

- как *шаблоны поведения* в острых жизненных ситуациях,
- как *образцы решения* («героического» или не очень) задач на выживание,
- как *типы людей* в зависимости от выраженности у них адаптивного интеллекта.

Обобщение характеристик групп персонажей было выполнено двумя способами:

*На основе средних баллов* для составивших ее персонажей.

*На основе исходных текстов* — содержательные характеристики извлекались непосредственно из текстов художественных произведений. На данный момент с помощью нейросети мы провели два таких поиска. Первое касалось стратегий, которыми пользовались вошедшие в данный кластер персонажи, выделение тех стратегий, которые обеспечили решение задачи на выживание и отстаивание. Второе было призвано оценить, какие психические состояния обеспечили решение этой задачи. Полученные содержательные характеристики групп мы рассматриваем как шаблоны поведения в острых ситуациях — образцы для подражания со стороны читателей. В этом качестве мы и обсудим наиболее интересные/выразительные группы персонажей.

### Результаты

Получены следующие группы персонажей (типажи):

**1. Лидеры выживания — активные выживальщики.** В кластер вошли триумфальные победители, первопроходцы, первопоселенцы. У них самые высокие показатели адаптивного интеллекта — выше 90 баллов из 100, то же по пока-

зателям общественной поддержки (3,1 по шкале  $-6 \div 6$ ), и жесткости физической среды ( $-4,5$  по шкале  $-6 \div 6$ ) — необитаемый остров, дрейфующий в океане плот, тайга, другая планета...

Свое выживание в экстремальных условиях они обеспечивают так:

- быстро берут себя в руки — мобилизуются,
- пошагово операционализируют свою активность, превращая ее в последовательность технических задач,
- борьбу преобразуют в будничную рутину, действуют методично и устойчиво, стабилизируя свое функциональное состояние ритмом ежедневных забот,
- удерживают ясный внутренний стержень — ценности, что позволяет им сохранить человеческое достоинство и смысл существования, подниматься над страданиями.

В целом этот кластер презентует ожидаемый позитивный образец героя, вызывающий симпатию сплав человечности, рациональности, воли, технологичности и адаптивного интеллекта (находчивость, изобретательность, умения).

**2. Юные стойкие защитники** (Щелкунчик, Рон Уизли, Вика Люберецкая). Этот кластер составили не столько «уменьшенные копии» Лидеров выживания, как можно было бы ожидать, а качественно иной тип героя. Как и Лидеры, они справляются с эмоциональным хаосом и переходят к рациональному действию, их победа так же обеспечена сочетанием находчивости и логики с непоколебимым моральным фундаментом. Однако их адаптивный интеллект больше направлен на созидание и сохранение, чем на экспансию или оборону. Способы их победы всегда социальные: они строят связи, приносят жертвы и деконструируют угрозы ради других людей. Уникальность их приемов заключается в том, что они используют свою «юность» (неопытность, слабость) как катализатор для поиска нестандартных решений, которые не приходят в голову более опытным и «закостеневшим» персонажам. Эти герои обладают потенциалом стать лидерами нового типа — теми, кто восстановит мир после катастрофы.

**3. Беглецы от реальности — аутсайдеры выживания** (Человек в футляре, Актер, Макар Девушкин, Любовь Раневская, Шариков, Обломов). Эти персонажи во всем проигрывают Лидерам: очень низкие значения адаптивного интеллекта (47,6 из 100), установки на активность и переосмысление ситуации, веры в себя, любопытства, целостности, избыточности. В угрожающей ситуации они не пытаются изменить мир или подстроиться под него, а выходят из игры,

лишая мир возможности воздействовать на них. Для этого используются «экзоскелеты» для психики (халат Обломова, шинель Башмачкина, гаюши Беликова), специфические семантические средства (письма Девушкина, язык цветов Офелии, греческий язык Беликова), закрытые семантические пространства (Обломовка у Обломова, Париж у Раневской, Праведная земля у Актера, Мир циркуляров у Беликова). Так им удается сохранять внутреннюю целостность даже в условиях полного внешнего краха. Эти герои побеждают мир тем, что он перестает быть им нужен, сохраняют «Я» через разрушение внешних связей. Их победа — это триумф небытия над суетой, тишины над словом и «футляра» над открытым пространством. Вероятно, такая парадоксальная привлекательность и находит своих подражателей из числа душевно и/или физически ослабевших читателей.

Между группами Лидеров и Аутсайдеров проявились несколько любопытных кластеров, континуальных по выраженности адаптивного интеллекта. Обсудим некоторые из них.

**4. Романтичные девочки в отношениях.** Этот кластер выделяется среди остальных. Оказывается, в социальной практике существует и женский вариант испытаний — острые ситуации во взаимоотношениях. Он требует не сурового испытания стихией, но символического, через выстраивание связей в обществе, что, вероятно, можно признать особой стратегией инициации юной девушки. Распространенность и позитивное отношение общества к этому виду испытания поднимает место девочек в дендрограмме, нарушая континуальность показателей адаптивного интеллекта. Не грубая сила или хитрость — на первый план выходят любовь к близким, сострадание и умение вдохновлять окружающих. Их победы достигаются благодаря внутренней доброте и поддержке друзей и семьи. Так, высокое «социальное одобрение» (склонность привлекать на свою сторону людей) становится общим ресурсом: Оля и Яло находят поддержку у зеркальных жителей, Мари заручается доверием крестного и матери, а Элли — помощью Тотошки и новых друзей. Главным ресурсом всех героинь выступает любовь и смелость действовать от нее. В кризисе они быстро переходят в режим борьбы благодаря внутренней решимости, в повседневном режиме эти персонажи работают стабильно, без излишней тревоги, умеют управлять своим страхом и направлять эмоции в конструктивное русло. Таким образом, мы имеем социальную одобряемый образец преодоления острых ситуаций в романтических отношениях.

**5. Мудрые наставники.** Ни один из этих героев не использует лобовую атаку как основной способ решения конфликта. Они побеждают за счет того, что «видят больше», будь то магические законы, природные циклы или человеческие слабости. Ресурсы: быстрый произвольный вход в критическое состояние, высокий АИ. Действуют исходя из личных стандартов совершенства, их высокая субъектность подпитывается верой в свою правоту. Вместо физической силы у них интеллект: не мышцы, а инсайт. Миссия этих героев — противостоять разрушению привычного им мира. Они последние атланты своих культур (Хогвартса, Средиземья, старой Москвы, традиционной тайги). А призвание — наставничество: даже решая задачу на выживание, они продолжают транслировать опыт (Гарри, Пиппину, внукам, Арсеньеву, Манолину). Победа для этих героев не полна, если она не усвоена следующим поколением. Они не просто «пожилые герои», они стабилизаторы систем, в которых действуют, использующие свои состояния как инструменты тонкой настройки реальности.

Кроме описанных групп в зависимости от размера рабочей матрицы выделяются до 23 и более хорошо интерпретируемых кластеров. Так, например, при 225 персонажах Мудрые наставники разбиваются на две группы: Наставники-дарители (в нее вошли почти исключительно русскоязычные герои) и Наставники-эксперты (только герои западной литературы). Разница в том, что дарители оказывают помощь делами, а эксперты ограничиваются наставлениями.

Из этой же матрицы (225 × 160) выделяется новая группа:

**6. Злодеи, манипуляторы, насильники** (Гренуй, Грима, Волан-де-Морт, Рамси, Серсея). Группа характеризуется тотально низкими ценностными установками и большим разбросом значений адаптивного интеллекта (в нее вошел Шив Палптин («Звездные войны») — единственный из 410 персонажей, который получил 100 баллов). Здесь находятся злодеи, которые многократно и систематически делают выбор в пользу насилия и зла (поэтому раскаявшийся Раскольников в этот кластер не попал). Мудрые наставники готовят новое поколение героев для борьбы с представителями именно этой группы.

Как видим, метод хорошо подсвечивает культурно-исторические особенности выявляемых групп литературных героев. Для иллюстрации обсудим еще одну группу.

**7. «Загадочная русская душа»** (Печорин, Базаров, Чичиков, Онегин, Лопухов, Кирсанов, Лойко

Зобар). Кластер отражает русскую литературную традицию в описании пути Героя — отчуждение от норм ради обретения высшей внутренней свободы. Их объединяет «невписанность» в социальную матрицу (высокие значения по шкале «Маргинальность» и низкие по шкале «Легитимность в рамках текущей культуры»). Они способны к высокой мобилизации, но ненадолго, их межличностные и социальные отношения находятся в состоянии разрушающего противоборства, тотальность душевных состояний ведет к отрыву от реальности. Их стратегии выживания — это уроки сохранения человеческого в условиях культурного или экзистенциального кризиса.

Рассматривая персонажей как узлы в многомерном пространстве признаков (интеллект, нарратив, социокультурный контекст), мы используем кластерный анализ как инструмент реконструкции скрытой сети сходств и различий, в которой группировки персонажей отражают устойчивые конфигурации адаптивного интеллекта, что совпало с представлением об интеллекте как социальном конструкте. Структура дендрограммы воспроизводит теоретически ожидаемое упорядочивание: контрольная группа персонажей с минимальной адаптивностью образует отдельный кластер с низкими значениями по всем шкалам, тогда как вершину дерева занимают группы с максимальными показателями адаптивного интеллекта, социального признания и прогрессивности нарративов.

### Обсуждение результатов

Как видим, метод литературного полигона открывает возможность группировки персонажей в осмысленные (хорошо интерпретируемые) типажи, которые уместно рассматривать как образцы для идентификации. В той степени, в которой читатель идентифицируется с тем или иным героем, он невольно принимает и большую часть нарратива, описывающего путь этого героя (по механизму ассоциации и запечатления единства человек-в-ситуации). Конструируя свою Я-концепцию (нарратив о себе), он/она использует фрагменты семантически близких историй, перенимая в результате их как имплицитную модель выживания (физического, социального или личностного).

Здесь мы обнаруживаем перспективу для исследований процессов становления и развития идентичности, отстаивания человеком своей индивидуальности, исследований, выполненных точно в соответствии с культурно-исторической парадигмой. То есть используя такие понятия как зона ближайшего развития, ориентировочная основа действия в острой ситуации, характер исполь-

зуемых при этом культурных средств, выявление путей целенаправленного (поэтапного) формирования/преобразования/коррекции таких в полном смысле высших психических функций как личность, индивидуальность, характер, воля и т.п.

Поражает разнообразие полученных в результате математической группировки типажей. Напомним, что исходный материал подбирался по наличию в сюжетах острых ситуаций, актуализирующих адаптивный интеллект. Так что разнообразие указывает на то, что мир художественного вымысла обеспечивает преадаптивный запас прочности перед лицом неопределенности и непредсказанности будущих испытаний. Подобным образом воображение порождает идеи для творчества.

Как метод, литературный полигон — это многомерная семантическая площадка (матрица), обладающая следующими признаками:

1. Содержит результаты оценки (кодировки)  $N$  литературных героев, выполненной искусственным интеллектом по заданным  $K$  критериям, где  $N$  и  $K$  заведомо больше 100 (в нашем случае  $N=410$ ,  $K=166$ ).

2. Тематически настраивается на любую предметную область, если эта тема отражена в доступных нарративах; в нашей версии это тексты художественной литературы, содержащие в сюжете острые жизненные ситуации.

3. На массиве заложенных в матрицу произведений и персонажей можно выполнять сортировки, расщеплять матрицу в соответствии с историческими периодами и географическими локализациями. Это открывает возможность выявлять социальные или культурные нормы, локализуя их в историческом времени и географической топике, проводить сравнительный анализ конструктов обыденного сознания в разные времена и в разных странах или на разных континентах.

4. Система связей (сходств) между литературными героями выявляется с помощью кластерного анализа (критерий 1 — Пирсон). Визуализируются связи между персонажами в виде кластерного дерева.

5. Эмпирически выявляемые группировки (кластеры) персонажей рассматриваются как операциональные аналоги конструктов обыденного сознания, эксплицированные авторами литературных произведений. Интерпретируются группы как типы/типажи литературных героев.

6. Содержательная оценка сходств или различий групп литературных героев выполняется:

а) на основе средних групповых показателей по предзаданным критериям,

б) с опорой на исходные тексты (в нашем случае художественных произведений приключенческой литературы) — вручную или с помощью ИИ после соответствующего его обучения.

### Выводы

Литературный полигон обладает признаками нового метода в психологии.

– оригинальная идея: большое количество переменных + большой массив литературных данных + привлечение нейросети

– нарративы художественной литературы толкуются как культурно-исторические эталоны — то, что становится образцом социального поведения, конструктом обыденного сознания.

– написаны и откалиброваны 32 промпта для предметной области «адаптивный интеллект»; процедура может быть масштабирована на широкий круг предметных областей;

– показана корректность сжатия данных и визуализации результатов с помощью кластерного анализа;

– подобран инструмент интерпретации результатов — понятия из нарративного анализа и сценария инициации.

Внешняя валидность результатов понимается как типологическая: выявленные кластеры пер-

сонажей и факторы (острота ситуации, социальное признание, субъектность, культурная интегрированность) воспроизводят общие положения культурно-исторической психологии и современных концепций адаптивного интеллекта, что позволяет переносить полученные типы на более широкий класс культурных нарративов. Это открывает возможность сопоставлять современные жизненные сценарии с историко-культурными матрицами адаптации, выявляя, какие стратегии продолжают считаться продуктивными, а какие маргинализируются.

Литературный полигон как методический прием открывает путь к созданию нового класса инструментов, которые могут быть одновременно объективными, масштабируемыми и чувствительными к сложным, динамическим аспектам человеческой психики, которые ранее были доступны только через трудоемкие качественные методы. Это создает уникальный «мост» между традиционной, качественной психологией и современными методами обработки больших данных. На основе литературного полигона продолжают поиски новых методических приемов, совокупность которых позволяет говорить о контурах более общего метода, названного «нарративно-поведенческое моделирование».

### Литература:

- Андреева А.А., Гут В.В., Доценко Е.Л., Потемкин С.А. Нейросетевой анализ персонажей художественной литературы: оценка адаптивного интеллекта // Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2025. № 2. С. 57–67. DOI: 10.24147/2410-6364.2025.2.57-67.
- Барский Ф.И., Гришук А.Г. «Интервью жизненной истории» Д. МакАдамса как метод исследования нарративной идентичности // Журнал практического психолога. 2010. № 5. С. 158–204.
- Гут В.В. Адаптивный интеллект: опыт феноменологической настройки определения // Научное мнение. 2023. № 6. С. 47–57. DOI: 10.25807/22224378\_2023\_6\_47.
- Гут В.В., Доценко Е.Л. Конструирование определений: от манипуляции до адаптивного интеллекта // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2023. № 8. С. 50–58. DOI: 10.37882/2500-3682.2023.08.05.
- Дилтс Р., Делозье Д. Работа с архетипами перехода. В кн. НЛП-2: поколение Next. СПб.: Питер, 2012. С. 176–177.
- Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: ЧеРо, 1998.
- Евстигнеева Н.В., Оберемко О.А. Модели анализа нарратива // Человек. Сообщество. Управление. 2007. № 4. С. 95–107.
- Колотаев В.А. Путь героя, идентичность и стадии жизненного цикла в киноискусстве // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2021. № 43. С. 75–87.
- Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. СПб.: Питер, 2018.
- Леви-Строс К. Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль. М.: Академический проект, 2008.
- Макадамс Д.П. Психология жизненных историй // Методология и история психологии. 2008. № 3. С. 135–166.
- Марк М., Пирсон К. Герой и бунтарь. Создание бренда с помощью архетипов. СПб.: Питер, 2005.
- Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999.
- Пропт В.Я. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2001.

- Рубцов В.В., Зарецкий В.К., Майданский А.Д. Сто лет развития культурно-исторической психологии: веки и направления // Культурно-историческая психология. 2024. Т. 20. № 3. С. 5–11. DOI: 10.17759/chr.2024200301.
- Сарбин Т.П. Нарратив как базовая метафора для психологии // Постнеклассическая психология. 2004. № 1. С. 6–28.
- Gergen K.J. Narrative, Moral Identity and Historical Consciousness: a Social Constructionist Account. 1998. URL: [http://www.swarthmore.edu/sites/default/files/assets/documents/kenneth-gergen/Narrative\\_Moral\\_Identity\\_and\\_Historical\\_Consciousness.pdf](http://www.swarthmore.edu/sites/default/files/assets/documents/kenneth-gergen/Narrative_Moral_Identity_and_Historical_Consciousness.pdf) (дата обращения: 31.03.2026).
- Labov W., Waletzky J. Narrative analysis: Oral versions of personal experience // Helm J. (Ed.) Essays on the Verbal and Visual Arts: Proceedings of the American Ethnological Society. Seattle: University of Washington Press, 1966. P. 12–44.
- McAdams D.P. Narrative identity // Schwartz S.J., Luyckx K., Vignoles V.L. (Eds.) Handbook of Identity Theory and Research. New York: Springer, 2011. P. 99–115.
- Sternberg R.J. Wisdom, intelligence, and creativity synthesized. New York: Cambridge University Press, 2003.
- Sternberg R.J. The theory of successful intelligence // Interamerican Journal of Psychology. 2005. Vol. 39. № 2. P. 189–202.
- Sternberg R.J. A theory of adaptive intelligence and its relation to general intelligence // Journal of Intelligence. 2019. Vol. 7. № 4. Art. 23. DOI: 10.3390/jintelligence7040023.

## LITERARY POLYGON: A CULTURAL-HISTORICAL PERSPECTIVE ON ADAPTIVE INTELLIGENCE

© Valery V. Gut

Institute of Adaptive Intelligence, Moscow, Russia  
Tyumen State University  
valeriy\_gut@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5941-8546

© Evgeny L. Dotsenko

Institute of Adaptive Intelligence, Moscow, Russia  
Tyumen State University  
dotsenko\_e@bk.ru; ORCID: 0000-0001-9651-0555

© Anna A. Andreeva

Institute of Adaptive Intelligence, Moscow, Russia  
aaandreeva@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-9458-5326

© Sergey A. Potemkin

Tyumen State University  
kaizermail.ru@mail.ru; ORCID: 0009-0006-6201-3706

The study was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation within the framework of the project “Fundamental problems of the methodology of development and related legal and ethical regulation in the field of application of artificial intelligence systems and models” (FEWZ-2024–0052).

The scientific discourse of cultural-historical psychology is mainly devoted to the artificial nature of signs and tools, and the genesis of higher mental functions. However, the connection to the historical context and time, as well as the content of what is being assimilated, is almost never discussed. The *aim* of this work is to introduce colleagues to a methodological technique designed to correct this imbalance. The *method*, named “Literary Polygon”, is a matrix obtained by coding (based on 166 features) literary characters using artificial intelligence. A total of 410 characters, mainly from adventure literature, were collected. Clustering the character matrix makes it possible to identify character types depending on their

ability to overcome trials. *Results*. The most prominent types are shown — “Survival Leaders”, “Young Resilient Defenders”, “Escapists (Fugitives from Reality)”, “Wise Mentors”, “Villains-Manipulators”, and the “Mysterious Russian Soul”. The *discussion* of the results contains qualifying judgments about the literary polygon. In terms of content, it provides an opportunity to identify models for readers’ identification, which opens up prospects for research on the formation of identity and the defense of one’s individuality, conducted in accordance with the cultural-historical paradigm. The *conclusions* contain arguments that the literary polygon has the characteristics of a new method of psychology.

**Keywords:** Cultural-historical psychology, methods of psychology, adaptive intelligence, artificial intelligence, literary characters, literary polygon, cluster analysis

## REFERENCES

- Andreeva A.A., Gut V.V., Dotsenko E.L., Potemkin S.A. (2025). Neural network analysis of literary characters: assessment of adaptive intelligence // Herald of Omsk University. Series “Psychology”. № 2. P. 57–67. DOI: 10.24147/2410-6364.2025.2.57-67.
- Barskii F.I., Gritsuk A.G. (2010). D. McAdams’ “Life Story Interview” as a method of narrative identity research // Journal of Practical Psychologist. № 5. P. 158–204.
- Gut V.V. (2023). Adaptive intelligence: an experience of phenomenological tuning of definition // Scientific Opinion. № 6. P. 47–57. DOI: 10.25807/22224378\_2023\_6\_47.
- Gut V.V., Dotsenko E.L. (2023). Constructing definitions: from manipulation to adaptive intelligence // Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Cognition. № 8. P. 50–58. DOI: 10.37882/2500-3682.2023.08.05.
- Dilts R., DeLozier J. (2012). Working with transition archetypes. In NLP-2: The Next Generation. P. 176–177. St. Petersburg: Piter.
- Dotsenko E.L. (1998). Psychology of manipulation: phenomena, mechanisms and protection. Moscow: CheRo.
- Evstigneeva N.V., Oberemko O.A. (2007). Models of narrative analysis // Human. Community. Management. № 4. P. 95–107.
- Kolotaev V.A. (2021). The hero’s journey, identity and stages of the life cycle in cinema // Bulletin of Tomsk State University. Cultural Studies and Art History. № 43. P. 75–87.
- Campbell J. (2018). The Hero with a Thousand Faces. St. Petersburg: Piter.
- Levi-Strauss C. (2008). Totemism Today. The Untamed Thought. Moscow: Academic Project.
- McAdams D.P. (2008). The psychology of life stories // Methodology and History of Psychology. № 3. P. 135–166.
- Mark M., Pearson C. (2005). The Hero and the Outlaw: Building Brands with Archetypes. St. Petersburg: Piter.
- Maslow A. (1999). Motivation and Personality. St. Petersburg: Eurasia.
- Propp V.Ya. (2001). Morphology of the Folktale. Moscow: Labyrinth.
- Rubtsov V.V., Zaretskii V.K., Maidanskii A.D. (2024). One hundred years of development of cultural-historical psychology: milestones and directions // Cultural-Historical Psychology. Vol. 20(3). P. 5–11. DOI: 10.17759/chp.2024200301.
- Sarbin T.R. (2004). Narrative as a basic metaphor for psychology // Postnonclassical psychology. № 1. P. 6–28.
- Gergen K.J. (1998). Narrative, Moral Identity and Historical Consciousness: a Social Constructionist Account. URL: [http://www.swarthmore.edu/sites/default/files/assets/documents/kenneth-gergen/Narrative\\_Moral\\_Identity\\_and\\_Historical\\_Consciousness.pdf](http://www.swarthmore.edu/sites/default/files/assets/documents/kenneth-gergen/Narrative_Moral_Identity_and_Historical_Consciousness.pdf).
- Labov W., Waletzky J. (1966). Narrative analysis: Oral versions of personal experience // Helm J. (Ed.) Essays on the Verbal and Visual Arts: Proceedings of the American Ethnological Society. Seattle: University of Washington Press. P. 12–44.
- McAdams D.P. (2011). Narrative identity // Schwartz S.J., Luyckx K., Vignoles V.L. (Eds.) Handbook of Identity Theory and Research. New York: Springer. P. 99–115.
- Sternberg R.J. (2003). Wisdom, intelligence, and creativity synthesized. New York: Cambridge University Press.
- Sternberg R.J. (2005). The theory of successful intelligence // Interamerican Journal of Psychology. Vol. 39. № 2. P. 189–202.
- Sternberg R.J. (2019). A theory of adaptive intelligence and its relation to general intelligence // Journal of Intelligence. Vol. 7. № 4. Art. 23. DOI: 10.3390/jintelligence7040023.

## ЛИЧНОСТЬ И ЕЕ РАЗВИТИЕ: ДЕТЕРМИНИЗМ И СЛУЧАЙНОСТЬ

©Лебедев А.Н.

Доктор психологических наук, Институт психологии РАН, Москва, Россия  
lebedev-lubimov@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-1030-9709

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ (№ 0138–2026–0015)

Для цитирования:

Лебедев А.Н.

Личность и ее развитие: детерминизм и случайность // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2026. Т. 6. № 2(19). С. 23-34.  
DOI: 10.38098/proceedings\_2026\_06\_02\_03

Lebedev A.N.

Personality and its development: determinism and chance. Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2026, Vol. 6, No2(19), Pp. 23-34.  
DOI: 10.38098/proceedings\_2026\_06\_02\_03

Статья посвящена проблеме соотношения причинного и случайного в развитии и саморазвитии личности. Рассматриваются концепции каузального и стохастического детерминизма в философии, а также различные методологические подходы к анализу проблемы в естественных науках и психологии. Статья дискуссионная и написана для молодых научных сотрудников, а также членов Академического дискуссионного клуба ИП РАН. В статье рассматривается концепция американского психолога А. Круглански, недавно предложившего психологическому сообществу так называемую теорию поиска значимости (*Significance quest theory*), с которой российские исследователи знакомы недостаточно, но которая позволяет по-новому объяснить многие сложные феномены жизни людей, их решения, поступки и поведение в целом. В частности, утверждается, что любая личность, обладающая объективной возможностью принимать самостоятельные решения, стремится к поиску личностной и социальной значимости. В соответствии с данной теорией в статье утверждается, что опредмечивание потребности в поиске значимости может происходить относительно случайным образом, что существенно ограничивает возможности педагогической практики и целенаправленного управления людьми в целом.

**Ключевые слова:** личность, психология личности, методология науки, причинность и случайность, каузальный и стохастический детерминизм, опредмечивание потребности, теория поиска значимости, социодинамика культуры

### Введение

Психология личности — отрасль психологии, которую давно уже нельзя отнести к числу так называемых «новых направлений науки» (Хелл, Зиглер, 2008; Холл, Линдсей, 2008). Но это вовсе не означает, что здесь не может быть новых явлений, проблем, существенной новизны и прорывных исследований, причем не только в эмпирическом плане, что сегодня обычно связывают с появлением программ искусственного интеллекта и нейрорпсихологических методов, но в теоретическом и методологическом (Лебедев, 2022).

Одна из наиболее обсуждаемых проблем, которая всегда интересовала специалистов, занимающихся изучением феномена личности, — это проблема ее развития и саморазвития (Лебедев, 2019). Теоретический вопрос, подкрепленный многочисленными эмпирическими исследованиями, о том, почему из ребенка получается та или иная личность, решался в психологии по-разному: от представлений о все определяющих ге-

нах, до ее полной зависимости от социализации и воспитания. Вопрос о роли случайности в развитии личности (как позитивном, так и негативном) оказывался крайне сложным прежде всего по методологическим, а иногда и по идеологическим основаниям.

По крайней мере в отечественной науке, такое развитие обычно рассматривалось как процесс каузально детерминированный и определяемый ее социальным окружением. Иной позиции часто придерживаются историки, биографы и журналисты, описывающие жизненный путь того или иного известного человека. Здесь случайности и совпадения нередко выступают и в качестве примеров, и в качестве объяснительных принципов удачных или неудачных поворотов в конкретных биографиях (Звезды века).

За последние десятилетия одной из публично заявленных концепций развития и саморазвития личности, претендующих на статус научной теории, стала теория поиска значимости (*Significance*

Quest Theory) американского психолога А. Круглански (Kruglanski, 2009, 2025; Лебедев, 2026). В соответствии с теорией, когда человек находится в благоприятных условиях для самостоятельного принятия решений, он реализует изначально присущую ему потребность в поисках значимости, то есть решает, чем бы мог произвести эмоциональное впечатление на других людей, чтобы получить одобрение, признание, завоевать авторитет, повысить свой статус в обществе или, например, вызвать восхищение окружающих.

Опираясь на положения данной теории, можно сделать вывод о том, что полное соответствие социальным нормам не всегда обеспечивают человеку чувство собственной значимости, поэтому его идеи и поступки оказываются во многом случайными, а его развитие как личности часто происходит в непредсказуемом относительно случайном направлении. Разумеется, феномен поиска значимости проявляется лишь в благоприятных для человека условиях, например, в творчестве, или в условиях, провоцирующих его на асоциальные поступки, как это происходит, например, у молодых людей, попадающих в криминальную среду или под влияние экстремистов (Kruglanski et al., 2009, 2014, 2017, 2018).

В соответствии с теорией А. Круглански, речь идет об одобрении, признании, восхищении и пр. не только реальных или хорошо знакомых человеку людей, но и некоего виртуального «обобщенного другого»<sup>1</sup>. Из теории также следует, что развитие культуры на планете, поскольку оно осуществляется наиболее яркими самовыражающимися личностями, имеющими авторитет, также оказывается непредсказуемым и во многом случайным явлением, что проявляется в феномене культурной социодинамики (Моль, 2008).

Теория поиска значимости А. Круглански объясняет многие психологические феномены иначе, чем известные современные теории личности. Сам А. Круглански не делает особый акцент на том, что опредмечивание потребности в значимости происходит относительно случайно, хотя именно этот вывод, по нашему мнению, является наиболее важным для методологии психологии, особенно в современном мире глобального маркетинга и новых технологий (Лебедев, 2026)<sup>2</sup>.

### Причинность и случайность в философии

Случайность — это категория, которая выражает тип связи явлений, при котором отсутствует жёсткая, однозначная закономерность. Событие может произойти, а может и не произойти. Его нельзя вывести как строго необходимое следствие из заданных условий. В рамках диалектического материализма случайность, как и необходимость, — объективные категории, которые не исключают, но дополняют друг друга. Здесь случайность выступает формой проявления необходимости: общий закон реализуется через множество вариативных, «случайных» событий.

Категории причинности (необходимости) и случайности всегда привлекали внимание как мыслителей-философов, так и исследователей-ученых. Целенаправленное изучение соотношения причинности и случайности началось в античной философии, и с тех пор дискуссия о природе этих категорий не прекращается. В Древней Греции были сформулированы две противоположные позиции. Так, Демокрит утверждал, что ни одна вещь не возникает беспричинно, но все возникает на каком-нибудь основании и в силу необходимости. Он отрицал объективное существование случайности, считая ее лишь субъективным понятием, которым люди прикрывают свое незнание истинных причин. Его воззрения считаются первой философской концепцией жесткого детерминизма.

Первой попыткой философски обосновать объективное существование случайности связывают с именем Эпикура. Чтобы избежать фатализма, вытекающего из учения Демокрита, Эпикур ввел понятие *clinamen* — «спонтанное отклонение атомов от прямолинейного движения».

В Новое Время формируется классический научный детерминизм — учение о всеобщей взаимосвязи и обусловленности всех явлений и процессов, о том, что каждое событие определяется причиной. Так, П. Гольбах распространил этот принцип на всю природу и на человека. В своём главном труде «Система природы, или О законах мира физического и мира духовного» он писал: «Ничего в природе не может произойти случайно; всё следует определённым законам; эти законы являются лишь необходимой связью опре-

<sup>1</sup> Термин, который был предложен сторонниками чикагской социологической школы еще в начале XX века. Советский и российский психолог А.М. Матюшкин предлагал автору статьи также использовать термин «обращенность к другому человеку».

<sup>2</sup> Здесь следует отметить важную связь теории поиска значимости А. Круглански с теоретическими взглядами А.Н. Леонтьева, замечательный термин которого — «опредмечивание потребности», как нельзя лучше, показывает, что потребность «находит свой предмет» во многих ситуациях случайно (Леонтьев, 1979, 1981).

делённых следствий с их причинами...». То есть он рассматривал Вселенную как непрерывную, жёсткую цепь причин и следствий, где нет места беспричинным событиям.

П.-С. Лаплас также отстаивал идею жёсткого каузального детерминизма. Он утверждал, что если бы существовал всезнающий «демон», способный знать положение и скорость всех частиц во Вселенной, то для него не было бы ничего неопределённого, и будущее было бы столь же очевидно, как и прошлое. Случайность в этой картине мира — лишь иллюзия, вызванная нашим невежеством.

В XVIII веке Д. Юм заявил, что поскольку мы не можем наблюдать причинно-следственную связь как таковую, а видим лишь повторяющуюся последовательность событий, к которой наш ум привыкает, то возникает некое психологическое «чувство причинности». Этот взгляд поставил под сомнение онтологический статус причинности.

Далее постепенно приходит конец эпохе абсолютного детерминизма, а развитие теории вероятностей и квантовой физики привело к кардинальному пересмотру проблемы. Попытки математически описать случайные события (например, игры в кости) выявили некий парадокс: как совместить детерминистическую картину мира и вычисление вероятностей? Появились идеи стохастического детерминизма (*stochastic determinism*).

Основу концепции стохастического детерминизма составляет представление о том, что если в системе рассматривать сразу большое количество случайных событий, то они могут выступать причиной более сложного системного явления. При этом отмечается, что нередко исследователи формулируют упрощённые и даже ложные каузальные модели, если игнорируют элемент случайности, поскольку такие модели оказываются неполными и ограниченными.

Стохастический детерминизм — это позиция, согласно которой мир детерминирован на микроуровне (причины есть, законы физики работают), но из-за неполноты нашего знания, чувствительности к начальным условиям и огромного числа переменных мы вынуждены описывать систему на макроуровне вероятностными законами.

Физически бросок монеты детерминирован — если знать начальное положение, силу, упругость поверхности, сопротивление воздуха, то результат вычисляется точно (это законы Ньютона). Но на практике из-за сверхчувствительности к начальным условиям мы используем модель: вероятность орла = 0,5. Таким образом, позиция

стохастического детерминизма: объективная причина есть, но прогноз вероятностный.

Изучая причинность и случайность, философы выделяли их виды. Например, линейная причинность может быть описана так называемым «принципом домино» Здесь следствие жестко определено причиной. Случайность здесь — это только начальный толчок. Дальше все предопределено.

Описан также «эффект бабочки» (нелинейное усиление) — по сути, усложнение домино. В сложных системах (погода, экономика) крошечная случайность в одной точке (взмах крыла бабочки) не просто запускает цепочку причинно-следственных явлений (событий), а многократно усиливается через обратные связи. Итог оказывается непропорционально огромным (ураган).

Еще один вариант причинности — «черный лебедь» — редкое событие с гигантскими последствиями. Это результат, который мы наблюдаем задним числом. Как и эффект бабочки, его невозможно предсказать из-за сложности системы. Как и принцип домино, после события мы выстраиваем логичную цепочку причин, где постфактум все кажется очевидным. Однако здесь есть ключевое отличие: для «черного лебедя» случайность имеет не малую амплитуду, а редкую частоту. Это не взмах крыльев, который происходит каждую секунду, а крайне маловероятное начальное условие, которое система затем усиливает.

Так, например, экономический кризис 2008 года (типичный «черный лебедь») эксперты оценили как «десятисигмовое событие» с вероятностью один к миллиарду. Автор термина и концепции «черных лебедей» Н. Талеб советует не искать «черного лебедя», так как это практически невозможно, а «готовить лодку к шторму» (Талеб, 2024).

С целью всестороннего изучения случайности как феномена создавались специальные теории, которые подкреплялись сложными математическими расчётами. Так, например, в XX веке появилась теория хаоса. Лауреат Нобелевской премии по химии И. Пригожин ввел такие понятия, как неравновесная термодинамика и диссипативные структуры. Теория хаоса — это, по сути, раздел математики, который изучает детерминированный (или динамический) хаос. Суть в том, что система подчиняется строгим законам (детерминированным), но её поведение выглядит случайным и непредсказуемым в долгосрочной перспективе.

Также во второй половине XX века популярность приобрела синергетика, которую часто называют наукой о самоорганизации. Она исследует, как в открытых (обменивающихся энергией или веществом с окружением) и неравновесных

системах из согласованного, кооперативного поведения их подсистем спонтанно возникают новые структуры — упорядоченные или даже хаотические. Один из основателей подхода Г. Хакен определял синергетику как изучение «совместного действия многих подсистем, в результате которого на макроскопическом уровне возникает новая структура и соответствующее функционирование» (Хакен, 2001, 2002, 2003).

Тем не менее анализ природы случайности многих приводил к мысли о том, что она является лишь феноменом человеческого мышления. В 1990 году вышла книга канадского философа Я. Хакинга «*The Taming of Chance*» («Укрощение случая»), которая получила широкую известность (Hacking, 2008). В ней автор рассматривает происхождение и развитие характерных черт современного мышления. Основная тема — историческое развитие вероятности и ее роль в формировании современного мышления. Я. Хакинг исследует, как концепция случайности превратилась из философской абстракции в практический инструмент для понимания и управления неопределенностью в различных областях: науке, медицине, социальной политике.

Я. Хакинг опирается на идеи М. Фуко, анализируя взаимосвязь между статистикой, управлением и общественными нормами, и показывает, как вероятностное мышление повлияло на появление современных институтов и практик. В качестве примера он приводит статистику самоубийств начала XIX века: события, ранее приписывавшиеся случаю, начали показывать корреляцию с такими факторами, как возраст, пол, семейное положение, географическое положение и способ совершения самоубийства. То есть случайность стала рассматриваться как причина.

Однако есть авторы, которые категорически против того, чтобы случайность в науках выступала объяснительным принципом. Так, в работе философа В. Я. Перминова «Проблема причинности в философии и естествознании» он предложил рассматривать причинность как деятельностьную категорию, поскольку она органически связана с практической и познавательной деятельностью субъекта. По мнению философа, выбирать в качестве причины следует фактор, который наиболее подходит для описания того или иного явления или процесса особенно при решении какой-либо практической задачи. Автор рассматривает основ-

ные проблемы философского подхода к понятию причинной связи: определение понятия, связь причины с условиями, отношение причинной связи к опыту и логике, проблема универсальности причинной связи (Перминов, 1979).

В. Я. Перминов описывает детерминизм с позиции марксистско-ленинской философии как воззрение на мир, признающее причинность в полном объеме. Он подчеркивает, что понятие причинной связи получает свое специфическое значение только в контексте практики, при истолковании опыта как активности, как воздействия извне на естественный ход событий. Смысл введения понятия о полной причинности он усматривал в том, чтобы доказать полную и однозначную обусловленность любого явления в мире. Той же позиции придерживался, например, известный советский методолог-марксист Г. П. Щедровицкий (Щедровицкий, 1964, 1974).

Следует отметить, что многие известные советские ученые-марксисты полагали, что случайность в хорошо организованной и управляемой системе не играет особой роли. Психика, сознание, поведение и личность ими также рассматривались как объекты управления. Очевидно, что случайным событиям в таких системах предписывали статус вредных артефактов.

Здесь возникает проблема, на которую следует обратить особое внимание. Так, например, ученый может иметь дело с ситуацией, где предметом исследования становится случайное явление с невероятно сложной структурой и неясной природой. Но принципы организации науки требуют от него конкретных результатов — указания причины или даже описания механизма или процесса, как скрытой последовательности причинно-следственных связей. Моделируя явление, ученый логично выдвигает концепцию детерминированного явления, а это не всегда правомерно с точки зрения глубины и полноты полученного знания, поэтому, например, многие врачебные рекомендации строятся в рамках концепции стохастического детерминизма.

Современная медицина и фармакология здесь оказываются хорошей иллюстрацией. Так, в инструкциях к лекарствам, предназначенным для лечения конкретного заболевания по принципу: лекарство-результат (причина-следствие), обязательно предлагается перечисление побочных эффектов с указанием вероятности их возникновения (табл. 1).

**Таблица 1.** Инструкция к лекарственному препарату сирдалуд (tizанидин) с указанием вероятности возникновения побочных эффектов

Побочные эффекты	Частота	Проявления
Со стороны нервной системы	очень часто $\geq 1/10$	сонливость, головокружение
Со стороны психики	часто $\geq 1/100; \leq 1/10$	бессонница, нарушения сна; частота неизвестна — галлюцинации, спутанность сознания
Со стороны сердечно-сосудистой системы	часто $\geq 1/100; \leq 1/10$	снижение АД (в отдельных случаях выраженное, вплоть до сосудистого коллапса и потери сознания)
	нечасто $\geq 1/1000$	брадикардия
Со стороны пищеварительной системы	очень часто $\geq 1/10$	диспептические явления, сухость во рту
	часто $\geq 1/100; \leq 1/10$	тошнота
Со стороны печени и желчевыводящих путей	частота неизвестна	гепатит, печеночная недостаточность
Со стороны костно-мышечной системы	очень часто $\geq 1/10$	мышечная слабость
Со стороны лабораторных показателей	часто $\geq 1/100; \leq 1/10$	повышение активности печеночных трансаминаз
Со стороны иммунной системы		реакции гиперчувствительности (включая анафилактические реакции, ангионевротический отек, крапивницу)
Со стороны кожи и подкожных тканей	частота неизвестна	кожная сыпь, эритема, кожный зуд, дерматит
Прочие	очень часто $\geq 1/10$	повышенная утомляемость
	частота неизвестна	астения, синдром отмены, затуманивание зрения

Указание вероятностей побочных эффектов важно, чтобы оценить риски для конкретного пациента. Знание вероятностей помогает врачу решить, насколько оправдано назначение средства с учетом индивидуальных особенностей пациента, сопутствующих заболеваний и других факторов. Информация о побочных реакциях позволяет отслеживать их возникновение и своевременно реагировать на возможные проблемы.

Обычно выделяют несколько типов побочных реакций:

Тип А (предсказуемые) — связаны с фармакологическими свойствами препарата, часто дозозависимы, могут проявляться при применении терапевтических доз.

Тип В (непредсказуемые) — не зависят от дозы, часто связаны с аллергическими реакциями или индивидуальными особенностями организма.

Тип С («химические») — возникают при длительной терапии, часто носят необратимый характер.

Тип D (отсроченные) — проявляются после отмены препарата через месяцы или годы (терагенные, канцерогенные, мутагенные эффекты).

Тип Е (эффекты после лечения) — возникают после прекращения приема, особенно при резком прекращении (например, синдром отмены).

По закону побочные действия и возможные нежелательные реакции, их частота и условия возникновения должны быть перечислены во всех лекарственных препаратах. В таких инструкциях производители и регуляторные органы фиксируют риски, связанные с применением средства в терапевтических дозах. Однако, когда человек принимает несколько лекарств (полиморбидность), то картина становится еще более туманной и врачу приходится во многом руководствоваться личным опытом и интуицией, что, впрочем, также не исключает каких-либо не указанных в описании побочных эффектов, характерных для конкретного человека и почти не встречающихся у других пациентов, а значит не зафиксированных в процессе медицин-

ских исследований. Некоторые осложнения выявляются только после широкого применения препарата.

### Причинность и случайность в физике

Категория случайности в физике претерпела существенное развитие за достаточно короткое время. От жесткого каузального детерминизма многие физики еще в первой половине XX века перешли к признанию случайности онтологической.

В 2022 году в квантовой механике было экспериментально доказано, что вероятность распада атома — объективная и нет никаких «скрытых параметров», которые делают случайность кажущейся. То есть, если в макром мире (бильярд, погода, карты) случайность субъективна — непознанное, макром мир детерминирован (по Ньютону), а случайность — следствие сложности, то в квантовом мире случайность объективна. Природа действительно «бросает кости», но по строгим вероятностным законам. За это доказательство в 2022 году А. Аспе (Франция), Д. Клаузеру (США) и А. Цайлингеру (Австрия) была присуждена Нобелевская премия по физике.

Тем не менее до сих пор физики продолжают спорить по поводу понятий причинности и случайности в микромире. Многие ученые видят решение проблемы в переходе к понятию волновой функции, что как бы снимает эту проблему в исследованиях на квантовой уровне. Существуют философские и интерпретационные подходы (например, копенгагенская интерпретация), которые подчеркивают, что в квантовом мире само понятие «причины» в классическом смысле может быть не вполне адекватным, поскольку ученые часто описывают ситуацию постфактум, когда уже произошла редукция волновой функции. То есть проблему вряд ли можно считать решенной.

Так, исследователь из Оксфорда Т. Палмер (Palmer, 2006) подвергает сомнению базовый постулат квантовой механики, гласящий, что поведение частиц в микромире носит вероятностный характер. Он полагает, что современный математический аппарат опирается на идею континуума — непрерывного числового множества, аналогов которому в реальном мире нет. Если же отсечь нереализуемые состояния, знаменитый кот Шредингера утратит способность пребывать в двух статусах одновременно, а кажущиеся случайными события перестанут быть таковыми.

### Причинность и случайность в биологии

Биологические науки — это та область знания, где без понятия случайности не могло бы появиться большинство наиболее важных теорий. На ос-

нове случайности здесь объясняется и сам факт зарождения жизни, и роль мутаций ДНК в видообразовании, генетический дрейф, когда в малых популяциях случайно меняется частота генов, независимо от их пользы или вреда. Она учитывается при изучении жизнедеятельности организмов, которые эволюционно выработали механизм защиты от случайно возникающих неблагоприятных факторов (вирусы, отравления, травмы) и др.

Очевидно, что эволюция — это не чистая случайность. Если бы она была полностью случайна, виды бы не адаптировались к среде. Адаптация возникает благодаря естественному отбору — процессу неслучайному. Отбор «закрепляет» полезные мутации (потому что их носители оставляют больше потомства) и отсеивает вредные. Массовые вымирания (удар астероида, активность вулканов и др.) уничтожают виды не потому, что они хуже приспособлены, а из-за внешней катастрофы. После вымирания динозавров млекопитающие заняли освобожденные ниши, и это историческая случайность.

Однако, например, вопрос о том, растения растут в случайном направлении или нет, интересовал многих ученых, которые пришли к выводу, что следует видеть разницу между «чистой случайностью» и «эволюционной случайностью».

Как показали многолетние исследования, можно сделать вывод, что в целом растения растут не в случайном направлении. Их рост жестко направлен внешними факторами и внутренними программами. Растения активно контролируют направление роста с помощью гормонов (ауксинов) в ответ на раздражители, демонстрируя различные формы тропизма (фототропизм, геотропизм, гидротропизм, тигмотропизм и др.). В этом случае возникает иллюзия случайности, но биологи утверждают, что это, скорее, не случайность, а следствие ограничений. В жизни растений случайность проявляется не в выборе направления движений, а в появлении новых форм.

На вопрос: «Если посадить два одинаковых растения в одинаковую почву с одинаковым светом и другими одинаковыми условиями, то они вырастут одинаковыми?» у биологов есть ответ: «Нет, они не вырастут полностью одинаковыми». Даже если вы создадите условия максимально похожие (один сорт, одна почва из одного мешка, одно освещение, одна температура, полив из одной лейки), различия все равно будут. Копирование белков идет с микроскопическими ошибками. Нет двух абсолютно идентичных наборов белков даже в соседних клетках одного растения.

Тем не менее у растений даже в жестко контролируемых условиях сохраняется «шум» разви-

тия — фенотипическая случайность, которая создает материал для отбора (если бы разница в 1 мм давала преимущество в выживании, отбор бы ее «увидел»). Однако ключевая случайность, двигающая эволюцию (мутации), продолжает работать внутри каждого растения независимо.

Работы многих авторов показывают, что источник различий у растений — это не ошибки эксперимента, а внутренние свойства живых систем: стохастическая регуляция генов (транскрипционный шум) и эпигенетические изменения. Так, например, в исследованиях С. Кортихо (S. Cortijo) и коллег было получено прямое доказательство «шума». Так, был проведен эксперимент, чтобы выяснить, почему генетически идентичные растения в одинаковых условиях растут неидеально одинаково (Cortijo et al., 2019, 2020).

В качестве объекта исследования было использовано растение *Arabidopsis thaliana*<sup>3</sup>. Клоны (абсолютно одинаковые генетически) выращивались в строго контролируемой среде. В результате было показано, что (анализ активности всех генов), что существует высокая межклеточная и межиндивидуальная изменчивость в работе сотен генов. Особенно сильно «шумели» гены, отвечающие за реакцию на окружающую среду. Исследователи сделали вывод о том, что существует транскрипционная изменчивость (transcriptional variability), из-за которой даже растения-близнецы случайным образом включают и выключают одни и те же гены с разной силой.

Другой случай — вьющиеся растения. Их способность выбирать направление — это уникальное сочетание случайных поисковых движений и неслучайного закрепления результата, что очень напоминает принцип эволюции: случайные вариации и отбор. Они не «выбирают» направление в сознательном смысле, а используют слепой поиск (вращение) и механическую обратную связь. Сначала они растут наугад, но, коснувшись опоры, резко меняют стратегию и обвивают ее.

Большинство вьющихся растений не растут горизонтально в поисках опоры (только вверх и вращаясь). Но и здесь есть исключения — плющ обыкновенный (*Hedera helix*). У него особый тип корней-присосок и отрицательный фототропизм: молодой побег растет горизонтально или даже вниз, пока не наткнется на ствол дерева, а затем резко ползет вверх. Это «разумная» стратегия для жизни в тени леса. Таким образом, вьющиеся растения демонстрируют промежуточный случай

в спектре «случайность — детерминизм». Вьющееся растение не «думает», куда лучше виться. Оно случайно натывается на опору, а затем неслучайно эксплуатирует ее с максимальной эффективностью. Это аналогия тому, что мутации случайны, а отбор — нет.

Очередной пример — это растения, которые в просторечии называют «перекати-поле». Это не один вид, а целая жизненная форма (биологический тип). Так называют растения, которые после созревания семян отламываются у корня и, перекачиваясь ветром, рассеивают семена (например, *Gypsophila paniculata* L., *Salsola tragus* L., *Eryngium campestre*, *Cachrys crispa* и др.).

То есть в природе встречаются любые формы жизни: и те, которые основаны на жестком детерминизме, и те, которые используют случайность для своего распространения. Например, жизнь большинства растений основана на процессах случайного опыления птицами и насекомыми, без чего они не могли бы существовать и размножаться.

### Причинность и случайность в психологии

Анализируя проблему случайного в психологии личности, мы приходим к выводу, что она крайне сложна. Мнения ученых расходятся: одни признают онтологическую случайность, другие нет, рассматривая ее лишь как непознанное. Предлагаются доказательства как за, так и против. Наличие такой проблемы неизбежно влияет как на методологию психологии в целом, так и на психологию личности как ее отрасли (Лебедев, 2017). Теория А. Круглански, если она верна, фактически доказывает роль случайности в развитии (и саморазвитии) личности.

Здесь уместно вспомнить некоторые естественные эксперименты, которые дают весьма неоднозначные результаты. В 1960–1970-х годах в СССР педагоги Б.П. и Е.А. Никитины провели масштабный эксперимент по воспитанию семейных детей. Их методика вызвала большой общественный интерес как в нашей стране, так и в Германии, Японии и других странах.

В процессе целенаправленного воспитания детей Никитины создавали условия для их физического и умственного развития. Дети носили легкую одежду, в доме была благоприятная обстановка для спорта (турники, кольца, шведская стенка, канаты). Практиковалось закаливание. Дети бегали босиком по снегу, много времени проводили на свежем воздухе. Б.П. Никитин счи-

<sup>3</sup> Резуховидка Таля (лат. *Arabidopsis thaliana*) — небольшое цветковое растение, вид рода Резуховидка семейства Капустные. Вид назван в честь немецкого врача и ботаника Иоганна Таля (1542–1583).

тал, что это помогает сформировать иммунитет и свести к минимуму простудные заболевания. Педагогами-родителями были подобраны развивающие пособия и игры. Никитины принимали активное участие в жизни детей, поддерживали их интересы и достижения. Приветствовалась свобода творчества. Детям разрешалось заниматься тем, чем они сами хотели, без жестких запретов. Б.П. Никитин считал, что с возрастом возникает необратимое угасание возможностей эффективного развития способностей, что основные способности закладываются в раннем дошкольном возрасте. Дети быстро осваивали школьную программу, перескакивали через классы, сдавали экстерном, оканчивали школу к 13–14 годам. У них развивалась самостоятельность, любознательность, интерес к науке и творчеству.

Однако результаты оказались неоднозначными. Постоянная смена коллектива, необходимость привыкать к новым людям, невозможность дружить с одноклассниками, которые были значительно старше, — все это стало психологической травмой для детей. Появились проблемы с усидчивостью и системной работой. Необходимость прилагать усилия для учебы в последних классах школы стала для них неожиданностью, и этот навык они освоили не сразу. Сами Никитины позже признали свои ошибки, а именно: чрезмерную мягкость, отсутствие дисциплины и недооценку важности общения со сверстниками.

Эксперимент доказал, что вырастить вундеркинда невозможно даже при самых радикальных методах. Можно дать детям здоровье и хороший интеллектуальный старт, но нельзя запрограммировать гениальность или успех. Все их дети получили хорошее образование, но в социальном плане никто из них не достиг каких-либо выдающихся результатов<sup>4</sup>.

Каждый раз выбор, который предлагали сделать детям их педагоги-родители явно был неслучайным. Похоже, что их оберегали от ошибок, а значит дети не умели их исправлять. В реальной жизни человек часто сталкивается с нестандартными и заранее непредсказуемыми ситуациями, то есть с неопределенностью, которая заставляет его пересматривать собственные установки, выбирая то, что наиболее полезно в каждом конкретном случае. Не «правильно» с позиции социальных норм, а именно полезно для достижения цели. Когда оценить альтернативы не удастся, выбор

становится случайным и рискованным. Умение принимать любой результат случайного выбора как норму — важная способность человека, претендующего на социальный успех.

И здесь возникает очередной вопрос: «Как осуществляется случайный выбор?». Нейропсихология говорит следующее. При случайном выборе из субъективно равнозначных альтернатив мозг принимает решение без участия сознания. Когда он не может найти ни одного «взвешивающего» аргумента, срабатывает внутренний шум — спонтанный нейронный импульс, который ломает симметрию.

Например, если возникает стресс, усталость или перегрузка, если префронтальная кора (центр рационального выбора) подавлена, в игру вступают базальные ганглии с их стохастическими схемами. При решении творческих задач, при генерации новых идей мозг специально «шумит», перемешивая случайные ассоциации. Отбор осознается, а источник идеи — нет.

Такой выбор обусловлен отсутствием детерминирующей разницы между вариантами плюс наличием фонового нейронного шума. Утверждается, что если провести 1000 экспериментов с одним и тем же человеком в одинаковых условиях (насколько это возможно), распределение выборов окажется случайным, то есть будет подчиняться биномиальному распределению. Однако каждый единичный выбор всегда причинно обусловлен микросостоянием нейронов за мгновение до действия. Иными словами, выбор становится субъективно случайным, объективно детерминированным, но непредсказуем на практике.

Если случайность действительно реальный феномен, а не результат нашего временного незнания причинно-следственных связей (механизмов явления), то почему эволюция не убрала «случайность»? Потому что организм это дает преимущество. Здесь уместно привести известное высказывание российского биолога В.А. Дубынина: «Лиса часто не может поймать бегущего от нее зайца потому, что сам заяц не знает, куда он побежит в следующее мгновение». Такой выбор ломает шаблоны, позволяет исследовать новые стратегии, делает поведение непредсказуемым для конкурентов и хищников. В игре «камень-ножницы-бумага» часто побеждает тот, кто добавляет долю случайности.

Советская психология исходила из того, что личность («настоящая личность» коммунистиче-

<sup>4</sup> Аналогичные результаты показало ранее воспитание Алисы Тепляковой (род. 23 июля 2012, Москва). Она приобрела известность потому, что стала студенткой факультета психологии МГУ в девятилетнем возрасте, благодаря своему отцу, также выпускнику факультета психологии.

ского типа) обязательно должна к чему-то стремиться, точнее — стремиться к чему-то общественно значимому. На этом, в частности, была построена знаменитая социально-психологическая теория социалистического коллектива (Лебедев, 2024). Теория А. Круглански говорит о том, что какого-либо изначального социально ориентированного стремления, кроме как к личностной (субъективной) и социальной значимости у человека нет. При этом человек сам выбирает, какие образцы поведения демонстрировать<sup>5</sup>.

### Заключение

Вопросы изучения биологической эволюции напрямую связаны с категорией случайности, поэтому биологи (в отличие от психологов) намного быстрее соглашались с тем, что в возникновении и тем более функционировании психики случайность может играть значительную или даже определяющую роль. Поэтому, когда говорят о «потоке сознания» У. Джемса, об экспериментах Э. Торндайка и Б. Скиннера с мышами, которые перемещаются по клетке в случайном направлении, или о современных исследованиях *Default Mode Network* М. Райхла в нейробиологии, то неизбежно задают вопрос не только зачем такая форма активности нужна живым организмам и человеческому мозгу, но и как это происходит?

Когда мы пытаемся понять, как поэт находит нужную рифму, отбирая одну из многих, которые приходят ему в голову, как джазовый музыкант импровизирует, не имея заранее нотной партитуры конкретного произведения, а зная только тональность и тему, как художник решает, что именно он хочет нарисовать и почему наносит на полотно именно эти мазки, а не другие и пр.,

мы, конечно, можем, объяснить результат такого творчества рационально на основе какой-либо каузально-детерминистической модели, как это делают критики, искусствоведы, культурологи и другие специалисты, но спросите самого творца и чаще всего он вам на этот вопрос точного ответа не даст или предложит мотивировку (термин А. Н. Леонтьева).

Как показывает анализ, в живой природе есть явления, которые можно рассматривать как причинно-детерминированные, но есть и те, которые во многом определяются случайными процессами или просто совпадениями. Сегодня для психолога выбор модели развития личности — это прежде всего проблема выбора методологии. Исследователь может руководствоваться и принципом детерминизма, например, следуя основам марксистской методологии, но может занять позицию стохастического детерминизма. Здесь нет запретов и рекомендаций — мы свободны в выборе позиции. Однако, изучая личность, мы должны принимать во внимание то, что процесс опредмечивания потребности в значимости, о котором говорит А. Круглански, часто направляется субъективным и часто заранее непредсказуемым выбором конкретного человека.

Возможно, в скором времени программы искусственного интеллекта смогут предсказывать нам, например, вероятность поступков (поведения) конкретных людей в конкретных условиях, ориентируясь на выбор конкретной личностью тех или иных альтернатив, например, при принятии жизненно важных решений (в политике, экономике или в быту). Но это, скорее всего, опять будут только вероятности, а не точные цифры до последнего знака после запятой.

### Литература:

- Лебедев А. Н. Проблемы и перспективы развития психологии личности в современной России // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2022. Т. 2. № 3. С. 4–21. DOI:10.38098/proceedings\_2022\_02\_03\_02
- Лебедев А. Н. Исследование психологических механизмов саморазвития личности в рамках системного подхода // Методология, теория, история психологии личности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Никитина, Н. Е. Харламенкова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН». 2019. С. 31–37.
- Лебедев А. Н. Модель оперантного научения и принцип стохастической детерминации психических явлений // Актуальные проблемы психологического знания. 2017. № 4. С. 20–27.

<sup>5</sup> Методология стохастического детерминизма в психологии личности, которому, по нашему мнению, вполне соответствует теория поиска значимости А. Круглански, позволяет решать сложные задачи на глобальном уровне, например, она вполне логично объясняет вариативность мировых национальных культур и механизмы социодинамики культуры как глобального феномена в целом. С точки зрения французского социального психолога и футуролога А. А. Моля, развитие культуры происходит не только от простого к сложному, как утверждал, например, лауреат Нобелевской премии А. Швейцер, но от банального к оригинальному, то есть такое развитие непредсказуемо и во многом случайно. Именно поэтому современная культура, по А. Швейцеру, деградирует и находится в упадке, а по А. А. Молю, она лишь принимает новые непредсказуемые формы (Моль, 2008).

- Лебедев А.Н.* Советский социалистический коллектив, национальный характер и аффективно-ценностная поляризация российского общества // Советская психология: этап истории науки и менталитет / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Д.В. Ушаков, А.В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2024. С. 588–625.
- Лебедев А.Н.* Теория поиска значимости А. Круглански (SQT): от очевидного до невероятного // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2026. Т. 6. № 1(18). С. 4–13. DOI: 10.38098/proceedings\_2026\_06\_01\_01
- Моль А.* Социодинамика культуры: Пер. с фр. Изд. 3-е. М.: Издательство ЛКИ, 2008.
- Леонтьев А.Н.* Деятельность, сознание, личность. М.: Политиздат, 1979.
- Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. 4-е изд. Москва: Изд-во МГУ, 1981.
- Перминов В.Я.* Проблема причинности в философии и естествознании. М.: Издательство Московского университета, 1979.
- Талей Н.* Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. 2-е изд. М.: КоЛибри, 2024.
- Хакен Г.* Принципы работы головного мозга: Синергетический подход к активности мозга, поведению и когнитивной деятельности. М.: Per Se, 2001.
- Хакен Г.* Тайны восприятия. Синергетика как ключ к мозгу. Ижевск: ИКИ, 2002.
- Хакен Г.* Тайны природы. Синергетика: учение о взаимодействии. Ижевск: ИКИ, 2003.
- Холл К.С., Линдсей Г.* Теории личности. М.: Изд-во «Психотерапия», 2008.
- Хьелл Л., Зиглер Д.* Теории личности. СПб.: Питер, 2008.
- Щедровицкий Г.П.* Проблемы методологии системного исследования. М., 1964.
- Щедровицкий Г.П.* Системное движение и перспективы развития системно-структурной методологии. Обнинск, 1974.
- Cortijo S., Bhattarai M., Locke J.C.W., Ahnert S.E.* Co-expression Networks From Gene Expression Variability Between Genetically Identical Seedlings Can Reveal Novel Regulatory Relationships // *Frontiers in Plant Science*. 2020. Vol.11. Art.599464. DOI: 10.3389/fpls.2020.599464
- Cortijo S., Aydin Z., Ahnert S., Locke J.C.W.* Widespread inter-individual gene expression variability in *Arabidopsis thaliana* // *Molecular Systems Biology*. 2019. Vol.15. Art. e8591. DOI: 10.15252/msb.20188591.
- Hacking I.* The Taming of Chance. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
- Kruglanski A.W., Raviv D.* The Quest for Significance: Harnessing the Need that Makes the World Go Round. Routledge, 2025.
- Kruglanski A.W., Chen X., Dechesne M., Fishman S., Orehek E.* Fully committed: Suicide bombers' motivation and the quest for personal significance // *Political Psychology*. 2009. Vol. 30(3). P. 331–357.
- Kruglanski A.W., Gelfand M.J., Bélanger J.J., Sheveland A., Hetiarachchi M., Gunaratna R.* The psychology of radicalization and deradicalization: How significance quest impacts violent extremism // *Advances in Political Psychology*. 2014. Vol. 35(S1). P. 69–93.
- Kruglanski A.W., Jasko K., Chernikova M., Dugas M., Webber D.* The making of violent extremists // *Review of General Psychology*. 2017. Vol. 21(2). P. 107–120.
- Kruglanski A.W., Jasko K., Webber D., Chernikova M., Molinario E.* The making of martyrdom: A synthetic review // *Perspectives on Terrorism*. 2018. Vol. 12(6). P. 35–49.
- Palmer T.* Rational quantum mechanics: Testing quantum theory with quantum computers // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the USA*. 2026. Vol. 123(12). Art. e2523350123. URL: <https://www.physics.ox.ac.uk/our-people/palmer/publications>
- Звезды века. URL: <https://ast.ru/series/zvezdy-veka-mal-9a365d/?ysclid=mqnvfpoh7e739544968>.

## PERSONALITY AND ITS DEVELOPMENT: DETERMINISM AND CHANCE

©Lebedev A.N.

Doctor of Psychological Sciences, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences,  
Moscow, Russia

lebedev-lubimov@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-1030-9709

The work was carried out within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (No. 0138–2026–0015).

The article is devoted to the problem of the relationship between the causal and the random in the development and self-development of the personality. It examines the concepts of causal and stochastic determinism in philosophy, as well as various methodological approaches to analyzing the problem in the natural sciences and psychology. The article is of a discussion nature and is written for young researchers, as well as members of the Academic Discussion Club of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. The article considers the concept of the American psychologist A. Kruglanski, who recently proposed to the psychological community the so-called Significance Quest Theory, with which Russian researchers are not sufficiently familiar, but which allows for a new explanation of many complex phenomena of people's lives, their decisions, actions, and behavior in general. In particular, it is argued that any personality who has the objective opportunity to make independent decisions strives to search for personal and social significance. In accordance with this theory, the article asserts that the objectification of the need for significance quest can occur in a relatively random manner, which significantly limits the possibilities of targeted social management and pedagogical practice.

**Keywords:** personality, personality psychology, methodology of science, causality and randomness, causal and stochastic determinism, objectification of need, Significance Quest Theory, sociodynamics of culture

## REFERENCES

- Lebedev A.N.* (2022). Problems and prospects of personality psychology development in modern Russia // Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Vol.2. № 3. P. 4–21. DOI:10.38098/proceedings\_2022\_02\_03\_02
- Lebedev A.N.* (2019). A study of psychological mechanisms of personality self-development within the framework of a systems approach // In A.L. Zhuravlev, E.A. Nikitina, N.E. Kharlamenkova (Eds.). *Methodology, Theory, History of Personality Psychology*. Moscow: Publishing House “Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences”. P. 31–37.
- Lebedev A.N.* (2017). A model of operant conditioning and the principle of stochastic determination of mental phenomena // *Current Issues in Psychological Knowledge*. № 4. P. 20–27.
- Lebedev A.N.* (2024). The Soviet socialist collective, national character, and affective-value polarization of Russian society // In A.L. Zhuravlev, D.V. Ushakov, A.V. Yurevich (Eds.). *Soviet Psychology: A Stage in the History of Science and Mentality*. Moscow: Publishing House “Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences”. P. 588–625.
- Lebedev A.N.* (2026). A. Kruglanski's Significance Quest Theory (SQT): From the obvious to the incredible // Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Vol. 6. № 1(18). P. 4–13. DOI:10.38098/proceedings\_2026\_06\_01\_01
- Mol A.* (2008). *Sociodynamics of Culture*. 3rd ed., Trans. from French. Moscow: LKI Publishing House.
- Leontiev A.N.* (1979). *Activity, Consciousness, Personality*. Moscow: Politizdat.
- Leontiev A.N.* (1981). *Problems of the Development of the Mind*. (4th ed.). Moscow: Moscow State University Publishing House.
- Perminov V.Ya.* (1979). *The Problem of Causality in Philosophy and Natural Science*. Moscow: Moscow University Publishing House.
- Taleb N.* (2024). *The Black Swan: The Impact of the Highly Improbable*. 2nd ed. Moscow: KoLibri.
- Haken H.* (2001). *Principles of Brain Functioning: A Synergistic Approach to Brain Activity, Behavior, and Cognitive Activity*. Moscow: Per Se.
- Haken H.* (2002). *Secrets of Perception: Synergetics as a Key to the Brain*. Izhevsk: IKI.
- Haken H.* (2003). *Secrets of Nature: Synergetics — The Study of Interaction*. Izhevsk: IKI.
- Hall C.S., Lindzey G.* (2008). *Theories of Personality*. Moscow: Publishing House “Psychotherapy”.
- Hjelle L., Ziegler D.* (2008). *Theories of Personality*. St. Petersburg: Piter.
- Shchedrovitsky G.P.* (1964). *Problems of the Methodology of Systems Research*. Moscow.
- Shchedrovitsky G.P.* (1974). *The Systems Movement and Prospects for the Development of Systems-Structural Methodology*. Obninsk.
- Cortijo S., Bhattarai M., Locke J.C.W., Ahnert S.E.* (2020). Co-expression Networks From Gene Expression Variability Between Genetically Identical Seedlings Can Reveal Novel Regulatory Relationships // *Frontiers in Plant Science*. Vol.11. Art.599464. DOI: 10.3389/fpls.2020.599464

- Cortijo S., Aydin Z., Ahnert S., Locke J.C.W.* (2019). Widespread inter-individual gene expression variability in *Arabidopsis thaliana* // *Molecular Systems Biology*. Vol.15. Art. e8591. DOI: 10.15252/msb.20188591.
- Hacking I.* (2008). *The Taming of Chance*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kruglanski A.W., Raviv D.* (2025). *The Quest for Significance: Harnessing the Need that Makes the World Go Round*. Routledge.
- Kruglanski A.W., Chen X., Dechesne M., Fishman S., Orehek E.* (2009). Fully committed: Suicide bombers' motivation and the quest for personal significance // *Political Psychology*. Vol. 30(3). P. 331–357.
- Kruglanski A.W., Gelfand M.J., Bélanger J.J., Sheveland A., Hetiarachchi M., Gunaratna R.* (2014). The psychology of radicalization and deradicalization: How significance quest impacts violent extremism // *Advances in Political Psychology*. Vol. 35(S1). P. 69–93.
- Kruglanski A.W., Jasko K., Chernikova M., Dugas M., Webber D.* (2017). The making of violent extremists // *Review of General Psychology*. Vol. 21(2). P. 107–120.
- Kruglanski A.W., Jasko K., Webber D., Chernikova M., Molinaro E.* (2018). The making of martyrdom: A synthetic review // *Perspectives on Terrorism*. Vol. 12(6). P. 35–49.
- Palmer T.* (2026). Rational quantum mechanics: Testing quantum theory with quantum computers // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the USA*. Vol. 123(12). Art. e2523350123. URL: <https://www.physics.ox.ac.uk/our-people/palmer/publications>
- Century Stars. URL: <https://ast.ru/series/zvezdy-veka-mal-9a365d/?ysclid=mqnvfpoh7e739544968>.

# ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

## ИНСАЙТ НА ВИДЕО: ЭКСПЕРТНЫЕ И НАИВНЫЕ ОЦЕНКИ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ ИНСАЙТНОГО РЕШЕНИЯ

© Кулиев Н.С.

аспирант, Институт психологии РАН, Москва, Россия  
kuliev.nikolaj@bk.ru, ORCID: 0009-0004-1003-464X

© Валуева Е.А.

кандидат психологических наук, Институт психологии РАН, Москва, Россия  
valuevaea@ipran.ru, ORCID: 0000-0003-3637-287X

© Куприянов Р.В.

кандидат психологических наук, Казанский федеральный университет, Казань, Россия  
rvkupriyanov@kpfu.ru, ORCID: 0000-0001-9794-9607

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ),  
проект № 23–18–01059-П

Для цитирования:

Кулиев Н.С., Валуева Е.А., Куприянов Р.В.  
Инсайт на видео: экспертные и наивные  
оценки поведенческих признаков инсай-  
тного решения // Ученые записки Ин-  
ститута психологии Российской акаде-  
мии наук. 2026. Т. 6. № 2(19). С. 35-48.  
DOI: 10.38098/proceedings\_2026\_06\_02\_04  
Kuliev N.S., Valueva E.A., Kupriyanov R.V.  
Capturing insight on video: expert and naive  
evaluations of behavioral markers in insight-  
ful problem solving. Proceedings of the Insti-  
tute of Psychology of the Russian Academy  
of Sciences. 2026, Vol. 6, No2(19), Pp. 35-48.  
DOI: 10.38098/proceedings\_2026\_06\_02\_04

В статье проверяется возможность объективной видеорегистрации инсайтных решений по коротким видеофрагментам поведения решателей. Эксперты оценивали 90 видео по ряду поведенческих шкал и классифицировали решения как инсайтные или неинсайтные. Далее та же логика была масштабирована на 976 видеоклипов с привлечением наивных оценщиков и калибровкой на эталонных примерах. Показано, что межэкспертная согласованность при идентификации инсайта является умеренной, но существенно возрастает в более согласованной подгруппе экспертов. Наиболее надежно распознаются мимика, удивление и позитивные эмоции. Экспертные оценки поведенческих проявлений образуют двухфакторную структуру, в которой решение о наличии инсайта в основном определяется фактором позитивной экспрессии. Агрегированные оценки наивных испытуемых в среднем достаточно хорошо воспроизводят экспертные решения, однако в большей степени опираются на общую заметность реакции, чем на дифференцированное распознавание специфических маркеров инсайта.

При этом связь как экспертных, так и агрегированных поведенческих оценок с субъективными самоотчетами решателей остается слабой. Полученные результаты показывают перспективность видеоанализа и калиброванной коллективной разметки для исследования инсайта, но одновременно подчеркивают необходимость осторожной интерпретации внешних поведенческих критериев.

**Ключевые слова:** инсайт, ага-переживание, самоотчет, видеоанализ, поведенческие маркеры, экспертная оценка, наивные оценщики, коллективная оценка, краудсорсинг

### Введение

Инсайт традиционно определяется как специфический тип решения задачи, характеризующийся внезапностью нахождения ответа, субъективным переживанием «Ага!», ощущением очевидности и высокой уверенности в правильности решения (Bowden, Jung-Beeman, 2003; Kounios, Beeman, 2014). Современные подходы отмечают многокомпонентность

этого феномена, помимо внезапности, в его структуру включаются аффективный компонент (положительные эмоции, облегчение), метакогнитивный компонент (чувство «теплоты», переживание «Ага!», чувство очевидности и уверенности) (Морошкина и др., 2020; Чистопольская и др., 2021), а также когнитивный — репрезентативное переструктурирование задачи. При этом подчеркивается, что когнитивное

изменение и субъективное Ага-переживание тесно связаны, но не полностью тождественны друг другу (Danek, Williams, Wiley, 2020). Инсайтные решения обычно точнее аналитических (Salvi et al., 2016), однако возможны как верные решения без яркого аффекта, так и «ложные инсайты» — переживание озарения при неверном ответе (Danek, Wiley, 2017). В связи с этим распознавание инсайта остается методологически сложной задачей.

Трудности детекции инсайта обусловлены как вариативностью феноменологических проявлений, так и влиянием контекстуальных факторов. Экспериментальные условия (инструкция, способ регистрации ответа, формулировки шкал) существенно модифицируют частоту и интенсивность сообщаемых инсайтных переживаний (Laukkonen, Tangen, 2018; Лазарева, Савинова, Чистопольская, 2023). Помимо этого на точность самоотчетов влияют текущее состояние, мотивация, метакогнитивные способности, склонность к рефлексии, а также индивидуальные представления об инсайте и ожидания относительно того, каким должен быть инсайт (Шумилов, Чистопольская, 2023; Chesebrough, Oh, Kounios, 2024; Морошкина и др., 2020; Чистопольская и др., 2021). Поэтому исследователи стремятся формировать у участников единое понимание инсайта, в частности с помощью обучающих видео (Shumilov et al., 2023).

### Субъективные и объективные методы регистрации инсайтных решений

Исследователи выделяют две основные группы методов регистрации инсайтных решений — субъективные и объективные (Морошкина и др., 2020; Чистопольская и др., 2021; Гаршина, Пискарев, 2023). Субъективная регистрация инсайта опирается на самоотчеты — бинарную классификацию решений как инсайтных или аналитических, а также рейтинговые шкалы для оценки внезапности, уверенности и эмоциональной окраски переживания «Ага!» (Bowden, Jung-Beeman, 2003; Ishikawa, Toshima, Mogi, 2019). Для более детального отражения феномена инсайта исследователи применяют дополнительные показатели субъективного опыта — радость, удивление, облегчение и азарт (Danek et al., 2014; Danek, 2018). В отечественных работах предложены новые шкалы самооценки **инсайтности**, которые учитывают ограничения классического опросника Данек и обеспечивают более точную и всестороннюю фиксацию переживания (Shumilov et al., 2023). Используются также визуальные самоотчеты: участникам предлагается выбрать одно из четырех графических изображений, иллюстрирующих разные дина-

мики процесса решения (Spiridonov et al., 2021). Самоотчеты дают прямой доступ к феноменологическому аспекту решения, который часто недоступен внешнему наблюдению, подробно описывают ход мыслей и легко применимы. Однако они страдают от вариативности интерпретации шкал и ненадежности воспоминаний, поэтому не могут служить единственным критерием регистрации инсайтных решений (Чистопольская и др., 2021).

Объективные методы направлены на регистрацию поведенческих, нейрофизиологических и соматических коррелятов инсайта. Нейрокогнитивные исследования связывают ага-переживание с особенностями правополушарной семантической активации и специфическими паттернами мозговой активности, возникающими до и в момент решения (Bowden, Jung-Beeman, 2003; Kounios, Beeman, 2014). Физиологические работы показывают, что инсайт сопровождается измеримыми телесными и аффективными изменениями: ЭЭГ и другие показатели позволяют фиксировать эмоциональные корреляты инсайта, сила сжатия динамометра в момент ага-переживания связана с точностью решения, а повышение кожно-гальванической реакции отражает сочетание положительного аффекта и субъективного чувства внезапной ясности (Cernea, Kerren, Ebert, 2011; Laukkonen et al., 2021; Shen et al., 2018). Окулоmotorные исследования также показывают, что перед инсайтным решением меняется распределение внимания: участники чаще отводят взгляд от внешнего стимула, меняют паттерны моргания и демонстрируют расширение зрачка, что отличает инсайт от аналитического решения (Knoblich, Ohlsson, Raney, 2001; Salvi et al., 2015; Salvi et al., 2020). В качестве объективного индикатора приближения инсайта также может использоваться вторичное задание-зонд, позволяющее оценивать текущую загрузку рабочей памяти в процессе решения. Более быстрое время реакции на зонд во время инсайтного решения интерпретируется как признак меньшей вовлеченности сознательных систем обработки информации по сравнению с аналитическим решением (Korovkin et al., 2018).

Несмотря на то, что объективные методы регистрации инсайта обеспечивают высокую степень независимости от субъективных интерпретаций, точность и сопоставимость данных, они требуют специализированного оборудования и стандартизации процедур, являются затратными, нарушают естественность процесса решения и нередко дают косвенные показатели, нуждающиеся в интерпретации (Чистопольская и др., 2021; Adler, 2024).

Отдельное направление связано с анализом видеозаписей поведения участников. Этот под-

ход позволяет фиксировать внешние проявления инсайтного решения без прямого вмешательства в процесс. По данным отечественных работ, инсайт может сопровождаться различными изменениями мимики и жестов; в числе возможных маркеров обсуждаются поднятие бровей, улыбка и некоторые паттерны движений, хотя их диагностическая ценность зависит от контекста и процедуры разметки (Филяева, Коровкин, 2015; Владимиров, Бушманова, Макаров, 2021; Владимиров, Бушманова, Курицын, 2023). В этом смысле видеопроанализ занимает промежуточное положение между самоотчетом и инструментальными методами: он менее инвазивен, чем физиологическая регистрация, но требует четких критериев интерпретации и надежной процедуры кодирования (Adler, 2024).

### Коллективная оценка творческих решений

В статье «Vox Populi» (1907), опубликованной в журнале *Nature*, Фрэнсис Гальтон описал конкурс по оценке массы быка, проведенный на сельскохозяйственной выставке. В исследовании приняли участие 787 человек, включая как специалистов сельскохозяйственного профиля, так и неспециалистов. Результаты показали, что несмотря на значительный разброс индивидуальных оценок их совокупность образовала распределение, близкое к нормальному, при этом центральное значение оказалось поразительно близким к истинной массе животного. Таким образом, невзирая на простоту агрегирования индивидуальных оценок, этот результат заложил основу концепции «мудрости толпы» (Galton, 1907). Современные обзорные работы показывают, что коллективный интеллект зависит не только от числа участников, но и от того, насколько группа сохраняет разнообразие индивидуальных суждений и как именно агрегирует их в общее решение (Kameda, Toyokawa, Tindale, 2022).

В рамках метода консенсусной оценки ключевым остается вопрос о том, кто именно может выступать в роли оценщика креативного продукта. В классическом варианте этого подхода наиболее валидными считаются согласованные суждения экспертов, обладающих признанной компетентностью в соответствующем домене. Вместе с тем последующие исследования показывают, что требуемый уровень компетентности зависит от типа продукта, особенностей домена и степени структурированности критериев оценки (Kaufman et al., 2008; Kaufman, Baer, Cole, 2009). Сравнительные данные показывают, что неспециалисты, как правило, не являются полноценной заменой экспертам, поскольку их оценки обычно менее согласованы и не всегда воспроизводят

экспертное ранжирование. Однако промежуточные группы оценщиков, обладающие предметной подготовкой, но не имеющие статуса признанных экспертов, в ряде случаев демонстрируют приемлемую согласованность и могут рассматриваться как квази-эксперты (Kaufman et al., 2013; Tsai, 2016). Дополнительные основания для расширения круга оценщиков дают исследования, показывающие, что при использовании более явных критериев и предварительного обучения наивные оценщики способны демонстрировать высокую межсубъектную согласованность, хотя вопрос их полной эквивалентности экспертам остается открытым (Crompton, Kaufman, 2012; Storme et al., 2014). В этом смысле привлечение наивных испытуемых целесообразно рассматривать как экономичный инструмент предварительной сортировки, агрегированной оценки или калиброванной коллективной разметки, применимость которого должна проверяться отдельно для каждого типа задачи.

Большинство существующих работ фокусируется на дивергентных задачах или на задачах, связанных с созданием творческих продуктов, но остается неясным, в какой мере эксперты и группы неспециалистов способны адекватно распознавать и оценивать решения, основанные на внезапном и субъективном переживании инсайта. Этот пробел указывает на необходимость исследований, направленных на сопоставление экспертных и коллективных оценок, именно в контексте инсайтных решений.

### Цель исследования

Настоящее исследование направлено на систематическую проверку возможности идентификации инсайтных решений по коротким видеофрагментам поведения участников в момент решения задач. Особое внимание уделялось вопросу согласованности оценок, полученных из разных источников. Анализ включал, во-первых, субъективные самоотчеты участников о переживании инсайта. Во-вторых, использовались экспертные оценки видеозаписей. Эксперты оценивали 90 видеофрагментов по 8 поведенческим проявлениям (позитивные и негативные эмоции, жестикуляция, мимика и т.д.) и определяли наличие/отсутствие инсайта. В-третьих, та же процедура была масштабирована на наивных оценщиков (студентов) через оценку всех 976 видеороликов с калибровкой на наборе эталонных клипов, согласованно оцененных экспертами. Основные вопросы, на которые мы искали ответ в настоящем исследовании, следующие.

1. Насколько согласовано эксперты оценивают инсайт и поведенческие проявления, с ним связанные?

2. Какова структура экспертных оценок поведенческих проявлений и можно ли по ним предсказать экспертные и субъективные оценки инсайтности?

3. Можно ли предсказать экспертные и субъективные оценки инсайтности с помощью агрегированных оценок поведения большим числом наивных респондентов?

4. Как связаны субъективные оценки инсайтности с экспертными оценками и оценками, предсказанными по оценкам наивных испытуемых? Различается ли связь в зависимости от типа переживаемого инсайта («Ага!» реакция / «Ах, да!» реакция)

Таким образом, работа проверяет возможность объективной видео-регистрации инсайта и анализирует потенциал привлечения широкого круга неспециалистов для задач оценки инсайта.

### Описание основного эксперимента

*Участники.* В исследовании приняли участие 30 добровольцев (3 мужчины и 27 женщин) в возрасте от 22 до 54 лет ( $M = 35,4$ ;  $SD = 6,95$ ). Все участники были информированы о видеозаписи, подписали информированное согласие и принимали участие на безвозмездной основе.

*Стимульный материал.* В качестве стимульного материала использовались 20 задач на поиск отдаленных ассоциаций (RAT-RUS) из базы данных Н.В. Морошкиной с соавт. (Морошкина и др., 2021; Moroshkina et al., 2022).

*Аппаратура и программное обеспечение.* Эксперимент был реализован в среде PsychoPy 2023.2.3 и проводился индивидуально на ноутбуке HUAWEI MCLF-XX (разрешение экрана  $1920 \times 1200$ , 60 Гц). Видеозапись осуществлялась из двух источников: захват экрана и запись с веб-камеры, с использованием программы OBS Studio 30.1.2. Постобработка видеоматериалов производилась в программе Shotcut 24.04.28.

*Процедура.* Перед началом эксперимента все участники получали стандартную инструкцию и краткое описание феномена инсайта (Valueva, Lapteva, 2023). Решение задач проходило в 2 этапа<sup>1</sup>. На решение каждой задачи на каждом этапе отводилось не более 60 с. Задачи предъявлялись участникам в случайном порядке. В случае верного решения участники отвечали на вопрос «Были ли у Вас инсайт?» с вариантами ответа Да/Нет). В случае неудачи на первом этапе задача переносилась на второй этап, а после неудачи на втором этапе демонстрировалось правильное решение, после

чего фиксировалось наличие/отсутствие «Ах, да!» реакции (переживание инсайта при предъявлении верного ответа). Перед началом основной серии испытуемые решали 2 тренировочные задачи.

### Экспертная оценка видео: материалы и методы

*Стимульный материал.* В результате проведения эксперимента было получено 30 полноформатных видеопротоколов, фиксирующих процесс решения задач всеми участниками исследования. Все видеопротоколы были сегментированы на короткие видеоролики, охватывающие временной интервал непосредственно перед моментом, когда испытуемый давал ответ на задачу (или видел предъявленный ответ). Продолжительность одного видеоролика составляла 5–7 с.

В итоговый массив данных вошло 976 видеофрагментов. Для экспертной оценки был сформирован набор из 90 видеороликов — по три фрагмента от каждого участника, отражающих разные типы ситуаций: верное решение, неверное решение и участнику продемонстрировали ответ («Ах, да!» реакция).

*Процедура.* Для проведения оценки видеоматериала экспертами был разработан чат-бот в мессенджере Telegram. Видеофрагменты предъявлялись по одному, в случайном порядке, что позволяло минимизировать эффект последовательности. Оценка каждого видео осуществлялась по следующим поведенческим параметрам: выраженность положительных и отрицательных эмоций, внезапность решения, вербальные реакции, жестикуляция, двигательные проявления и мимика. Каждый параметр оценивался по 6-балльной шкале (от 0 — «очень слабо выражено» до 5 — «очень сильно выражено»). Дополнительно экспертам предлагался вопрос: «Был ли у решающего инсайт?» с вариантами ответа Да/Нет. Функционал чат-бота предусматривал автоматическое сохранение прогресса, что позволяло при необходимости приостанавливать и возобновлять процесс оценки без потери ранее внесенных данных.

*Выборка.* В исследовании приняли участие шесть экспертов в области изучения инсайта (три женщины и три мужчины), отобранных по критериям наличия значительного профессионального опыта и публикационной активности в данной предметной области.

Анализ выполнялся в программной среде R (version 4.5.1) с использованием библиотек *psych*

<sup>1</sup> Для целей другого исследования участники были случайным образом распределены в две группы (с инкубационным периодом и без него) и имели по 2 попытки на решение каждой задачи. Однако в целях настоящего исследования данные двух попыток были объединены и анализировались вместе.

(метод главных компонент), *lavaan* (конфирматорный факторный анализ), *irr* (каппа Флейса, коэффициент Кендалла), *rsq* (Nagelkerke псевдо- $R^2$ ), *pROC* (ROC-кривая и критерий Юдена). Логистическая регрессия оценивалась базовой функцией *glm*.

### Экспертная оценка видео: результаты

*Оценка экспертами инсайтности решений.* Процентное соотношение выявленных инсайтных решений экспертами представлен на рис. 1.

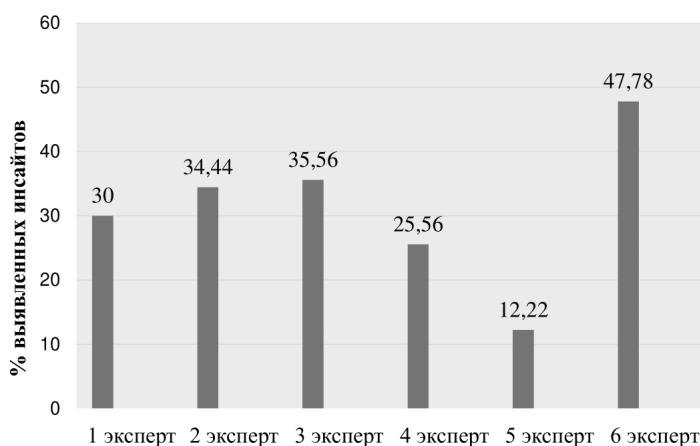


Рис. 1. Процент инсайтных решений, выявленных экспертами

Для количественной оценки степени согласованности между экспертами был рассчитан коэффициент каппа Флейса (Fleiss' Карра, K). Для всех шести экспертов значение составило  $K=0,419$ , что, согласно общепринятым критериям интерпретации данного коэффициента, соответствует умеренному уровню согласованности. Также был проведен дополнительный анализ межэксперт-

Диапазон между максимальной и минимальной оценками экспертов достиг 35.56 процентных пункта. Указанный диапазон оценок подчеркивает значительные различия во мнениях экспертов, что потенциально свидетельствует о недостаточной согласованности в оценке наличия инсайтов. Данные расхождения могут быть обусловлены субъективностью восприятия, различиями в интерпретации критериев инсайтности, а также индивидуальными различиями в подходах к оцениванию (ригидность/либеральность).

ной согласованности для подгруппы экспертов (№ 1, 2 и 3), выделенных на основании сходства в доле выявленных ими инсайтов (около 30%). В данной подгруппе значение  $K=0,617$ , что указывает на существенно более высокий уровень согласованности. Анализ согласованности экспертов отдельно по поведенческим параметрам представлен в табл. 1.

Таблица 1. Результаты коэффициент Кендалла (W): согласованность по поведенческим параметрам всех экспертов и подгруппы экспертов (1, 2, 3)

Поведенческий параметр	Согласованность по всем экспертам	Согласованность по трем экспертам
Положительные эмоции	0,507	0,594
Негативные эмоции	0,22	0,319
Удивление	0,51	0,632
Внезапность	0,392	0,612
Вербальные проявления	0,485	0,507
Жесты	0,432	0,547
Движения	0,383	0,544
Мимика	0,648	0,745

*Оценка экспертами поведенческих проявлений.* Коэффициент конкордации Кендалла (W) показал умеренную согласованность между экспер-

тами в оценке поведенческих параметров. Наиболее высокая согласованность наблюдалась для параметра «Мимика» как среди всех экспертов

( $W=0,648$ ), так и в подгруппе из трех наиболее согласованных экспертов (1, 2 и 3) ( $W=0,745$ ), что указывает на наибольшее единообразие в интерпретации мимических проявлений. Высокая согласованность также отмечалась для параметров «Удивление» и «Положительные эмоции», особенно в подгруппе из трех экспертов ( $W=0,632$  и  $0,594$  соответственно). Менее согласованными оказались оценки для «Негативных эмоций», «Внезапности» и «Движений», демонстрируя большую вариативность в интерпретации этих поведенческих проявлений среди экспертов. В целом, согласованность между экспертами была выше в подгруппе из трех наиболее согласованных экспертов по всем поведенческим параметрам, что подчеркивает наличие ядра экспертов с более схожим пониманием и оценкой наблюдаемых поведенческих сигналов. Таким образом, в дальнейшем мы будем опираться именно на подгруппу из данных трех экспертов.

Экспертные оценки (по 3 наиболее согласованным экспертам) по каждому из поведенческих проявлений были усреднены. На основании этих усредненных оценок был проведен эксплораторный факторный анализ (метод главных компонент). Результаты показали, что выделяется 2 фактора,

в совокупности объясняющих 68% дисперсии. На основе анализа 8 поведенческих параметров было выделено два латентных фактора. В Фактор 1 (43,6% дисперсии) вошли: «Позитивные эмоции» (нагрузка 0,996), «Мимика» (0,965), «Удивление» (0,991), «Внезапность» (0,843). В Фактор 2 — «Жестикуляция» (0,885), «Движения» (0,665) и «Негативные эмоции» (0,634). Переменная «Вербальные реакции» была нагружена сразу по двум факторам (0,272 и 0,549 соответственно) и была исключена из дальнейшего анализа, т.к. были свидетельства того, что в некоторых случаях звук у пользователей телеграм-бота не работал. Первый фактор был интерпретирован как «Позитивная экспрессия», отражающий общее восприятие экспертами поведения человека через аспект выразительности лица, отличный от общей интенсивности. Второй фактор, имеющий высокие нагрузки по переменным, связанным с жестами, движениями и негативными эмоциями, был назван нами «Негативная экспрессия» и может быть интерпретирован как общая моторная напряженность. Конфирматорный факторный анализ подтвердил двухфакторную структуру оценки поведенческих проявлений экспертами ( $\chi^2(12)=22,06$ ;  $p=0,037$ ; CFI=0,98; TLI=0,96; RMSEA=0,097; SRMR=0,036) (рис. 2).

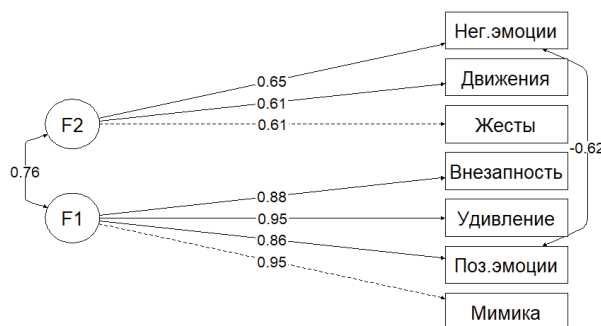


Рис. 2. Факторная модель оценки поведенческих проявлений экспертами

*Предсказание инсайтности на основе поведенческих проявлений.* Экспертные оценки инсайтности решений были переведены в шкалу 0/1 по принципу «большинства» (т.е. если из 3 экспертов двое считали, что инсайт был, то решение признавалось инсайтным, и наоборот — если 2 из трех считали, что инсайта не было, решение признавалась неинсайтным). Был проведен логистический регрессионный анализ, в котором зависимой переменной выступили полученные оценки инсайтности, а независимыми — 2 фактора (По-

зитивная экспрессия и Негативная экспрессия). Выявлено значимое влияние фактора Позитивная экспрессия ( $\beta=4,46$ ;  $p<0,001$ ), а влияние фактора Негативная экспрессия оказалось не значимым ( $\beta=0,85$ ;  $p=0,167$ ). Nagelkerke's  $R^2$  (процент объясняемой дисперсии модели)<sup>2</sup> составил 0,76, что является достаточно высоким показателем.

На следующем шаге мы отобрали только те видеофрагменты ( $n=67$ ), по которым согласованность трех экспертов являлась стопроцентной (т.е. все три эксперта признавали решение инсайт-

<sup>2</sup> Nagelkerke's  $R^2$  — это одна из мер псевдо- $R^2$ , с помощью которой часто оценивается качество подгонки модели (UCLA Statistical Consulting Group, n.d.). Коэффициент Нагелкерке  $R^2$  масштабирован так, чтобы он мог принимать значения от 0 до 1, поэтому обычно интуитивно трактуется как доля объясненной дисперсии.

ным или неинсайтным). Регрессионный анализ, проведенный для этих видео, продемонстрировал сходные результаты: значимое влияние фактора Позитивная экспрессия ( $\beta=7,78$ ;  $p=0,038$ ), и незначимое влияние фактора Негативная экспрессия ( $\beta=1,90$ ;  $p=0,261$ ). Nagelkerke's  $R^2$ , однако, составил 0,92, что является очень высоким показателем.

Такой же анализ был проведен для предсказания субъективных оценок инсайтности (т.е. оценок самими испытуемыми способа решения задачи) по экспертным оценкам поведенческих проявлений. Из 90 оцененных экспертами видеофрагментов в анализ вошел 61, по которому имелись субъективные оценки инсайтности. Результаты регрессионного анализа показали, факторы Позитивной и Негативной экспрессии не являются значимыми предикторами оценок инсайтности, а показатель Nagelkerke's  $R^2$  составил 0,13, что является низким значением.

Таким образом, эксперты при оценке инсайтности решений в основном опираются на позитивные эмоциональные проявления, игнорируя двигательную активность и негативные эмоции. По экспертным оценкам поведенческих проявлений предсказать с достаточной степенью надежности субъективные оценки инсайтности невозможно.

#### **Предсказание инсайтности решений на основании оценок наивных испытуемых**

*Выборка.* В исследовании приняли участие 283 человека, включая 130 мужчин и 140 женщин в возрасте от 18 до 53 лет ( $M=21,04$ ;  $SD=4,53$ ), 13 участников не указали пол и возраст. Основную часть выборки составили студенты ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», а также добровольцы, привлеченные по принципу «снежного кома». Часть участников была приглашена через личные контакты и рекомендации знакомых. Испытуемые случайным образом были разбиты на 21 группу, каждая группа испытуемых оценивала уникальный видеосет.

*Стимульный материал.* Каждый видеосет включал в себя: 1) 37 эталонных (одинаковых для всех) видеофрагментов, согласованно оцененных экспертами — это служило «калибровкой» для наивных оценщиков; 2) 42 либо 43 новых видеофрагментов из исходной коллекции. Эти видео были «тестовыми» неразмеченными фрагментами, для которых нужно было получить оценки инсайтности. Таким образом, каждый испытуемый должен был оценить 79 или 80 видео. Такой дизайн позволил сделать охват всех видеофрагментов, избегая непосильной нагрузки на одного испытуемого.

*Процедура исследования.* Испытуемые оценивали видео в том же Telegram-боте и по той же процедуре, что и эксперты, за исключением того, что им не предъявлялся вопрос «Был ли у испытуемого инсайт?».

*Предварительный анализ данных.* Из 283 испытуемых, зарегистрировавшихся Telegram-боте, 92 человека либо не закончили оценку видео (оценили менее 70 видео), либо имели нулевой разброс оценок. Таким образом, в анализе остались данные 191 испытуемого, на каждый сет приходилось от 6 до 12 человек ( $M=9,09$ ;  $SD=1,64$ ).

*Факторный анализ.* Анализ проводился по каждому сету отдельно. Оценки по всем шкалам, кроме шкалы Негативные эмоции, были подвергнуты анализу методом главных компонент с выделением одного генерального фактора. Шкала негативных эмоций для большинства видеосетов очень слабо (или отрицательно) коррелировала с остальными шкалами, поэтому анализировалась отдельно. Индекс КМО варьировал от 0,57 до 0,88 ( $M=0,78$ ), тест Бартлетта во всех датасетах был значимым. Процент объясненной дисперсии для первого фактора составил от 0,28 до 0,67. Для каждого видеосета была получена агрегированная оценка испытуемых по всем шкалам за исключением негативных эмоций, представляющая собой линейную комбинацию стандартизированных переменных с факторными весами.

*Регрессионный анализ: прогноз экспертных оценок.* На первом шаге были использованы данные по 37 эталонным видео, для которых были получены однозначные экспертные оценки по наличию/отсутствию инсайта (обучающая выборка). Для каждого видеосета была проведена отдельная логистическая регрессия, в которой зависимой переменной было наличие/отсутствие инсайта, а предикторами — факторные нагрузки, полученные в результате факторизации на предыдущем шаге, и отдельно — негативные эмоции.

Оценивание параметров выполнялось методом максимального правдоподобия. Качество подгонки оценивалось с помощью Nagelkerke's  $R^2$ . Для выбора порога классификации в каждом видеосете использовался индекс Юдена ( $J = \text{sensitivity} + \text{specificity} - 1$ ), с выбором порога, максимизирующего  $J$  на ROC-кривой. Для 21 видеосета Nagelkerke's  $R^2$  варьировал от 0,15 до 0,94 ( $M=0,61$ ), оптимальные пороги — от 0,23 до 0,68.

На втором шаге, используя полученные значения интерсептов и регрессионных коэффициентов, мы получили оценки вероятностей для тех видео, у которых экспертные оценки отсутствовали (по формуле  $\text{logit}(p_{\text{insight}}) = b_0 + b_1 \times \text{ФакторПоз}$ ).

Эмоций +  $b_2 \times \text{Нег.Эмоции}$ ). Классификация осуществлялась на основании оптимального порога, вычисленного на эталонных видео для каждого видеосета.

В результате для каждого видео были получены оценки вероятностей наличия или отсутствия инсайта, а также классификация 0/1 на основании оптимальных пороговых значений.

*Регрессионный анализ: прогноз субъективных оценок.* Дополнительно был проведен анализ с целью выяснить, насколько хорошо можно предсказать субъективные оценки инсайтности по оценкам поведенческих проявлений наивных испытуемых. Анализ проводился для каждого сета отдельно. Результаты показали, что субъективные оценки предсказываются гораздо хуже экспертных (Nagelkerke's  $R^2$  варьировал от 0 до 0,3;  $M=0,14$ )

и только в 9 видеосетах из 21 фактор Позитивных эмоций оказался значимым предиктором.

### Связь субъективных оценок, экспертных оценок и оценок наивных испытуемых

Для проверки согласованности разных типов оценок инсайтности (экспертных, субъективных и предсказанных на основе поведенческих оценок наивных испытуемых) был проведен корреляционный анализ (см. табл. 2). Результаты демонстрируют, что сила связи варьирует в зависимости как от типа инсайтной реакции («Ага!» или «Ах, да!»), так и от опыта испытуемого (эксперт или наивный участник). В целом, экспертные оценки умеренно коррелируют с субъективными, причем наиболее выраженная связь наблюдается для реакций, характеризующихся подлинным озарением («Ага!»).

**Таблица 2.** Коэффициенты корреляции (r Пирсона) субъективных оценок с экспертными оценками и оценками наивных испытуемых

Тип инсайта	Эксперты	Наивные испытуемые
В целом	0,34 (p=0,007) n=61	0,18 (p<0,001) N=529
Ага! – реакция	0,47 (p=0,006) n=32	0,16 (p=0,005) n=299
Ах, да! – реакция	0,15 (p=0,429) n=29	0,20 (p=0,002) n=230

### Обсуждение результатов

Полученные данные показывают, что экспертная идентификация инсайтного решения по коротким видеозаписям поведения возможна, но чувствительна к критериям и стратегиям оценивания. Общая межэкспертная согласованность оказалась умеренной ( $K=0,419$ ), при этом внутри подгруппы трех экспертов, сходных по доле выявляемых инсайтов, согласованность была заметно выше ( $K=0,617$ ). Такое расслоение показывает, что среди специалистов существуют различия в понимании инсайта и в порогах отнесения решения к инсайтному. С практической точки зрения это означает, что использование экспертных оценок требует либо предварительной калибровки и обучения оценщиков, либо применения процедур консенсуса и контроля «строгости» эксперта.

Анализ согласованности по отдельным поведенческим шкалам продемонстрировал, что наиболее согласованно эксперты оценивали мимику, а также удивление и позитивные эмоции. Напротив, оценки двигательной активности, внезапности и негативных эмоций имели большую вариативность. Таким образом, можно сделать вывод, что лицевые экспрессивные проявления и пози-

тивный аффект являются наиболее доступными для внешнего наблюдения и наиболее однозначно интерпретируемыми поведенческими признаками. Полученная факторная структура экспертных оценок поведения свидетельствует о большей степени дифференцированности суждений экспертов по сравнению с наивными испытуемыми. Экспертные оценки поведенческих проявлений продемонстрировали четкую двухфакторную структуру, в то время как у студентов все оценки, за исключением шкалы негативных эмоций, в большинстве случаев сливались в один фактор, который можно интерпретировать как общую активность (см. также: Кулиев, Валуева, Куприянов, 2026). Основным предиктором решения о наличии инсайта у экспертов выступал фактор позитивной экспрессии, тогда как у наивных испытуемых именно фактор общей активности лучше всего предсказывал экспертные оценки инсайтности. В целом эти результаты согласуются с данными о соматических и экспрессивных маркерах озарения (Shen et al., 2018; Laukkonen et al., 2021). В обоих случаях негативная экспрессия практически не вносила вклада в процент объясняемой дисперсии. При этом предсказание экспертных

оценок на основе поведенческих оценок наивных испытуемых можно считать в среднем достаточно успешным (средний Nagelkerke's  $R^2=0,61$  по 21 видеосету). Даже без специальной подготовки неспециалисты способны, при достаточной статистической агрегации, воспроизводить экспертные оценки. С одной стороны, этот факт открывает перспективы краудсорсинговой разметки больших массивов видеоданных — при наличии небольшого набора «якорных» примеров можно получать приближенные к экспертным оценки наличия инсайта на больших массивах видеоданных с существенно меньшими ресурсными затратами.

С другой стороны, данные свидетельствуют о том, что экспертная оценка в большей степени чувствительна к качественным различиям в паттернах поведения, тогда как наивная оценка отражает скорее общую заметность реакции, чем дифференцированное распознавание специфических маркеров инсайта. Следовательно, при использовании наивных испытуемых в качестве оценщиков желательна предварительная калибровка критериев и процедуры обучения, позволяющие сместить их внимание от общей поведенческой активности к более специфическим признакам инсайтного решения.

Высокая предсказуемость экспертной классификации по поведенческим оценкам не тождественна высокой валидности «внешнего» критерия инсайта. Скорее, результаты указывают на набор признаков, которыми пользуются эксперты для принятия решения об инсайте. Такой набор может быть эффективен для детекции ярких «Ага!» решений, но потенциально хуже работает для инсайтов без выраженной экспрессии, а также для ситуаций, когда позитивная эмоциональная реакция связана не с переструктурированием, а с простым облегчением после правильного ответа.

Проблема соотношения объективных и субъективных критериев инсайтности в нашем исследовании проявилась в виде слабой связи между наблюдаемыми поведенческими проявлениями и субъективными самоотчетами участников. Ни экспертные оценки поведения, ни агрегированные оценки наивных наблюдателей не позволили надежно предсказать субъективную инсайтность. При этом корреляция субъективных оценок с экспертными также оказалась не слишком высокой и заметно зависела от типа инсайтной реакции: для «Ага!» связь была выше, чем для «Ах, да!» реакции. Этот результат свидетельствует о выраженной диссоциации между наблюдаемым поведением и самоотчетом, что согласуется с данными о том, что решатели нередко ретроспективно ре-

конструируют процесс решения или недооценивают внезапность озарения, а вербализация может искажать доступ к неявным компонентам процесса решения (Schooler et al., 1993; Danek et al., 2020).

Представленная работа имеет ряд ограничений. Во-первых, следует отметить сравнительно невысокую согласованность между экспертами при определении наличия или отсутствия инсайта у решателя. Это ограничение указывает не только на сложность самой процедуры оценивания, но и на то, что даже среди специалистов сохраняются различия в понимании инсайта и в критериях его распознавания. Экспертные расхождения в данном случае отражают не просто индивидуальную вариативность суждений, но и более общую концептуальную неоднородность в трактовке того, какие признаки следует считать характерными для инсайтного решения. В этом смысле экспертная оценка выступает не как полностью однозначный критерий, а как операционализация одной из возможных интерпретаций инсайта, что необходимо учитывать при обсуждении полученных результатов.

Во-вторых, несмотря на в среднем хороший результат масштабирования экспертных оценок с помощью оценок наивных испытуемых, мы наблюдали достаточно высокую вариативность между видеосетами, что указывает на необходимость процедур контроля качества: отсев участников с низкой вовлеченностью, уточнение шкал, обучающие процедуры, а также проверка устойчивости моделей при смене состава оценивающих групп.

В-третьих, анализ проводился по коротким видеозаписям, что, с одной стороны, позволяет стандартизировать процедуру оценивания, но, с другой стороны, ограничивает доступ наблюдателей к более широкому контексту решения. Часть поведенческих признаков может проявляться до или после выделенного фрагмента, а их интерпретация может зависеть от хода решения в целом. Соответственно, часть случаев инсайта, особенно менее экспрессивных, могла остаться незамеченной.

В-четвертых, в качестве «объективного» критерия в работе использовалась экспертная классификация. Успешное воспроизведение экспертных оценок не тождественно универсальной валидности предложенного подхода и требует дальнейшей проверки на других типах инсайтных задач, других форматах поведенческого материала и при использовании независимых объективных индикаторов.

### Заключение

Проведенное исследование показало, что инсайтные решения в принципе могут распознаваться по коротким видеозаписям поведения, однако

надежность такой идентификации зависит от того, кто именно оценивает материал и какими критериями он руководствуется. Экспертные оценки продемонстрировали умеренную общую согласованность и более высокую согласованность в более однородной подгруппе, что указывает на наличие различий в трактовке инсайта даже среди специалистов. Структура экспертных оценок оказалась более дифференцированной, чем у наивных испытуемых, а ключевым предиктором экспертного решения о наличии инсайта выступила позитивная экспрессия. Агрегированные оценки наивных наблюдателей в среднем позволяли достаточно успешно приближаться к экс-

пертным оценкам, что подтверждает потенциал калиброванной коллективной разметки. При этом ни экспертные, ни агрегированные поведенческие оценки не обеспечили надежного прогноза субъективной инсайтности, а связь с самоотчетом оказалась ограниченной и более выраженной для реакций типа «Ага!», чем для «Ах, да!». Тем самым исследование подтверждает перспективность анализа видео как инструмента объективной регистрации внешних проявлений инсайта, но одновременно показывает, что внешние поведенческие признаки и субъективное переживание инсайта совпадают лишь частично.

### Литература:

- Владимиров И.Ю., Бушманова А.С., Курицын А.А. Улыбка — залог успеха: анализ поведенческих маркеров инсайтного решения // Психология познания: материалы Всероссийской научной конференции. ЯрГУ, 16–17 декабря 2022 г. /отв. ред. И.Ю. Владимиров, С.Ю. Коровкин. Ярославль: Филигрань, 2023. С. 56–60.
- Владимиров И.Ю., Бушманова А.С., Макаров И.Н. Поведенческие маркеры ключевых событий инсайтного решения // Психологические исследования. 2021. Т. 14. № 77. DOI: 10.54359/ps.v14i77.134
- Гаршина С.А., Пискарев П.М. Анализ современных методов детекции инсайтности // Современные технологии управления. 2023. № 3(103). С. 1. DOI: 10.24412/2226-9339-2023-3103-1
- Кулиев Н.С., Валуева Е.А., Куприянов Р.В. Можно ли увидеть инсайт? Сравнение экспертных и наивных оценок поведенческих признаков // Психология творчества: традиции, инновации, перспективы. Материалы Международной научной конференции, посвященной 105-летию со дня рождения Я.А. Пономарева / отв. ред. С.Ю. Коровкин, Д.В. Ушаков, А.Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2025. С. 66–69.
- Лазарева Н.Ю., Савинова А.Д., Чистопольская А.В. Влияние экспериментальных условий на субъективную оценку инсайтности решения // Экспериментальная психология. 2023. Т. 16, № 1. С. 23–42. DOI: 10.17759/exppsy.2023160102
- Морошкина Н.В., Аммайнен А.В., Гершкович В.А., Львова О.В., Федосова В.И. Апробация русскоязычного банка заданий на поиск отдаленных ассоциаций (RAT-Rus) для исследований инсайта // Первый национальный конгресс по когнитивным исследованиям, искусственному интеллекту и нейротехнологиям. Девятая международная конференция по когнитивной науке: сборник научных трудов. Т. 1. М.: МИФИ, 2021. С. 559–561.
- Морошкина Н.В., Аммайнен А.В., Савина А.В. В погоне за инсайтом: современные подходы и методы измерения инсайта в когнитивной психологии // Психологические исследования. 2020. Т. 13. № 74. DOI: 10.54359/ps.v13i74.163
- Филяева О.В., Коровкин С.Ю. Объективные маркеры инсайтного решения // Творчество: наука, искусство, жизнь. 2015. С. 367–371.
- Чистопольская А.В., Савинова А.Д., Лазарева Н.Ю. Экспликация критериев инсайта и обзор методов их измерения // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 18, № 4. С. 907–929. DOI: 10.17323/1813-8918-2021-4-907-929
- Шумилов Т.В., Чистопольская А.В. Уровень развития метакогнитивных способностей как коррелят точности детекции инсайтного решения // Психология познания: материалы Всероссийской научной конференции. ЯрГУ, 16–17 декабря 2022 г. /отв. ред. И.Ю. Владимиров, С.Ю. Коровкин. Ярославль: Филигрань, 2023. С. 361–366.
- Adler E. Modeling the Affect of “Aha!” moments to detect the moment of learning: doctoral dissertation. Cambridge (MA): Massachusetts Institute of Technology. 2024.
- Bowden E.M., Jung-Beeman M. Aha! Insight experience correlates with solution activation in the right hemisphere // Psychonomic Bulletin & Review. 2003. Vol. 10(3). P. 730–737. DOI: 10.3758/BF03196539
- Cernea D., Kerren A., Ebert A. Detecting insight and emotion in visualization applications with a commercial EEG headset // SIGRAD 2011 Conference Proceedings. 2011. P. 53–60.

- Chesebrough C., Oh Y., Kounios J. Why my “Aha!” is your “Hmm...”: Individual differences in the phenomenology and likelihood of insight experiences // *The Emergence of Insight*. Cambridge: Cambridge University Press. 2024. P. 251–279. DOI: 10.1017/9781009244244.012
- Cropley D.H., Kaufman J.C. Measuring functional creativity: Non-expert raters and the Creative Solution Diagnosis Scale // *The Journal of Creative Behavior*. 2012. Vol. 46(2). P. 119–137. DOI: 10.1002/jocb.9
- Danek A.H. Magic tricks, sudden restructuring, and the Aha! experience: A new model of nonmonotonic problem solving // *Insight: On the Origins of New Ideas* / ed. by F. Vallee-Tourangeau. London; New York: Routledge. 2018. P. 51–78. DOI: 10.4324/9781315268118-4
- Danek A.H., Fraps T., von Muller A., Grothe B., Ollinger M. It’s a kind of magic: what self-reports can reveal about the phenomenology of insight problem solving // *Frontiers in Psychology*. 2014. Vol. 5. Art. 1408. DOI: 10.3389/fpsyg.2014.01408
- Danek A.H., Wiley J. What about false insights? Deconstructing the Aha! experience along its multiple dimensions for correct and incorrect solutions separately // *Frontiers in Psychology*. 2017. Vol. 7. Art. 2077. DOI: 10.3389/fpsyg.2016.02077
- Danek A.H., Williams J., Wiley J. Closing the gap: Connecting sudden representational change to the subjective Aha! experience in insightful problem solving // *Psychological Research*. 2020. Vol. 84. Vol. 1. P. 111–119. DOI: 10.1007/s00426-018-0977-8
- Galton F. Vox Populi // *Nature*. 1907. Vol. 75. P. 450–451. DOI: 10.1038/075450a0
- Ishikawa T., Toshima M., Mogi K. How and when? Metacognition and solution timing characterize an “aha” experience of object recognition in hidden figures // *Frontiers in Psychology*. 2019. Vol. 10. Art. 1023. DOI: 10.3389/fpsyg.2019.01023
- Kameda T., Toyokawa W., Tindale R.S. Information aggregation and collective intelligence beyond the wisdom of crowds // *Nature Reviews Psychology*. 2022. Vol. 1(6). P. 345–357. DOI: 10.1038/s44159-022-00054-y
- Kaufman J.C., Baer J., Cole J.C. Expertise, domains, and the consensual assessment technique // *The Journal of Creative Behavior*. 2009. Vol. 43(4). P. 223–233. DOI: 10.1002/j.2162-6057.2009.tb01316.x
- Kaufman J.C., Baer J., Cole J.C., Sexton J.D. A comparison of expert and nonexpert raters using the consensual assessment technique // *Creativity Research Journal*. 2008. Vol. 20(2). P. 171–178. DOI:10.1080/10400410802059929
- Kaufman J.C., Baer J., Cropley D.H., Reiter-Palmon R., Sinnott S. Furious activity vs. understanding: How much expertise is needed to evaluate creative work? // *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*. 2013. Vol. 7(4). P. 332–340. DOI: 10.1037/a0034809
- Knoblich G., Ohlsson S., Raney G.E. An eye movement study of insight problem solving // *Memory & Cognition*. 2001. Vol. 29(7). P. 1000–1009. DOI: 10.3758/BF03195762
- Korovkin S., Vladimirov I., Chistopolskaya A., Savinova A. How working memory provides representational change during insight problem solving // *Frontiers in Psychology*. 2018. Vol. 9. Art. 1864. DOI: 10.3389/fpsyg.2018.01864
- Kounios J., Beeman M. The cognitive neuroscience of insight // *Annual Review of Psychology*. 2014. Vol. 65. P. 71–93. DOI: 10.1146/annurev-psych-010213-115154
- Laukkonen R.E., Ingledew D.J., Grimmer H.J., Schooler J.W., Tangen J.M. Getting a grip on insight: Real-time and embodied Aha experiences predict correct solutions // *Cognition and Emotion*. 2021. Vol. 35(5). P. 918–935. DOI: 10.1080/02699931.2021.1908230
- Laukkonen R.E., Tangen J.M. How to detect insight moments in problem solving experiments // *Frontiers in Psychology*. 2018. Vol. 9. Art. 282. DOI: 10.3389/fpsyg.2018.00282
- Moroshkina N.V., Savina A.I., Ammalainen A.V., Gershkovich V.A., Zverev I.V., Lvova O.V. How difficult was it? Metacognitive judgments about problems and their solutions after the Aha moment // *Frontiers in Psychology*. 2022. Vol. 13. Art. 911904. DOI: 10.3389/fpsyg.2022.911904
- Salvi C., Bricolo E., Franconeri S.L., Kounios J., Beeman M. Sudden insight is associated with shutting out visual inputs // *Psychonomic Bulletin & Review*. 2015. Vol. 22(6). P. 1814–1819. DOI: 10.3758/s13423-015-0845-0
- Salvi C., Bricolo E., Kounios J., Bowden E.M., Beeman M. Insight solutions are correct more often than analytic solutions // *Thinking & Reasoning*. 2016. Vol. 22(4). P. 443–460. DOI: 10.1080/13546783.2016.1141798
- Salvi C., Simoncini C., Grafman J., Beeman M. Oculometric signature of switch into awareness? Pupil size predicts sudden insight whereas microsaccades predict problem-solving via analysis // *NeuroImage*. 2020. Vol. 217. Art. 116933. DOI: 10.1016/j.neuroimage.2020.116933
- Schooler J.W., Ohlsson S., Brooks K. Thoughts beyond words: When language overshadows insight // *Journal of Experimental Psychology: General*. 1993. Vol. 122(2). P. 166–183. DOI: 10.1037/0096-3445.122.2.166

- Shen W., Tong Y., Yuan Y., Zhan H., Liu C., Luo J., Cai H. Feeling the insight: Uncovering somatic markers of the “aha” experience // *Applied Psychophysiology and Biofeedback*. 2018. Vol. 43(1). P. 13–21. DOI: 10.1007/s10484-017-9381-1
- Shumilov T.V., Chistopolskaya A.V., Vladimirov I.Y. The Path to Insight: Developing Methods to Increase the Effectiveness of Insightful Solution Detection // *Psychology. Journal of Higher School of Economics*. 2023. Vol. 20(3). P. 473–489. DOI: 10.17323/1813-8918-2023-3-473-489
- Spiridonov V., Loginov N., Ardislamov V. Dissociation between the subjective experience of insight and performance in the CRA paradigm // *Journal of Cognitive Psychology*. 2021. Vol. 33(6–7). P. 685–699. DOI: 10.1080/20445911.2021.1900198
- Storme M., Myszkowski N., Celik P., Lubart T. Learning to judge creativity: The underlying mechanisms in creativity training for non-expert judges // *Learning and Individual Differences*. 2014. Vol. 32. P. 19–25. DOI: 10.1016/j.lindif.2014.03.002
- Tsai K.C. Quasi-experts’ assessments of creative products: An evaluation using a sample of design students // *British Journal of Education, Society & Behavioural Science*. 2016. Vol. 12(3). P. 1–7. DOI: 10.9734/BJESBS/2016/21057
- Valueva E.A., Lapteva N.M. “Aha!” and “Oh Yes!”: How emotions affect insight experience // *Psychology. Journal of Higher School of Economics*. 2023. Vol. 20(3). P. 428–444. DOI: 10.17323/1813-8918-2023-3-428-444

## CAPTURING INSIGHT ON VIDEO: EXPERT AND NAIVE EVALUATIONS OF BEHAVIORAL MARKERS IN INSIGHTFUL PROBLEM SOLVING

© Nikolay S. Kuliev

PhD student, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia  
kuliev.nikolaj@bk.ru, ORCID: 0009-0004-1003-464X

© Ekaterina A. Valueva

PhD in Psychology, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia  
valuevaea@ipran.ru, ORCID: 0000-0003-3637-287X

© Roman V. Kupriyanov

PhD in Psychology, Kazan Federal University, Kazan, Russia  
rvkupriyanov@kpfu.ru, ORCID: 0000-0001-9794-9607

This study was supported by the Russian Science Foundation (RSF), project № 23–18–01059-P

The article checks the possibility of objective video registration of insight solutions using short video clips of solvers’ behavior. Experts evaluated 90 videos on several behavioral scales and classified solutions as insightful or non-insightful. The same approach was then scaled to 976 video clips with naive raters and calibration on reference examples. It is shown that inter-expert agreement in identifying insight is moderate, but it increases substantially in a more consistent subgroup of experts. Facial expressions, surprise, and positive emotions are identified most reliably. Expert ratings of behavioral signs form a two-factor structure, in which the decision about the presence of insight is mainly determined by the factor of positive expression. Aggregated ratings of naive participants reproduce expert decisions quite well on average, but they rely more on the overall salience of the reaction than on differentiated recognition of specific insight markers. At the same time, the connection between both expert and aggregated behavioral ratings with the solvers’ subjective self-reports remains weak. The results show that video analysis and calibrated collective labeling are promising for insight research, but they also underline the need for careful interpretation of external behavioral criteria.

**Keywords:** insight, aha-experience, self-report, video analysis, behavioral markers, expert ratings, naive raters, collective rating, crowdsourcing

## REFERENCES

- Vladimirov I. Yu., Bushmanova A. S., Kuritsyn A. A. (2023). Smile is the key to success: Analysis of behavioral markers of insight solution // *Psychology of Cognition: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference*. Yaroslavl State University, December 16–17, 2022. Ed. by I. Yu. Vladimirov, S. Yu. Korovkin. Yaroslavl: Filigran Publ. P. 56–60.
- Vladimirov I. Yu., Bushmanova A. S., Makarov I. N. (2021). Behavioral markers of key events in insight solution // *Psychological Studies*. Vol. 14(77). DOI: 10.54359/ps.v14i77.134
- Garshina S. A., Piskarev P. M. (2023). Analysis of modern methods for detecting insightfulness // *Modern Management Technology*. Vol. 3(103). P. 1. DOI: 10.24412/2226-9339-2023-3103-1
- Kuliev N.S., Valueva E.A., Kupriyanov R.V. (2025). Can insight be seen? A comparison of expert and naive ratings of behavioral signs // *Psychology of Creativity: Traditions, Innovations, Prospects. Proceedings of the International Scientific Conference Dedicated to the 105th Anniversary of Ya.A. Ponomarev*. Ed. by S. Yu. Korovkin, D. V. Ushakov, A.L. Zhuravlev. Moscow: Institute of Psychology RAS Publ. P. 66–69.
- Lazareva N.Yu., Savinova A.D., Chistopolskaya A.V. (2023). The influence of experimental conditions on the subjective evaluation of solution insightfulness // *Experimental Psychology*. Vol. 16(1). P. 23–42. DOI: 10.17759/exppsy.2023160102
- Moroshkina N.V., Ammalainen A.V., Gershkovich V.A., Lvova O.V., Fedosova V.I. (2021). Validation of the Russian-language Remote Associates Test item bank (RAT-Rus) for insight research // *The First National Congress on Cognitive Research, Artificial Intelligence and Neuroinformatics. The Ninth International Conference on Cognitive Science: Proceedings*. Vol. 1. Moscow: MIFI Publ. P. 559–561.
- Moroshkina N.V., Ammalainen A.V., Savina A.V. (2020). In pursuit of insight: Modern approaches and methods for measuring insight in cognitive psychology // *Psychological Studies*. Vol. 13(74). DOI: 10.54359/ps.v13i74.163
- Filyaeva O.V., Korovkin S. Yu. (2015). Objective markers of insight solution // *Creativity: Science, Art, Life*. P. 367–371.
- Chistopolskaya A.V., Savinova A.D., Lazareva N. Yu. (2021). Explication of insight criteria and a review of methods for their measurement // *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. Vol. 18(4). P. 907–929. DOI: 10.17323/1813-8918-2021-4-907-929
- Shumilov T.V., Chistopolskaya A.V. (2023). The level of metacognitive abilities as a correlate of the accuracy of insight solution detection // *Psychology of Cognition: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference*. Yaroslavl State University, December 16–17, 2022. Ed. by I. Yu. Vladimirov, S. Yu. Korovkin. Yaroslavl: Filigran Publ. P. 361–366.
- Adler E. (2024). Modeling the Affect of “Aha!” moments to detect the moment of learning: doctoral dissertation. Cambridge (MA): Massachusetts Institute of Technology.
- Bowden E.M., Jung-Beeman M. (2003). Aha! Insight experience correlates with solution activation in the right hemisphere // *Psychonomic Bulletin & Review*. Vol. 10. Vol. 3. P. 730–737. DOI: 10.3758/BF03196539
- Cernea D., Kerren A., Ebert A. (2011). Detecting insight and emotion in visualization applications with a commercial EEG headset // *SIGRAD 2011 Conference Proceedings*. P. 53–60.
- Chesebrough C., Oh Y., Kounios J. (2024). Why my “Aha!” is your “Hmm...”: Individual differences in the phenomenology and likelihood of insight experiences // *The Emergence of Insight*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 251–279. DOI: 10.1017/9781009244244.012
- Cropley D.H., Kaufman J.C. (2012). Measuring functional creativity: Non-expert raters and the Creative Solution Diagnosis Scale // *The Journal of Creative Behavior*. Vol. 46(2). P. 119–137. DOI: 10.1002/job.9
- Danek A.H. (2018). Magic tricks, sudden restructuring, and the Aha! experience: A new model of nonmonotonic problem solving // *Insight: On the Origins of New Ideas* / ed. by F. Vallee-Tourangeau. London; New York: Routledge. P. 51–78. DOI: 10.4324/9781315268118-4
- Danek A.H., Fraps T., von Muller A., Grothe B., Ollinger M. (2014). It’s a kind of magic: what self-reports can reveal about the phenomenology of insight problem solving // *Frontiers in Psychology*. Vol. 5. Art. 1408. DOI: 10.3389/fpsyg.2014.01408
- Danek A.H., Wiley J. (2017). What about false insights? Deconstructing the Aha! experience along its multiple dimensions for correct and incorrect solutions separately // *Frontiers in Psychology*. Vol. 7. Art. 2077. DOI: 10.3389/fpsyg.2016.02077
- Danek A.H., Williams J., Wiley J. (2020). Closing the gap: Connecting sudden representational change to the subjective Aha! experience in insightful problem solving // *Psychological Research*. Vol. 84. Vol. 1. P. 111–119. DOI: 10.1007/s00426-018-0977-8

- Galton F. (1907). Vox Populi // *Nature*. Vol. 75. P. 450–451. DOI: 10.1038/075450a0
- Ishikawa T., Toshima M., Mogi K. (2019). How and when? Metacognition and solution timing characterize an “aha” experience of object recognition in hidden figures // *Frontiers in Psychology*. Vol. 10. Art. 1023. DOI: 10.3389/fpsyg.2019.01023
- Kameda T., Toyokawa W., Tindale R. S. (2022). Information aggregation and collective intelligence beyond the wisdom of crowds // *Nature Reviews Psychology*. Vol. 1(6). P. 345–357. DOI: 10.1038/s44159-022-00054-y
- Kaufman J. C., Baer J., Cole J. C. (2009). Expertise, domains, and the consensual assessment technique // *The Journal of Creative Behavior*. Vol. 43(4). P. 223–233. DOI: 10.1002/j.2162-6057.2009.tb01316.x
- Kaufman J. C., Baer J., Cole J. C., Sexton J. D. (2008). A comparison of expert and nonexpert raters using the consensual assessment technique // *Creativity Research Journal*. Vol. 20(2). P. 171–178. DOI:10.1080/10400410802059929
- Kaufman J. C., Baer J., Copley D. H., Reiter-Palmon R., Sinnott S. (2013). Furious activity vs. understanding: How much expertise is needed to evaluate creative work? // *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*. Vol. 7(4). P. 332–340. DOI: 10.1037/a0034809
- Knoblich G., Ohlsson S., Raney G. E. (2001). An eye movement study of insight problem solving // *Memory & Cognition*. Vol. 29(7). P. 1000–1009. DOI: 10.3758/BF03195762
- Korovkin S., Vladimirov I., Chistopolskaya A., Savinova A. (2018). How working memory provides representational change during insight problem solving // *Frontiers in Psychology*. Vol. 9. Art. 1864. DOI: 10.3389/fpsyg.2018.01864
- Kounios J., Beeman M. (2014). The cognitive neuroscience of insight // *Annual Review of Psychology*. Vol. 65. P. 71–93. DOI: 10.1146/annurev-psych-010213-115154
- Laukkonen R. E., Ingledew D. J., Grimmer H. J., Schooler J. W., Tangen J. M. (2021). Getting a grip on insight: Real-time and embodied Aha experiences predict correct solutions // *Cognition and Emotion*. Vol. 35(5). P. 918–935. DOI: 10.1080/02699931.2021.1908230
- Laukkonen R. E., Tangen J. M. (2018). How to detect insight moments in problem solving experiments // *Frontiers in Psychology*. Vol. 9. Art. 282. DOI: 10.3389/fpsyg.2018.00282
- Moroshkina N. V., Savina A. I., Ammalainen A. V., Gershkovich V. A., Zverev I. V., Lvova O. V. (2022). How difficult was it? Metacognitive judgments about problems and their solutions after the Aha moment // *Frontiers in Psychology*. Vol. 13. Art. 911904. DOI: 10.3389/fpsyg.2022.911904
- Salvi C., Bricolo E., Franconeri S. L., Kounios J., Beeman M. (2015). Sudden insight is associated with shutting out visual inputs // *Psychonomic Bulletin & Review*. Vol. 22(6). P. 1814–1819. DOI: 10.3758/s13423-015-0845-0
- Salvi C., Bricolo E., Kounios J., Bowden E. M., Beeman M. (2016). Insight solutions are correct more often than analytic solutions // *Thinking & Reasoning*. Vol. 22(4). P. 443–460. DOI: 10.1080/13546783.2016.1141798
- Salvi C., Simoncini C., Grafman J., Beeman M. (2020). Oculometric signature of switch into awareness? Pupil size predicts sudden insight whereas microsaccades predict problem-solving via analysis // *NeuroImage*. Vol. 217. Art. 116933. DOI: 10.1016/j.neuroimage.2020.116933
- Schooler J. W., Ohlsson S., Brooks K. (1993). Thoughts beyond words: When language overshadows insight // *Journal of Experimental Psychology: General*. Vol. 122(2). P. 166–183. DOI: 10.1037/0096-3445.122.2.166
- Shen W., Tong Y., Yuan Y., Zhan H., Liu C., Luo J., Cai H. (2018). Feeling the insight: Uncovering somatic markers of the “aha” experience // *Applied Psychophysiology and Biofeedback*. Vol. 43(1). P. 13–21. DOI: 10.1007/s10484-017-9381-1
- Shumilov T. V., Chistopolskaya A. V., Vladimirov I. Y. (2023). The Path to Insight: Developing Methods to Increase the Effectiveness of Insightful Solution Detection // *Psychology. Journal of Higher School of Economics*. Vol. 20(3). P. 473–489. DOI: 10.17323/1813-8918-2023-3-473-489
- Spiridonov V., Loginov N., Ardislamov V. (2021). Dissociation between the subjective experience of insight and performance in the CRA paradigm // *Journal of Cognitive Psychology*. Vol. 33(6–7). P. 685–699. DOI: 10.1080/20445911.2021.1900198
- Storme M., Myszkowski N., Celik P., Lubart T. (2014). Learning to judge creativity: The underlying mechanisms in creativity training for non-expert judges // *Learning and Individual Differences*. Vol. 32. P. 19–25. DOI: 10.1016/j.lindif.2014.03.002
- Tsai K. C. (2016). Quasi-experts’ assessments of creative products: An evaluation using a sample of design students // *British Journal of Education, Society & Behavioural Science*. Vol. 12(3). P. 1–7. DOI: 10.9734/BJESBS/2016/21057
- Valueva E. A., Lapteva N. M. (2023). “Aha!” and “Oh Yes!”: How emotions affect insight experience // *Psychology. Journal of Higher School of Economics*. Vol. 20(3). P. 428–444. DOI: 10.17323/1813-8918-2023-3-428-444

## ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ И ЛИЧНОСТНЫХ РЕСУРСОВ ПСИХОЛОГОВ В УСЛОВИЯХ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА

© Волошина А.А.

Аспирант кафедры общей психологии, Донецкий государственный университет, Донецк, Россия  
artyukh98@inbox.ru; ORCID: 0009-0005-0678-1332

Работа выполнена в рамках государственного задания (проект № FRRE-2026–0029  
«Личность в современном информационном и социокультурном пространстве»)

Для цитирования:

Волошина А.А.

Теоретико-методологические основания исследования копинг-стратегий и личностных ресурсов психологов в условиях вооруженного конфликта // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2026. Т. 6. № 2(19). С. 49–61. DOI: 10.38098/proceedings\_2026\_06\_02\_05

Voloshina A.A.

Theoretical and methodological foundations for researching coping-strategies and personal resources of psychologists in conditions of armed conflict. Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2026, Vol. 6, No2(19), Pp. 49-61. DOI: 10.38098/proceedings\_2026\_06\_02\_05

В статье представлен теоретический анализ профессионального стресса у психологов, работающих в зонах вооруженных конфликтов. Выявлены методологические ограничения классических подходов (транзакционная модель Р. Лазаруса и С. Фолкман, теория сохранения ресурсов С. Хобфолла) в экстремальном контексте, характеризующемся перманентной неопределенностью и хронической угрозой. На основе интеграции ключевых концепций предложена оригинальная интегративная модель профессиональной адаптации. Центральными конструктами модели выступают динамическая иерархия личностных ресурсов (развивающая системную классификацию Д. А. Леонтьева) и адаптивная гибкость копинг-поведения. Обосновано, что в экстремальных условиях социальные ресурсы трансформируются из внешнего модулятора в системообразующий компонент ресурсной иерархии, выполняя функцию внешней стабилизации.

**Ключевые слова:** профессиональная адаптация, помогающие профессии, экстремальные условия, вооруженный конфликт, динамическая иерархия

ресурсов, адаптивная гибкость, теория сохранения ресурсов (COR), смыслообразование, пост-травматический рост

### Введение

Деятельность психолога в условиях вооруженного конфликта характеризуется хронической угрозой физической безопасности, столкновением с вторичной травмой, моральными дилеммами и экстремальной ответственностью за жизнь клиентов (Steger, 2012). В исследованиях сохраняется теоретический разрыв между неадекватностью прямого применения классических схем и потребностью в объяснении специфических механизмов адаптации.

Классические модели (транзакционная модель Р. Лазаруса и С. Фолкман, COR-теория С. Хобфолла, структурная классификация Д. А. Леонтьева) разработаны для стабильной среды. В экстремальном контексте их базовые постулаты требуют переосмысления. Бинарная оппозиция копинг-стратегий утрачивает эвристическую силу, а логика инвестирования ресурсов подвергается сомнению в среде их непрерывной потери (Тарабрина, 2009; Park, Folkman, 1997).

Цель статьи — теоретико-методологический синтез оснований для построения модели адаптации психологов в условиях вооруженного конфликта.

Задачи:

- 1) критический анализ ограничений классических теорий;
- 2) выявление точек их интеграции с моделью Д. А. Леонтьева;
- 3) формулирование контуров интегративной модели.

### Предварительная операционализация ключевых понятий

Для обеспечения эмпирической верифицируемости предлагаемой модели необходимо определить измеряемые индикаторы центральных конструктов и соответствующий диагностический инструментарий.

Адаптивная гибкость копинг-поведения — способность к динамической, ситуативно-адекватной мобилизации и переключению копинг-стратегий в ответ на изменяющиеся параметры стрессора и доступных ресурсов (Cheng, Lau, Chan, 2014).

*Изменяемые индикаторы:* точность ситуативной оценки, ширина репертуара, оперативное переключение, мониторинг эффективности.

*Диагностика:* опросник совладания со стрессом К. Карвера, М. Шейера и Дж. Вайнтрауб в адаптации Е.И. Рассказовой; опросник «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ) В.И. Моросановой; методика диагностики эмоционального интеллекта (ЭМИн) Д.В. Люсина.

Динамическая иерархия личностных ресурсов — система ресурсов, организованная в три взаимосвязанных уровня (физиологический, психологический, мотивационно-смысловой), чья иерархия изменяется в зависимости от фазы стрессового воздействия.

*Измеряемые индикаторы:* физический дистресс, качество сна (физиологический); жизнестойкость, самоэффективность, толерантность к неопределенности (психологический); смысло-жизненные ориентации, профессиональная идентичность (мотивационно-смысловой).

*Диагностика:* Шкала профессиональных жизненных качеств (PROQOL) Б. Стамм; тест жизнестойкости С. Мадди в адаптации Д.А. Леонтьева (Maddi, 2006); Шкала толерантности к неопределенности, MSTAT-I D. McLain, адаптация: Е.Н. Осин; тест смысло-жизненных ориентаций Д.А. Леонтьева, ССПМ; ЭМИн.

Социальные ресурсы как система внешней стабилизации — система коллективной поддержки и регуляции, выступающая в экстремальных условиях не внешним модулятором, а структурно интегрированным компонентом ресурсной иерархии, без которого ее функционирование утрачивает устойчивость.

*Измеряемые индикаторы:* воспринимаемая поддержка, принадлежность к сообществу, доступность супервизии, коллегиальное смыслообразование.

*Диагностика:* опросник воспринимаемой социальной поддержки в адаптации А.Б. Холмогоровой; PROQOL.

### **Критический анализ классических теорий стресса и совладания**

#### ***Транзакционная модель Р. Лазаруса и С. Фолкман: проблема контроля и оценки***

Согласно транзакционной модели, стресс возникает при оценке ситуации как превышающей ресурсы индивида и угрожающей его благополучию (Lazarus, Folkman, 1984). Однако в условиях войны процесс когнитивной оценки может протекать автоматизированно, под влиянием аффективной реакции «угрозы», минуя этап рефлексивного анализа (Тарабрина, 2009).

Макросреда вооруженного конфликта оценивается как неконтролируемая, что, согласно модели,

должно детерминировать выбор эмоционально-ориентированных копинг-стратегий (Folkman, 1984). Тем не менее эмпирические исследования помогающих специалистов [Тарабрина, 2009], включая военных психологов, свидетельствуют о более комплексной картине. Специалисты демонстрируют гибридные модели совладания: наряду с общей оценкой среды как неконтролируемой, они активно применяют проблемно-ориентированные стратегии для решения конкретных профессиональных задач (Абабков, Перре, 2004; James, Gilliland, 2017).

Параллельно используются смыслоориентированные стратегии — поиск эмоциональной поддержки, переоценка, юмор, опора на ценности и профессиональную миссию (Shrira et al., 2011). Данная модель характерна и для военных психологов (Леонтьев, 2012).

Выявленное противоречие свидетельствует о недостаточности бинарной оппозиции «проблемно-ориентированный/эмоционально-ориентированный копинг» для описания экстремального контекста. Критика дихотомической таксономии не является новацией: в поздних работах Р. Лазарус осуществил переход к метатеоретической концепции эмоций и адаптации, где бинарная классификация рассматривается как частный случай, а копинг инкорпорируется в контекст смыслообразования.

Для преодоления ограничений модели предлагается введение многоуровневой когнитивной оценки: макроуровень (оценка среды как неконтролируемой) и микроуровень (оценка конкретной профессиональной задачи как контролируемой) (McCann, Pearlman, 1990). Эта перспектива развивается в работах Cheng C. (Cheng et al., 2014) и в отечественных исследованиях копинга как компонента саморегуляции [Баева И.А., Семикин, 2013], где эффективность определяется соответствием стратегии контексту (Тарабрина, 2009).

В экстремальных условиях фокус копинга смещается с разрешения стрессовой ситуации на поддержание профессионального функционирования и сохранение базовой дееспособности (Figley, 1995). Эффективные паттерны представляют собой гибридные формы (Абабков, Перре, 2004; Lazarus, Folkman, 1984).

#### ***Альтернативная точка зрения: адаптивный ригидный копинг***

В контексте критического анализа конструкта адаптивной гибкости необходимо обратиться к альтернативной позиции G. A. Bonanno и C. L. Burton (2013), согласно которой копинг-гибкость не является универсальным предиктором благоприят-

ных исходов совладания в условиях экстремально высокой травматизации (Bonanno, Burton, 2013).

В контексте сверхэкстремальных условий, характеризующихся непосредственной угрозой жизни и критическим дефицитом времени на когнитивную переработку, адаптивный копинг может демонстрировать более высокую эффективность по сравнению с гибкими стратегиями.

Гибкость, напротив, требует значительных когнитивных затрат и временных ресурсов, необходимых для осуществления повторной оценки ситуации и оперативного переключения между стратегиями, что в критических условиях часто оказывается недоступным.

Предлагаемая интегративная модель позволяет снять обозначенное противоречие посредством ситуативной дифференциации условий применения гибкого и ригидного копинга. Адаптивная гибкость в рамках модели трактуется не как перманентная личностная черта, а как ситуативно активируемая метакомпетенция, мобилизуемая в зависимости от параметров стрессовой ситуации и актуального ресурсного состояния специалиста.

В острой фазе кризиса, характеризующейся высоким уровнем неопределенности и непосредственной угрозой, модель постулирует правомерность и адаптивность временной ригидизации копинг-поведения, рассматривая ее в качестве защитного механизма, направленного на сохранение психофизиологической дееспособности и предотвращение когнитивной перегрузки.

### **Экстремальный контекст ресурсных моделей и структурная классификация личностных ресурсов в условиях военного конфликта**

#### ***Теория сохранения ресурсов (COR) и ее ограничения в условиях военного конфликта***

Ресурсный подход С. Хобфолла (COR-теория) (Folkman, 1984), интерпретирующий стресс как следствие реальной или ожидаемой потери значимых ресурсов, формирует методологически релевантную рамку для анализа профессионального функционирования психолога в условиях вооруженного конфликта.

Война является средой, провоцирующей масштабную и непрерывную утечку ключевых ресурсов: энергетических (физическая усталость, эмоциональное истощение), социальных (разрушение привычных связей), личностных (подрыв базовых убеждений в справедливости и безопасности мира) (Тарабрина, 2009, с. 84). В эмпирических исследованиях это находит отражение в высоких показателях эмоционального выгора-

ния, вторичного травматического стресса и профессиональной деформации у гуманитарных работников и специалистов помогающих профессий в зонах кризисов (Тарабрина, 2009).

Базовая для COR-модели логика циклического «инвестирования ресурсов для их приумножения» в ситуации перманентной угрозы и неконтролируемости подвергается сомнению. Высокие затраты и отсутствие гарантированной отдачи создают риск формирования «ресурсных ловушек». Активные попытки совладания приводят к безвозвратной потере энергии и мотивации без компенсаторного приобретения, усугубляя динамику истощения (Lazarus, Folkman, 1984). Это смещает фокус на ресурсосбережение и динамическую реконфигурацию иерархии.

В экстремальном контексте можно предположить приоритетную защиту ресурсов базового уровня, обеспечивающих психофизиологическое выживание и минимальную дееспособность (потребности в безопасности, сне, отдыхе), а также ключевых смысловых опор (профессиональная миссия, экзистенциальные убеждения), выступающих последним буфером против экзистенциального отчаяния и полной утраты идентичности (Леонтьев, 2012). Таким образом, ситуация военного конфликта выступает как критический «стресс-тест» для ресурсных моделей, выявляющий необходимость их интеграции со структурными классификациями личностных ресурсов (например, модель Д. А. Леонтьева) для адекватного описания адаптационных процессов и формирования мишеней психологической поддержки специалистов.

### ***Системная классификация ресурсов Д. А. Леонтьева и ее динамическая интерпретация***

В отечественной психологической науке значимой для теоретического анализа представляется системная классификация ресурсов, предложенная Д. А. Леонтьевым. Согласно данной модели, ресурсы личности структурированы на три взаимосвязанных уровня: физиологические (базовые биологические возможности организма), психологические и социальные (Леонтьев, 2012). Психологический уровень включает ресурсы устойчивости, саморегуляции, мотивационно-смысловые (ценности, цели, личностные смыслы) и инструментальные (навыки, компетенции, стратегии совладания). В условиях относительно стабильной среды взаимодействие между этими уровнями характеризуется динамическим равновесием и сложившейся иерархией.

Однако экстремальный и пролонгированный стресс, характерный для военных конфликтов, существенно трансформирует данную систему.

Как показывают эмпирические исследования хронического стресса и теоретические работы, посвященные экзистенциальным аспектам выживания в условиях глубоких кризисов, в ситуации тотальной неопределенности и прямой угрозы жизни происходит структурно-функциональная перестройка всей ресурсной системы.

Мотивационно-смысловой блок ресурсов приобретает доминирующее значение, выступая в роли центрального ресурса, что находит эмпирическое подтверждение в работах С.Л. Парк и М.Ф. СTEGER (Park, 2010; Steger, 2012). Именно процессы смыслообразования и переживания осмысленности жизни выступают ключевыми медиаторами между травматическим воздействием и психологическим благополучием, определяя траекторию либо посттравматического роста, либо хронической дезадаптации.

Мотивационно-смысловой уровень выполняет организующую и мобилизующую функцию, обеспечивая:

- 1) интерпретацию и интеграцию травматического опыта в смысловую картину мира;
- 2) поддержание внутренней опоры и психологической целостности личности;
- 3) генерацию и сохранение направленности усилий даже в условиях объективного дефицита инструментальных возможностей и ощущения бессилия (Леонтьев, 2012).

В экстремальных условиях именно смысловой уровень задает «логику» функционирования и мобилизации всех остальных ресурсов — от социальной поддержки до психофизиологических резервов. Адаптационный потенциал личности в кризисных ситуациях, таким образом, определяется пластичностью и ситуативной переконфигурацией всей многоуровневой ресурсной системы.

Проведенный анализ показывает, что экстремальный контекст военного конфликта выступает критическим испытанием для классических ресурсных моделей. COR-теория демонстрирует свои пределы: логика инвестирования ресурсов замещается приоритетом их протекции и сбережения, а риск «ресурсных ловушек» становится ключевым. Структурно-уровневая модель Д. А. Леонтьева получает динамическую интерпретацию: экстремальный стресс не просто истощает ресурсы, но и кардинально меняет их иерархию и взаимодействие.

### ***Концептуальный разрыв: от COR-парадигмы к интерсубъективной модели ресурсной интеграции***

Принципиальная новизна разрабатываемой интегративной модели становится наиболее отчетливой при ее сопоставлении с существующими

ресурсными концепциями коллективного стресса, прежде всего — с теорией коллективного совладания С. Хобфолла и его последователей (Halbesleben et al., 2014; Hobfoll, 1989). Между предлагаемым подходом и классической COR-парадигмой есть концептуальное расхождение. Оно носит не количественный, а качественный характер.

Во-первых, в модели Хобфолла социальные ресурсы понимаются в основном как индивидуальные. Они опосредованы социальным контекстом. Иными словами, это то, чем человек обладает благодаря своей включенности в социальные сети: поддержка, статус, принадлежность к группе. В предлагаемой модели социальные ресурсы рассматриваются иначе. Они представляют собой внешний, но при этом структурно встроенный компонент ресурсной иерархии. Без него ее функционирование в экстремальных условиях принципиально невозможно.

Во-вторых, COR-теория даже в расширенных версиях понимает коллективное совладание как сумму или координацию индивидуальных копинг-стратегий. Все они направлены на достижение общей цели. Группа здесь — это просто совокупность индивидов, которые совместно решают проблему.

Предлагаемая модель исходит из иной онтологии. В экстремальных условиях профессиональное сообщество выступает не как объединенный субъект деятельности, а как распределенный субъект сознания и регуляции. Коллектив не просто помогает человеку справляться со стрессом. Он становится внешним контуром его саморегуляции. Он берет на себя ту смысловую вертикаль, которую индивид утрачивает. Это иной уровень интеграции: переход от координации действий к совместному построению ресурсной системы.

В-третьих, наиболее существенное различие касается роли смысловых ресурсов. В COR-парадигме смысловые конструкты (ценности, убеждения, цели) рассматриваются как одна из категорий ресурсов наряду с другими (объектными, личностными, энергетическими). Они подчиняются общей логике инвестирования, потерь и приобретений.

В предлагаемой модели мотивационно-смысловой уровень занимает иное, иерархически доминирующее положение. Он выступает не «одним из» ресурсов, а «вертикальной осью устойчивости», которая организует функционирование всех остальных уровней.

Более того, в модели подчеркивается: способность социальной среды поддерживать и порождать смысловые конструкты в тот момент, когда человек их утрачивает, — это ключевой фактор, разделяющий траектории истощения и посттрав-

матического роста. COR-теория фиксирует сам факт потери смысловых ресурсов, но не предлагает механизмов их воспроизводства через взаимодействие с другими людьми. В предлагаемой модели этот механизм становится центральным.

Таким образом, COR-парадигма описывает количественную динамику ресурсных потерь и приобретений в социальном контексте. Предлагаемая же модель показывает качественную трансформацию самой архитектуры ресурсной системы. Эта трансформация возникает в экстремальных условиях и реализуется через механизмы смыслообразования и регуляции, которые работают во взаимодействии людей.

### К интегративной модели: динамическая иерархия ресурсов и адаптивная гибкость копинга

Результатом теоретического синтеза, проведенного в предыдущих разделах, выступает интегративная модель профессиональной адаптации психолога в условиях вооруженного конфликта (рис. 1). Она включает четыре взаимосвязанных блока: экстремальный контекст, динамическую иерархию личностных ресурсов, адаптивную гибкость копинг-поведения, а также социальные ресурсы как систему внешней стабилизации. Кроме того, модель описывает три возможные траектории профессиональной адаптации.

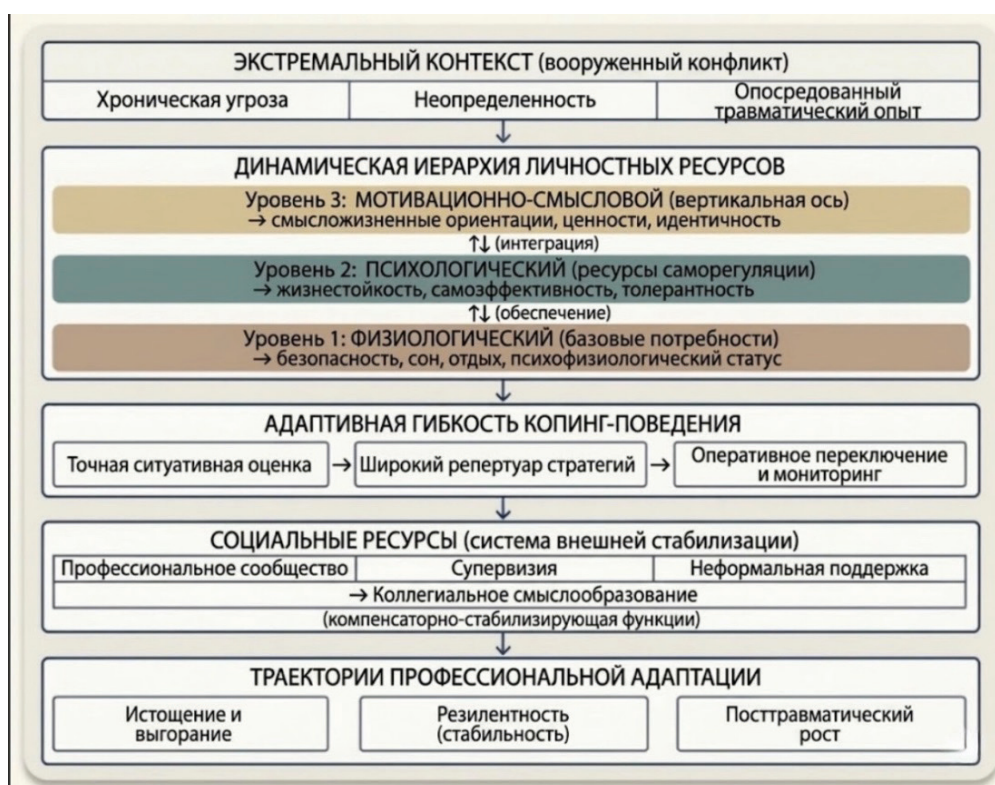


Рис. 1. Интегративная модель профессиональной адаптации психолога в условиях вооруженного конфликта

#### *Адаптивная гибкость копинг-стратегий как центральный фактор эффективности в экстремальном контексте*

Анализ профессионального функционирования в условиях вооруженного конфликта требует пересмотра традиционных дихотомических подходов к оценке копинг-стратегий, которые часто делят их на «эффективные» и «неэффективные» без учета специфики контекста (Абабков, Перре, 2004). В среде, характеризующейся хронической неопределенностью, непредсказуемостью и высокой личной угрозой, ключевым предиктором психологической устойчивости и сохранения дееспособности становится не тип используе-

мой стратегии, а адаптивная гибкость копинг-стратегий (Cheng et al., 2014).

Данная концепция смещает фокус с содержания стратегий на ключевые когнитивные и регуляторные процессы, лежащие в основе их выбора и применения. Эффективность совладания определяется не столько самими поведенческими или когнитивными паттернами, сколько способностью индивида к их динамической, ситуативно-адекватной мобилизации. Эта способность раскрывается через три взаимосвязанных компонента:

1. Точность ситуативной когнитивной оценки. Это базовая способность к реалистичному и диф-

ференцированному анализу конкретной ситуации, выделению в ней аспектов, поддающихся контролю, и аспектов, требующих принятия (Lazarus, Folkman, 1984).

В условиях военного конфликта, где глобальная ситуация неподконтрольна, критическое значение приобретает умение идентифицировать «локусы контролируемости» в рамках профессиональной задачи (Folkman, 1984). Ошибка оценки, выражающаяся либо в иллюзорном гиперконтроле, либо в тотальной капитуляции, ведет к выбору заведомо неадекватных стратегий (Рассказова и др., 2013).

2. Широта и специфичность набора копинг-стратегий. Адаптивная гибкость предполагает наличие у индивида широкого набора стратегий, выходящего за рамки классических категорий «проблемно-ориентированного» и «эмоционально-ориентированного» копинга (Франкл, 1990). В экстремальном профессиональном контексте репертуар должен включать специализированные формы совладания, такие как:

Сосредоточение на профессиональной миссии: сужение фокуса внимания на ближайшей выполнимой задаче как способ сохранения смысла и структуры деятельности (Леонтьев, 2012).

Контекстуализированный юмор и ирония: использование юмора не как отрицание, а как форма когнитивного и эмоционального дистанцирования от травматических переживаний, позволяющее снизить психофизиологическое напряжение (Lazarus, Folkman, 1984).

Ритуализация профессиональных действий: следование строгому алгоритму, что создает ощущение предсказуемости и контроля в хаотичной среде (James, Gilliland, 2017).

Осознанное управление вовлеченностью: способность к стратегическому отключению от рабочих ситуаций в периоды отдыха для предотвращения вторичной травматизации и выгорания (Figley, 1995).

3. Компетентность в оперативном переключении и мониторинге эффективности: это наиболее сложный компонент, представляющий собой динамический процесс (Бондаревский, 2019; Cheng et al., 2014). Он включает способность отслеживать результаты применения стратегии, оценивать изменения в ситуации и собственном ресурсном состоянии и на этой основе оперативно переключаться между разными формами поведения (Halbesleben et al., 2014).

Например, после интенсивного эпизода оказания помощи с использованием проблемно-ориентированных стратегий специалист может сознательно переключиться на эмоционально-ориентированные техники (глубокое дыхание, техники заземления) для быстрого восстановления, а затем — на стратегию «сосредоточения на миссии» для продолжения работы.

Ригидное, инерционное следование одной, даже изначально эффективной, стратегии в быстро меняющейся среде конфликта становится ключевым фактором дезадаптации и профессионального истощения (Абабков, Перре, 2004).

Таким образом, концепция адаптивной гибкости позволяет рассматривать копинг-стратегии психолога в зоне военного конфликта не как статичный набор техник, а как высокодинамичный навык саморегуляции и ситуативного управления.

#### *Динамическая модель иерархии ресурсов в экстремальном контексте*

Анализ адаптации специалиста в условиях военного конфликта требует отказа от статичных представлений о структуре личностных ресурсов в пользу динамической процессуальной модели. В рамках данной модели система ресурсов рассматривается как иерархически организованная, но принципиально пластичная конфигурация, чья архитектура напрямую зависит от фазы стрессового воздействия, уровня внешней угрозы и доступности социальной поддержки (Абабков, Перре, 2004). Динамический характер иерархии проявляется в закономерной смене доминирующих уровней ресурсов по мере развития и разрешения кризисной ситуации.

В острой фазе кризиса, характеризующейся непосредственной угрозой жизни и базовой безопасностью, на первый план с неизбежностью выходят ресурсы низшего, физиологического и психофизиологического уровня. Доминирующими становятся потребности в физической безопасности, сне, базовом отдыхе и соматическом благополучии. В этот период когнитивные и регуляторные возможности сужаются, а эффективность профессиональной деятельности напрямую зависит от возможности удовлетворить эти базовые потребности (Lazarus, Folkman, 1984). Эмпирически это выражается в резком снижении сложности задач, на которых может сосредотачиваться специалист, и в приоритете стратегий, направленных на немедленное снижение дистресса (рис. 2).

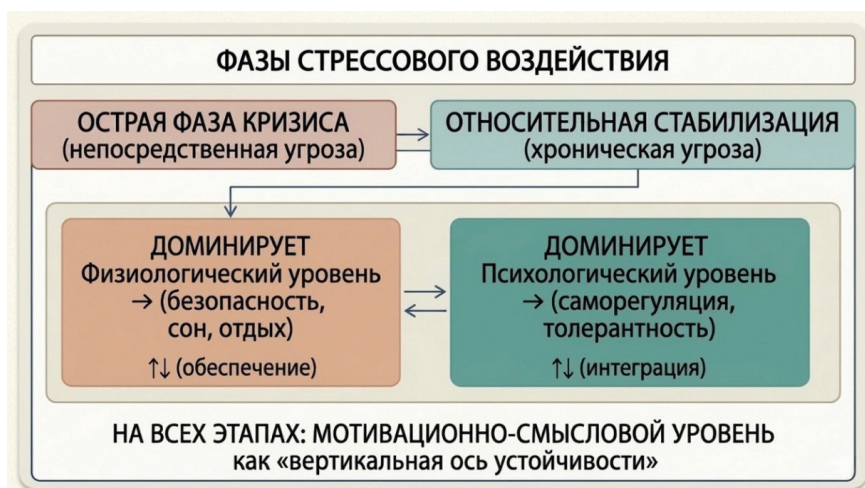


Рис. 2. Динамическая смена доминирующих уровней ресурсов в зависимости от фазы стрессового воздействия

По мере относительной стабилизации обстановки (даже в условиях сохраняющейся хронической угрозы) ключевая роль переходит к ресурсам психологического уровня, прежде всего к ресурсам саморегуляции и когнитивного контроля. Способность управлять вниманием, эмоциональными реакциями, импульсивностью становится центральным фактором сохранения профессиональной дееспособности (Франкл, 1990). На этом этапе активируются сложные копинг-стратегии, требующие планирования и гибкого переключения между задачами. Однако, согласно выдвигаемой теоретической модели, именно мотивационно-смысловые ресурсы выполняют буферно-стабилизирующую и интегративную функцию на всех этапах кризиса.

Мотивационно-смысловой уровень (система ценностей, профессиональная идентичность, личностные смыслы деятельности) выступает в роли «вертикальной оси устойчивости» или интегрального ресурса (Shrira et al., 2011). Его функции заключаются в следующем:

Смысловая интеграция травматического опыта: наделение персональным смыслом переносимых страданий и профессиональных затрат, что трансформирует их из бессмысленных потерь в осмысленную часть профессионального и жизненного пути. Как отмечает С.Л. Park (Park, 2010), именно успешное «встраивание» травматического события в существующие глобальные смысловые системы (убеждения, цели, ценности) является центральным предиктором благополучной посттравматической адаптации, тогда как рассогласование между пережитым и смысловыми ориентирами порождает хронический дистресс.

Обеспечение связности иерархии: смысловые конструкты «пронизывают» все уровни системы, связывая базовые действия (оказание помощи в бомбоубежище) с высшими экзистенциальными ценностями (служение, долг, альтруизм), тем са-

мым предотвращая фрагментацию опыта и распад профессиональной идентичности (Леонтьев, 2012).

Защита от экзистенциального отчаяния: устойчивая смысловая система служит главным буфером против чувства абсурдности происходящего и тотальной беспомощности, которые являются ключевыми факторами развития синдрома выгорания и вторичной травматизации (Figley, 1995).

Предлагаемая динамическая модель представляет основу для парадоксального феномена, наблюдаемого в экстремальных условиях: при объективно схожей стрессовой нагрузке одни специалисты демонстрируют признаки прогрессирующего истощения и профессиональной деформации, в то время как другие обнаруживают признаки посттравматического роста — пересмотра жизненных приоритетов, усиления чувства личностной силы и углубления межличностных отношений (Tedeschi, Calhoun, 2004).

Ключевым дифференцирующим фактором, согласно модели, является не исходный объем ресурсов, а пластичность иерархии и устойчивость ее смысловой оси. Способность системы к динамической перестройке, где мотивационно-смысловые ресурсы сохраняют свою интегрирующую функцию даже в условиях острого дефицита на нижележащих уровнях, выступает основным предиктором не только выживания, но и личностной трансформации в процессе профессионального преодоления экстремального стресса (Shahar et al., 2009).

**Специфика профессиональной позиции психолога в экстремальных условиях: дифференциация от смежных помогающих профессий**

Для понимания механизмов профессиональной адаптации необходимо эксплицитировать отличие профессиональной позиции психолога от позиций

врача и социального работника в условиях вооруженного конфликта, поскольку каждый из этих типов специалистов сталкивается с различными стресс-факторами и задействует разные ресурсные системы совладания.

Врач оперирует преимущественно соматическим уровнем: его деятельность регламентирована протоколами и алгоритмами. Основной риск для врача — профессиональное выгорание, обусловленное хронической перегрузкой и высокой ответственностью за физическое выживание пациента.

Социальный работник решает конкретные социально-бытовые проблемы пострадавшего. Его деятельность носит инструментальный, процедурный характер. Ключевой стресс-фактор — столкновение с системной несправедливостью и дефицитом ресурсов, что порождает моральные дилеммы.

Профессиональная позиция психолога принципиально отлична. Его основной «материал» — субъективная реальность клиента: переживания, смыслы, травматический опыт. Психолог вынужден входить в глубокий эмпатический контакт с чужим страданием, не имея внешней алгоритмической опоры. Его главный инструмент — собственная личность — одновременно является и основной мишенью травматизации, что детерминирует максимальную уязвимость психолога к вторичной травматизации.

Ключевое отличие: врач опирается на протокол, у психолога тоже есть профессиональные стандарты и этические принципы, но они не защищают от эмпатического заражения так, как медицинский протокол защищает врача от эмоционального вовлечения. Социальный работник — на институциональную процедуру, психолог же остается один на один с субъективной реальностью клиента. Его единственной защитой выступают собственная смысловая система, рефлексивная культура и интересующая поддержка профессионального сообщества. Именно поэтому в предлагаемой модели мотивационно-смысловой уровень и система внешней стабилизации приобретают критическое значение для психолога.

### ***Социальные ресурсы как системообразующий элемент интегративной модели профессиональной адаптации***

Проведенный анализ литературы позволяет рассматривать социальные ресурсы не как внешний, дополнительный фактор благополучия, а как обязательный структурный компонент динамической ресурсной иерархии. Без него ее функционирование в экстремальном контексте теряет устойчивость.

Если в условиях относительной стабильности социальная поддержка традиционно понимается как один из факторов, влияющих на процесс совладания со стрессом (James, Gilliland, 2017), то в условиях вооруженного конфликта ее статус меняется. Из периферийного регулятора она превращается в критическую систему внешней стабилизации. Она обеспечивает жизнеспособность всей ресурсной иерархии (Абабков, Перре, 2004).

Эта трансформация связана с тем, что дефициты на разных уровнях дополняют друг друга. Когда внутренние ресурсы на любом уровне иерархии истощаются, социальные ресурсы начинают временно замещать ослабленные или истощенные звенья индивидуальной системы.

Интегративная модель выделяет три уровня реализации системообразующей функции социальных ресурсов. Они соответствуют трем уровням динамической иерархии: физиологическому, психологическому и мотивационно-смысловому.

На физиологическом уровне социальные ресурсы выступают внешним стабилизатором базовых жизненных потребностей. В острой фазе кризиса, когда человек уже не может сам организовать свою жизнь и безопасность, именно коллективные формы поддержки играют решающую роль. Четкое распределение дежурств, взаимопомощь, совместный контроль за сном и питанием — всё это предотвращает необратимое истощение психофизиологических основ профессиональной деятельности. В высокофункциональных коллективах в зонах боевых действий удовлетворение базовых потребностей становится делом всего коллектива, а не только отдельного человека (Halbesleben et al., 2014).

На психологическом уровне социальные ресурсы выполняют функцию внешнего контура саморегуляции. Способность точно оценивать ситуацию и гибко переключаться между разными копинг-стратегиями — это индивидуальный навык. Но в экстремальных условиях он поддерживается через взаимодействие с другими. Совместный анализ профессиональных ситуаций, обратная связь от коллег, наблюдение за успешными моделями поведения — всё это помогает человеку справляться лучше.

Профессиональное сообщество становится общим когнитивным центром. Оно накапливает и передает эффективные модели адаптивного поведения. Благодаря этому у каждого отдельного специалиста расширяется набор стратегий и повышается точность оценки ситуации (Cheng et al., 2014).

На мотивационно-смысловом уровне социальные ресурсы становятся внешним носителем и источником смыслов. Этот механизм наиболее

важен для предлагаемой модели, потому что именно смысловой уровень является «вертикальной осью устойчивости» всей ресурсной иерархии.

В ситуации экзистенциального кризиса, когда постоянная угроза и травматический опыт разрушают индивидуальные смысловые опоры, профессиональное сообщество берет на себя функцию коллективного смыслообразования. Оно решает три критически важные задачи:

– Признание и нормализация травматического опыта. Когда специалист в своей индивидуальной рефлексии воспринимает свои переживания как признак профессиональной несостоятельности, коллеги помогают увидеть их иначе. Совместное обсуждение позволяет переопределить эти переживания как нормальную реакцию на экстраординарные обстоятельства. Такая трансформация смыслов напрямую блокирует развитие чувства вины, стыда и экзистенциального отчаяния (Figley, 1995).

– Коллективное подтверждение профессиональной идентичности. В условиях, когда привычные критерии эффективности перестают работать (нельзя «исправить» травму или «отменить» потерю), именно признание со стороны значимой группы профессионалов становится главным источником уверенности в своей компетентности и ценности. Профессиональное сообщество выступает как зеркало, в котором специалист снова видит подтверждение своей идентичности и миссии.

– Трансляция и укрепление ценностно-смысловых оснований деятельности. Совместное осмысление экстремального опыта, помещение конкретных, порой рутинных профессиональных действий в более широкий ценностный контекст (служение, долг, альтруизм, сохранение человеческого достоинства) позволяет удерживать смысловую вертикаль. Это особенно важно, когда непосредственные результаты усилий неочевидны, отсрочены или кажутся ничтожными (Steger, 2012).

Включение социальных ресурсов в ядро динамической модели помогает объяснить одну важную эмпирическую аномалию. В рамках классических ресурсных подходов она не находит удовлетворительного объяснения.

Речь идет о следующем. При одинаковом уровне стрессовой нагрузки и примерно равном исходном объеме личностных ресурсов одни специалисты постепенно истощаются и деформируются профессионально. Другие же, наоборот, обнаруживают признаки посттравматического роста: они пересматривают жизненные приоритеты, чувствуют себя сильнее, углубляют отношения с людьми (Tedeschi, Calhoun, 2004).

Согласно предлагаемой модели, ключевой фактор здесь — качество социальной среды. А именно: наличие или отсутствие развитой системы профессиональной поддержки и коммуникации, способной выполнять описанные выше системообразующие функции.

Именно доступ к коллективным ресурсам смыслообразования и регуляции позволяет специалисту не только избежать истощения, но и превратить экстремальный опыт в источник личностного развития.

Таким образом, социальные ресурсы становятся ключевым фактором, определяющим направление адаптационного процесса. Вектор профессиональной динамики может быть разным: от дезадаптации и деформации — к психологической устойчивости и посттравматическому росту.

Итак, в рамках предлагаемой интегративной модели социальные ресурсы получают статус полноценного структурного элемента динамической ресурсной иерархии. Они перестают быть просто внешним условием. Их системообразующая роль раскрывается через три функции:

Компенсаторно-стабилизирующая функция — внешнее восполнение дефицита внутренних ресурсов на физиологическом и регуляторном уровнях.

Смыслообразующая функция — поддержание, порождение и подтверждение мотивационно-смысловых конструктов, которые образуют «вертикальную ось устойчивости».

Модерирующая функция — определение направления адаптационной траектории (истощение/стагнация/посттравматический рост).

Такое понимание позволяет преодолеть традиционное противопоставление «индивидуальное — социальное». Адаптационный потенциал специалиста в экстремальных условиях предстает как неразрывное единство внутренних (личностных) и внешних (социальных) ресурсов. Они функционально объединены в общую систему профессиональной устойчивости.

Развитая система социальной поддержки и профессиональной коммуникации перестает быть желательным, но необязательным дополнением. Она становится критически необходимым условием для сохранения профессиональной дееспособности и психологического благополучия специалистов в зоне вооруженного конфликта.

#### **Эмпирически проверяемые гипотезы, вытекающие из модели**

На основе предложенной интегративной модели могут быть сформулированы следующие эмпирически верифицируемые гипотезы:

*Гипотеза 1.* Адаптивная гибкость положительно коррелирует с посттравматическим ростом и отрицательно — с выгоранием и вторичным травматическим стрессом.

*Гипотеза 2.* Выраженность социальных ресурсов (как системы внешней стабилизации) будет выступать модератором между хронической угрозой и уровнем профессиональной дееспособности. При высоком уровне воспринимаемой социальной поддержки негативное влияние хронической угрозы на дееспособность будет значимо ниже, чем при низком уровне поддержки.

*Гипотеза 3.* Мотивационно-смысловые ресурсы (смысложизненные ориентации, профессиональная идентичность, осмысленность жизни) будут выступать медиаторами связи между травматическим опытом и траекторией адаптации: высокие показатели смысловых ресурсов будут предсказывать посттравматический рост, тогда как их дефицит — хроническое истощение.

*Гипотеза 4.* Иерархия личностных ресурсов является динамической: в острой фазе кризиса будет наблюдаться доминирование физиологического уровня (приоритет потребностей безопасности, сна, отдыха), тогда как в фазе относительной стабилизации на первый план выйдут ресурсы психологического уровня (саморегуляция, толерантность к неопределенности).

*Гипотеза 5.* Ригидный копинг будет ассоциироваться с более благоприятными адаптивными исходами в сверхэкстремальных ситуациях (непосредственная угроза жизни, дефицит времени на когнитивную переработку), но с худшими — в ситуациях хронического, пролонгированного стресса, где более эффективным окажется гибкий копинг.

### Заключение

Проведенный теоретико-методологический анализ позволил преодолеть противоречие между классическими теориями стресса и необходимостью объяснения специфики профессиональной адаптации в экстремальном контексте вооруженного конфликта.

Было установлено, что прямое применение транзакционной модели Р. Лазаруса и С. Фолкман, а также теории сохранения ресурсов (COR) С. Хобфолла в условиях тотальной неопределенности и перманентной угрозы сопряжено с существенными методологическими ограничениями.

Критический анализ выявил, что данные подходы требуют контекстуальной модификации и интеграции с отечественными структурными моделями, в частности с системной классификацией личностных ресурсов Д.А. Леонтьева.

Основным результатом работы является разработка интегративной теоретической модели профессиональной адаптации, центральными конструктами которой выступают:

Динамическая иерархия личностных ресурсов, которая рассматривает систему ресурсов не как статичную, а как принципиально пластичную конфигурацию. В модели постулируется фазовый характер адаптации, где в острой кризисной ситуации доминируют физиологические ресурсы и потребности безопасности, а по мере относительной стабилизации ключевую роль приобретают ресурсы саморегуляции и когнитивного контроля.

Особое место в иерархии занимают мотивационно-смысловые ресурсы, выполняющие функцию «вертикальной оси устойчивости» — они обеспечивают смысловую интеграцию травматического опыта, связность всех уровней системы и защиту от экзистенциального отчаяния.

Адаптивная гибкость копинг-поведения, которая переопределяет критерии его эффективности в экстремальных условиях. Эффективность совладания связывается не с типом стратегии, а с интегральной способностью личности к точной ситуативной оценке, использованию широкого стратегического арсенала и оперативному переключению между паттернами поведения в зависимости от изменений контекста и состояния ресурсов.

В отличие от классических ресурсных моделей, сохраняющих методологический индивидуализм и трактующих социальный контекст как внешний модулятор ресурсных процессов, предложенная интегративная модель преодолевает дихотомию индивидуального и социального, представляя адаптационный потенциал специалиста как нередуцируемое единство внутренних (личностных) и внешних (коллективных) ресурсов, функционально интегрированных в общую систему профессиональной устойчивости.

Тем самым модель не дополняет, а существенно перестраивает концептуальный базис анализа профессионального стресса в экстремальных условиях, смещая фокус с предикции ресурсных потерь на анализ условий возможности интересного воспроизводства ресурсной системы.

Предложенная модель имеет выраженную практическую значимость, так как смещает фокус психологической подготовки и сопровождения специалистов с формирования изолированных навыков на развитие интегральной компетенции: способности к динамической реконфигурации собственного ресурсного потенциала и ситуативному управлению копинг-стратегиями.

Вместе с тем разработанная модель имеет определенные границы применимости. Во-первых, она ориентирована прежде всего на специалистов помогающих профессий, работающих в условиях непосредственного контакта с травматическим опытом клиентов, и не может быть без дополнительной адаптации экстраполирована на иные профессиональные группы. Во-вторых, эмпирическая верификация ряда конструкторов модели (например, пластичности иерархии ресурсов) предполагает использование качественных методов, что накладывает ограничения на ее полную операционали-

зацию в рамках исключительно количественных опросников.

Перспективы дальнейших исследований представляются в эмпирической верификации модели, разработке на ее основе диагностического инструментария для оценки адаптивной гибкости и пластичности ресурсной системы, а также в проектировании средовых и психолого-педагогических интервенций, направленных на целенаправленное укрепление смысловой оси устойчивости и развитие поддерживающего профессионального сообщества.

### Литература:

- Аббатов В. А., Перре М. Адаптация к стрессу. СПб.: Речь, 2004.
- Баева И. А., Семикин Г. И. Психологическая безопасность и совладающее поведение в профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов // Национальный психологический журнал. 2013. № 1(9). С. 54–62.
- Бондаревский Г. В. Метакогнитивные процессы в структуре совладающего поведения // Экспериментальная психология. 2019. Т. 12. № 3. С. 124–137.
- Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е изд., испр. и доп. М.: Смысл, 2012.
- Расказова Е. И., Гордеева Т. О., Осин Е. Н. Копинг-стратегии в структуре деятельности и саморегуляции: психометрические характеристики и возможности применения методики COPE // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 1. С. 82–118.
- Тарабрина Н. В. Практикум по психологии посттравматического стресса. СПб.: Питер, 2009.
- Франкл В. Человек в поисках смысла: пер. с англ. и нем. М.: Прогресс, 1990.
- Vonanno G. A., Burton C. L. Regulatory flexibility: An individual differences perspective on coping and emotion regulation // Perspectives on Psychological Science. 2013. Vol. 8(6). P. 591–612.
- Cheng C., Lau H. P., Chan M. P. Coping flexibility and psychological adjustment to stressful life changes: A meta-analytic review // Psychological Bulletin. 2014. Vol. 140(6). P. 1582–1607. DOI: 10.1037/a0037173.
- Figley C. R. Compassion fatigue: Coping with secondary traumatic stress disorder in those who treat the traumatized. New York: Brunner/Mazel, 1995.
- Folkman S. Personal control and stress and coping processes: A theoretical analysis // Journal of Personality and Social Psychology. 1984. Vol. 46(4). P. 839–852.
- Halbesleben J. R., Neveu J. P., Paustian-Underdahl S. C., Westman M. Getting to the “COR”: Understanding the role of resources in conservation of resources theory // Journal of Management. 2014. Vol. 40(5). P. 1334–1364. DOI: 10.1177/0149206314527130.
- Hobfoll S. E. Conservation of resources: A new attempt at conceptualizing stress // American Psychologist. 1989. Vol. 44(3). P. 513–524.
- James R. K., Gilliland B. E. Crisis intervention strategies. 8th ed. Boston: Cengage Learning, 2017.
- Lazarus R. S., Folkman S. Stress, appraisal, and coping. New York: Springer Publishing Company, 1984.
- Maddi S. R. Hardiness: The courage to grow from stresses // The Journal of Positive Psychology. 2006. Vol. 1(3). P. 160–168.
- McCann I. L., Pearlman L. A. Vicarious traumatization: A framework for understanding the psychological effects of working with victims // Journal of Traumatic Stress. 1990. Vol. 3(1). P. 131–149.
- Park C. L., Folkman S. Meaning in the context of stress and coping // Review of General Psychology. 1997. Vol. 1(2). P. 115–144.
- Park C. L. Making sense of the meaning literature: An integrative review of meaning making and its effects on adjustment to stressful life events // Psychological Bulletin. 2010. Vol. 136(2). P. 257–301. DOI: 10.1037/a0018301.
- Steger M. F. Making meaning in life // Psychological Inquiry. 2012. Vol. 23(4). P. 381–385. DOI: 10.1080/1047840X.2012.720832.
- Shahar G., Cohen G., Grogan K. E., Barile J. P., Henrich C. C. Tel-Aviv-Heidelberg London (TAHL) inventory of coping with war-related stress: Hebrew and English versions // Journal of Traumatic Stress. 2009. Vol. 22(6). P. 583–586. DOI: 10.1002/jts.20471.

- Shrira A., Palgi Y., Wolf J.J., Haber Y., Ben-Ezra M.* The effect of peritraumatic dissociation and posttraumatic stress disorder on world assumptions: A longitudinal study of Israeli nurses // *Archives of Psychiatric Nursing*. 2011. Vol. 25(1). P. 57–64. DOI: 10.1016/j.apnu.2010.06.002.
- Tedeschi R. G., Calhoun L. G.* Posttraumatic growth: Conceptual foundations and empirical evidence // *Psychological Inquiry*. 2004. Vol. 15(1). P. 1–18.

## THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS FOR RESEARCHING COPING-STRATEGIES AND PERSONAL RESOURCES OF PSYCHOLOGISTS IN CONDITIONS OF ARMED CONFLICT

© Alina A. Voloshina

Postgraduate student of the Department of General Psychology,  
Donetsk State University, Donetsk, Russia  
artyukh98@inbox.ru; ORCID: 0009-0005-0678-1332

This work was carried out within the framework of a state assignment (project № FRRE-2026–0029 “The Individual in the Modern Information and Socio-Cultural Space”).

The article presents a theoretical analysis of professional stress among psychologists working in armed conflict zones. Methodological limitations of classical approaches (R. Lazarus and S. Folkman’s transactional model, S. Hobfoll’s Conservation of Resources theory) are identified in the extreme context characterized by permanent uncertainty and chronic threat. Based on the integration of key concepts, an original integrative model of professional adaptation is proposed. The central constructs of the model are the dynamic hierarchy of personal resources (developing D. A. Leontiev’s systemic classification) and the adaptive flexibility of coping behavior. It is substantiated that under extreme conditions, social resources are transformed from an external modulator into a system-forming component of the resource hierarchy, performing the function of external stabilization.

**Keywords:** professional adaptation, helping professions, extreme conditions, armed conflict, dynamic hierarchy of resources, adaptive flexibility, Conservation of Resources (COR) theory, meaning-making, posttraumatic growth

### REFERENCES

- Ababkov V.A., Perre M.* (2004). *Adaptation to Stress*. Saint-Petersburg: Rech’.
- Baeva I.A., Semikin G.I.* (2013). Psychological security and coping behavior in the professional activity of law enforcement officers // *National Psychological Journal*. Vol. 1(9). P. 54–62.
- Bondarevskii G.V.* (2019). Metacognitive Processes in the Structure of Coping Behavior // *Experimental Psychology*. Vol. 12(3). P. 124–137.
- Leont’ev D.A.* (2012). *Psychology of Meaning: Nature, Structure and Dynamics of Meaningful Reality*. 2<sup>nd</sup> ed., rev. and exp. Moscow: Publ. Smysl.
- Rasskazova E.I., Gordeeva T.O., Osin E.N.* (2013). Coping strategies in the structure of activity and self-regulation: psychometric characteristics and possibilities of using the COPE questionnaire // *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. Vol. 10(1). P. 82–118.
- Tarabrina N.V.* (2009). *Workshop on the Psychology of Post-Traumatic Stress*. Saint-Petersburg: Piter.
- Frankl V.* (1990). *Man’s Search for Meaning*. Moscow: Publ. Progress.
- Bonanno G.A., Burton C.L.* Regulatory flexibility: An individual differences perspective on coping and emotion regulation // *Perspectives on Psychological Science*. 2013. Vol. 8(6). P. 591–612.
- Cheng C., Lau H.P., Chan M.P.* (2014). Coping flexibility and psychological adjustment to stressful life changes: A meta-analytic review // *Psychological Bulletin*. Vol. 140(6). P. 1582–1607. DOI: 10.1037/a0037173.
- Figley C.R.* (1995). *Compassion fatigue: Coping with secondary traumatic stress disorder in those who treat the traumatized*. New York: Brunner/Mazel.

- Folkman S.* (1984). Personal control and stress and coping processes: A theoretical analysis // *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 46(4). P. 839–852.
- Halbesleben J.R., Neveu J.P., Paustian-Underdahl S.C., Westman M.* (2014). Getting to the “COR”: Understanding the role of resources in conservation of resources theory // *Journal of Management*. Vol. 40(5). P. 1334–1364. DOI: 10.1177/0149206314527130.
- Hobfoll S.E.* (1989). Conservation of resources: A new attempt at conceptualizing stress // *American Psychologist*. Vol. 44(3). P. 513–524.
- James R.K., Gilliland B.E.* (2017). *Crisis intervention strategies*. 8th ed. Boston: Cengage Learning.
- Lazarus R.S., Folkman S.* (1984). *Stress, appraisal, and coping*. New York: Springer Publishing Company.
- Maddi S.R.* (2006). Hardiness: The courage to grow from stresses // *The Journal of Positive Psychology*. Vol. 1(3). P. 160–168.
- McCann I.L., Pearlman L.A.* (1990). Vicarious traumatization: A framework for understanding the psychological effects of working with victims // *Journal of Traumatic Stress*. Vol. 3(1). P. 131–149.
- Park C.L., Folkman S.* (1997). Meaning in the context of stress and coping // *Review of General Psychology*. Vol. 1(2). P. 115–144.
- Park C.L.* Making sense of the meaning literature: An integrative review of meaning making and its effects on adjustment to stressful life events // *Psychological Bulletin*. 2010. Vol. 136(2). P. 257–301. DOI: 10.1037/a0018301.
- Steger M.F.* Making meaning in life // *Psychological Inquiry*. 2012. Vol. 23(4). P. 381–385. DOI: 10.1080/1047840X.2012.720832.
- Shahar G., Cohen G., Grogan K.E., Barile J.P., Henrich C.C.* (2009). Tel-Aviv-Heidelberg London (TAHL) inventory of coping with war-related stress: Hebrew and English versions // *Journal of Traumatic Stress*. Vol. 22(6). P. 583–586. DOI: 10.1002/jts.20471.
- Shrira A., Palgi Y., Wolf J.J., Haber Y., Ben-Ezra M.* (2011). The effect of peritraumatic dissociation and posttraumatic stress disorder on world assumptions: A longitudinal study of Israeli nurses // *Archives of Psychiatric Nursing*. Vol. 25(1). P. 57–64. DOI: 10.1016/j.apnu.2010.06.002.
- Tedeschi R.G., Calhoun L.G.* (2004). Posttraumatic growth: Conceptual foundations and empirical evidence // *Psychological Inquiry*. Vol. 15(1). P. 1–18.

# СОЦИАЛЬНАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

## ДЕТЕРМИНАНТЫ КОЛЛЕКТИВНОГО (НАЦИОНАЛЬНОГО) НАРЦИССИЗМА: РОЛЬ ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ, ПОЛА И ПОКОЛЕНИЯ

© Тарасов С.В.

Кандидат психологических наук, Институт психологии РАН, Москва, Россия  
tarasovsemv@ipran.ru; ORCID: 0000-0001-8790-7219

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ (тема № 0138–2024–0018 «Индивидуальные и групповые психологические механизмы консолидации российского общества в условиях геополитического кризиса»)

Для цитирования:

Тарасов С.В.

Детерминанты коллективного (национального) нарциссизма: роль психоэмоциональных состояний, пола и поколения // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2026. Т. 6. №2(19). С. 62-75. DOI: 10.38098/proceedings\_2026\_06\_02\_06

Tarasov S.V.

Determinants of collective (national) narcissism: the role of psycho-emotional states, sex and generation. Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2026, Vol. 6, No2(19), Pp. 62-75. DOI: 10.38098/proceedings\_2026\_06\_02\_06

В статье рассматривается коллективный (национальный) нарциссизм как феномен, проявляющийся в условиях воспринимаемой уязвимости идентичности и связанный с агрессивной защитой группового имиджа. В условиях глобальных рисков это становится значимым маркером социальной дезинтеграции общества. Понимание детерминант нарциссизма позволит снизить возможные негативные эффекты для российского общества. *Цель* настоящего исследования — анализ многоуровневой системы детерминант (социально-психологические, идеологические и эмоциональные) коллективного (национального) нарциссизма. *Выборка*. В исследовании приняли участие 800 россиян в возрасте от 26 до 58 лет ( $M=41,58$ ,  $SD=3,03$ ; 50,3% женщин, 49,75% миллениалы, 50,25% реформенное поколение (X)). *Методы*. Шкала коллективного нарциссизма в адаптации М.О. Романовой и коллег, шкалы гражданской и глобальной идентичности в адаптации Т.А. Нестика, короткие версии шкал из методики Дж. Даккита в адаптации Д.С. Григорьева, шкала РНҚ-4

в адаптации А.А. Золотаревой и коллег, шкала позитивного и негативного аффекта в адаптации Е.Н. Осина. *Результаты*. Основной вклад в национальный нарциссизм вносят идеологические установки и психоэмоциональные состояния россиян. У женщин, в отличие от подгруппы мужчин, вклад вносят позитивный аффект и депрессия. Поколение миллениалов имеет более выраженные показатели депрессивного и тревожного состояния, сильнее переживает негативный аффект, чем реформенное поколение. Вклад гражданской и глобальной идентичности в уровень национального нарциссизма опосредован выраженностью психоэмоциональных состояний. *Выводы*. Национальный нарциссизм у россиян, вне зависимости от пола и поколения, выступает как компенсация уязвимости группы и защитный механизм идентичности в актуальной ситуации кризиса.

**Ключевые слова:** коллективный нарциссизм, национальный нарциссизм, детерминанты, идеологические установки, психоэмоциональные состояния, гражданская идентичность, поколение, пол

### Введение

Эпоха глобальных перемен способствует изменениям в человеческом поведении и мировоззрении как на уровне личности, так и на уровне больших групп. Исследуя данные метаморфозы, ученые часто обращаются к проблеме идентичности, ее формирования и развития, влияния на поведение и установки. Особый интерес в последние годы вызывают проблемы гражданской/национальной идентичности. В условиях рисков и неопределен-

ности гражданская идентичность претерпевает изменения (Reese, Proch, Finn, 2015; Нестик, 2025), обуславливая тем самым проявление ряда иных психологических характеристик общества — политическая и ценностно-аффективная поляризация (Iyengar et al., 2019; Лебедев, 2022; Гулевич, Косимова, 2024), консолидация и «сплочение вокруг флага» (Reese, Proch, Finn, 2015; Нестик, 2023), переживание различного рода психоэмоциональных состояний, связанных с ситуациями угрозы целост-

ности идентичности (Нестик, 2024, 2025) и т. д. Все эти феномены представляют собой результат категоризации общества на «своих» и «чужих» в условиях неопределенности, что ведет к проявлению ингруппового фаворитизма и/или аутгрупповой дискриминации (Tajfel, Turner, 2001) в различных ее формах. Одной из форм такого отношения к своим и другим можно считать коллективный нарциссизм.

### Коллективный нарциссизм

Коллективный нарциссизм — специфическая форма отношения к своей группе, формируемая на основании идентичности, включающая в себя неоправданно завышенную веру в исключительность своей группы (нации, этноса, политического сообщества, гендерной группы, религиозного сообщества и т. д.) и озабоченность недостаточным признанием этого величия другими группами (Golec de Zavala, 2023). В отличие от здоровой групповой гордости, базирующейся на реалистичной оценке достижений (Leach et al., 2008) или удовлетворенности идентичностью (Golec de Zavala, 2023), коллективный нарциссизм коренится в уязвимости идентичности и потребности во внешнем подтверждении ценности и значимости группы (Golec de Zavala, 2023). Коллективный нарциссизм не сводится к простому ингрупповому фаворитизму по причине своей интенсивности, иррациональности, связи с чувством ущемленности, скрытой неуверенности в группе и готовности к агрессивной защите группового имиджа даже в отсутствие реальной угрозы (Golec de Zavala et al., 2009; Golec de Zavala, 2023; Capelos et al., 2025). Феномен актуализируется под влиянием кризисных условий и ощущения нестабильности, уязвимости своей группы, что приводит к дисбалансу общества, его поляризации и политике недовольства. В качестве таких условий выступают: политические и экономические кризисы, военные конфликты, культурные изменения, подрывающие статус ингруппы (Golec de Zavala, Lantos, 2020; Jasko et al., 2020; Нестик, 2023, 2024; и др.). В условиях социальной аномии через идентификацию с «великой» группой формируется надежда на приобретение стабильности (Marchlewska et al., 2020). Коллективный нарциссизм может использоваться в политической коммуникации, наравне с реакционизмом и ресентиментом, в форме апелляции общества к нарциссическим чувствам через образы врагов и обещания восстановления величия (Golec de Zavala, Dyduch-Hazar, Lantos, 2020; Golec de Zavala, Keenan, 2021, Capelos et al., 2025).

По отношению к другим феноменам личности и группы коллективный нарциссизм высту-

пает фактором негативных социальных установок и психоэмоциональных состояний: межгрупповая враждебность, предрассудки, оправдание насилия, переживание стресса и депрессии (Cichocka, Cislak, 2020; Golec de Zavala, 2023; Mužík, Knorr, Kossowska, 2026; и др.). Феномен коррелирует с политическим радикализмом: поддержкой авторитаризма, национализма, ориентацией на социальное доминирование, ресентиментом (Cichocka, Cislak, 2020; Golec de Zavala, Dyduch-Hazar, Lantos, 2020; Golec de Zavala, Keenan, 2021; Романова и др., 2022; Capelos et al., 2025; Flakus et al., 2025). В основном это выражается в готовности ограничивать свободы и проводить агрессивную внешнюю и внутреннюю политику, в нетерпимости к внутригрупповой критике, что усиливает групповую поляризацию и блокирует компромиссы, снижает просоциальное поведение внутри группы (Cichocka, 2016; Golec de Zavala, Dyduch-Hazar, Lantos, 2020; Cichocka, Cislak, 2020; Golec de Zavala, 2023; Гулевич, Косимова, 2024).

Таким образом, коллективный нарциссизм возникает на стыке уязвимой идентичности, реальных и воспринимаемых угроз и историко-культурного контекста. Он служит маркером неуверенности личности в группе и групповой идентичности в период неопределенности, драйвером социальной дезинтеграции, вражды и авторитаризма. Понимание не только его динамики, но также связи с разными видами социокультурной идентичности, детерминантами его выраженности и развития критически важно для осмысления способов совладания с вызовами, которые стоят перед современными обществами.

Так как в данной работе будут рассмотрены детерминанты выраженности коллективного нарциссизма в российском обществе, далее по тексту будет использоваться понятие «национальный нарциссизм» (Гулевич, Косимова, 2024; Golec de Zavala, Keenan, 2024; Rogoza et al., 2025; и др.). Коллективный нарциссизм — это родовое понятие по отношению к его видам (национальному, религиозному, гендерному, либеральному и т. д.), соответствующим тем большим социальным группам, в которых он проявляется (Golec de Zavala, 2023).

### Психологические детерминанты национального нарциссизма

Как было отмечено ранее, отдельным аспектом рассмотрения стоит выделить не просто условия, а детерминанты выраженности национального нарциссизма. В многочисленных исследованиях данный феномен чаще сам выступает как детерминанта коллективных установок и поведения,

тогда как факторы его возникновения анализируются реже, причем обычно через призму отдельных характеристик — идентичности и восприятия угрозы (Golovec de Zavala, 2023). Однако, опираясь на системный подход к детерминантам психологических явлений (Ломов, 1984), такой анализ следует признать недостаточным. Можно предположить, что, как и любой другой феномен, национальный нарциссизм детерминируется системой взаимосвязанных характеристик личности и группы, представляющих разные уровни, которые в совокупности обуславливают проявление данного отношения к ин- и аутгруппам.

Первый уровень — социокультурная идентичность (гражданская, глобальная, религиозная, гендерная и т. д.), выступающая основой феномена (Golec de Zavala, 2023). Эмпирические исследования подтверждают роль идентичности, в частности гражданской, как предиктора, опосредующего реакции на воспринимаемые угрозы группе и формирующего нарциссические защиты (Cichocka, Cislak, 2020). Второй уровень — психоэмоциональные характеристики общества. С одной стороны, аффективная категоризация и негативные состояния (тревога, депрессия) усиливают нарциссизм, равно как и защитная идеализация ингруппы через позитивный аффект (Boag, Carnelley, 2016; Szczepańska et al., 2024; Rogoza et al., 2025), с другой стороны — коллективный нарциссизм сам выступает фактором, усиливающим выраженность стресса и депрессии с течением времени (Mužik, Knott, Kossowska, 2026). Третий уровень — идеологические установки: авторитаризм правого толка, ориентация на социальное доминирование, вера в опасный мир, вера в конкурентный мир. Эти элементы идеологических установок связаны с идентичностью, психоэмоциональными состояниями и напрямую коррелируют с национальным нарциссизмом (Григорьев, 2017; Cichocka, 2016; Golec de Zavala, 2023). Четвертый уровень — демографические факторы: половые и поколенческие различия. Половая специфика выраженности нарциссизма подтверждается исследованиями (Golec de Zavala et al., 2009; Golec de Zavala, 2023; Golec de Zavala, Keenan, 2024). Анализ поколенческих различий национального нарциссизма на данный момент не обнаружен в базах научных исследований. Однако, опираясь на теорию поколений и проведенные сравнительные исследования данных когорт, можно предположить качественные различия выраженности нарциссизма и системы его детерминант. Согласно теории поколений В.В. Радаева и эмпирическим исследова-

ованиям, россияне поколения X (реформенное поколение) (1968–1981 годы рождения), пережившие кризисы 1990-х, демонстрируют иные паттерны идентичности и совладания с угрозами, чем миллениалы (1982–2000 годы рождения), чья социализация проходила в условиях стабильности 2000-х и новых вызовов 2010–2020-х (Радаев, 2020; Емельянова, Тарасов, 2023).

Таким образом целью настоящего исследования является расширение представлений о вкладе психологических характеристик (социально-психологических, политико-психологических, психоэмоциональных) как разных уровней системы детерминант национального нарциссизма в целом, а также о зависимости данной системы от пола и поколения.

Основными гипотезами исследования выступили следующие предположения: 1) Система психологических детерминант национального нарциссизма включает в себя факторы разного уровня (социально-психологический, политический, психоэмоциональный); 2) Система факторов выраженности уровня национального нарциссизма различается в зависимости от пола. Так, вероятно, в группе женщин, по сравнению с мужчинами, в большей мере будут выражены психоэмоциональные состояния; 3) Система факторов выраженности национального нарциссизма различается в зависимости от принадлежности к поколенческой когорте.

## Материалы и методы

**Выборка.** В исследовании приняли участие 800 человек в возрасте от 26 до 58 лет ( $M_{\text{возраст}} = 41,58 \pm 3,03$ ). Среди них 397 (49,7%) мужчин ( $M_{\text{возраст}} = 41,53 \pm 9,14$ ) и 403 (50,3%) женщины ( $M_{\text{возраст}} = 41,63 \pm 8,9$ ). Большая часть выборки (54,4%) имеют высшее образование, работают (90%), проживают в Москве или Санкт-Петербурге (29%) или в городах с населением более 1 млн человек (23,4%).

Для анализа выборка также была поделена на два поколения: реформенное (45–58 лет;  $N=398$ ;  $M_{\text{возраст}} = 49,28 \pm 3,45$ ) и миллениалов (26–44 года;  $N=402$ ;  $M_{\text{возраст}} = 33,76 \pm 5,55$ ). Для выделения поколений была выбрана классификация В.В. Радаева (2020) как более информативная и эмпирически верифицированная в условиях российского общества.

**Методический инструментарий.** Для измерения национального нарциссизма применялась шкала коллективного нарциссизма (Golec de Zavala et al., 2009; Романова и др., 2022) ( $\alpha=0,882$ ). С целью фиксации психоэмоционального состояния использовались шкалы PHQ-2 (депрессия ( $\alpha=0,848$ )), GAD-2 (тревога ( $\alpha=0,865$ )) (Löwe

et al., 2010; Золотарева и др., 2024) и краткая версия шкалы позитивного ( $\alpha=0,908$ ) и негативного ( $\alpha=0,938$ ) аффекта (PANAS) в адаптации Е.Н. Осина (2012). Для измерения глобальной и гражданской идентичности применялись скрининговые шкалы — «Глобальная социальная идентификация» Г. Риза (Reese, Proch, Finn, 2015; Нестик, Журавлев, 2018) ( $\alpha=0,719$ ) и скрининговая шкала гражданской идентичности как привязанности (Roccas et al., 2008; Нестик, 2025) ( $\alpha=0,738$ ). Для выявления идеологических установок использовались короткие версии шкал из методики Дж. Даккита (Duckitt, 2001; Григорьев, 2017) (авторитаризм правого толка ( $\alpha=0,768$ ), ориентация на социальное доминирование ( $\alpha=0,814$ ), вера в опасный мир ( $\alpha=0,765$ ), вера в конкурентный мир ( $\alpha=0,710$ )).

**Процедура исследования и анализ данных.** Данные были собраны посредством онлайн-опроса на платформах Google Forms и Анкетолог.

Для обработки данных использовалась программа Jamovi 2.7.15. Были проанализированы описательные статистики, надежность и согласованность шкал ( $\alpha$ -Кронбаха), коэффициент корреляции Спирмена, U-критерий Манна-Уитни, проведен множественный регрессионный анализ, модерационный анализ (бутстреп, 1000 выборок).

### Результаты

Первоначально была проанализирована выраженность изучаемых характеристик и различия в подгруппах по полу и поколениям (см. табл. 1).

Результаты показали, что национальный нарциссизм, гражданская идентичность, позитивный аффект, авторитаризм правого толка и вера в опасный мир на общей выборке и в подгруппах имеют умеренную выраженность. В свою очередь глобальная идентичность, негативный аффект, ориентация на социальное доминирование и вера в конкурентный мир слабо выражены. Высокую выраженность демонстрируют переживания депрессивного и тревожного состояния, что свойственно обществу в период затяжного кризиса (Нестик, 2025).

Полученные различия свидетельствуют о большей психоэмоциональной травматизации (переживание депрессии и тревоги) в актуальных условиях у миллениалов, по сравнению с реформенным поколением, и тем самым они больше ориентированы на поддержание порядка, стабильности и коллективной безопасности. Женщины по сравнению с мужчинами также больше переживают негативные психоэмоциональные состояния и ориентированы на поддержание социальной сплочен-

ности и стабильности. В то время как мужчины, по сравнению с женщинами, более ориентированы на веру в то, что мир полон опасности и сложившиеся ценности и традиции находятся под угрозой, и веру в то, что мир — это «конкурентные джунгли», место борьбы за власть и ресурсы.

С целью выявления системы детерминант национального нарциссизма и оценки вклада в него идентичности, психоэмоционального состояния и идеологических установок был проведен множественный регрессионный анализ (метод пошагового включения). Анализ проводился как на общей выборке, так и на подгруппах по полу и поколению (см. табл. 2).

Результаты на общей выборке и в подгруппах показали основной вклад психоэмоционального состояния, идеологических установок и возраста в выраженность национального нарциссизма. Гражданская и глобальная идентичность не выступили значимыми предикторами ни в одной группе, что, вероятно, объясняется двойственной природой их связи: нарциссизм — это и результат идентификации с группой, и механизм защиты групповой идентичности в условиях нестабильности. Также, вероятно, именно поэтому возраст вносит отрицательный вклад в национальный нарциссизм. Старшее поколение (X, или реформенное) имеет более сформированную гражданскую идентичность (Емельянова, Тарасов, 2023; Нестик, 2025) и, несмотря на кризис и условия нестабильности, реже прибегает к нарциссизму как стратегии совладания. В то время как более молодые респонденты, переживая кризис гражданской и глобальной идентичности в современных условиях нестабильности, вероятно, чаще используют национальный нарциссизм как защитный механизм.

Несмотря на общность системы факторов, в подгруппах по полу и поколению есть различия. У мужчин среди предикторов отсутствуют психоэмоциональные состояния, но значима вера в опасный мир (восприятие угрозы социальным нормам), что обуславливает ориентацию на ин-группу. У женщин, наоборот, нет значимости веры в опасный мир, но вносят вклад позитивный аффект и депрессия. У миллениалов значимыми предикторами являются восприятие мира как опасного и позитивный аффект. У реформенного поколения значимый вклад вносит негативный аффект и возраст. Вероятно, здесь нарциссизм выступает механизмом совладания с более негативным состоянием — ресентиментом, нивелируя крайние обиду, злость и желание мести (Scheler, 1994).

Таблица 1. Описательная статистика и сравнительный анализ изучаемых переменных на общей выборке (N=800) и в подгруппах мужчин (N=397), женщин (N=403), миллениалов (N=402) и реформенного поколения (N=398)

Переменные	Средние значения (SD)			Сравнение U <sub>эмп</sub>	Средние значения (SD)	Сравнение U <sub>эмп</sub>		
	Общая выборка	Поколения					Мужчины	Женщины
		Миллениалы	Реформенное					
Национальный нарциссизм	4,78 (1,4)	4,8 (1,4)	4,77 (1,4)	—	4,85 (1,33)	4,72 (1,45)	—	
Гражданская идентичность	4,2 (1,3)	4,16 (1,3)	4,24 (1,3)	—	4,2 (1,25)	4,2 (1,32)	—	
Глобальная идентичность	2,28 (1,65)	2,28 (1,66)	2,28 (1,65)	—	2,22 (1,63)	2,34 (1,68)	—	
Депрессия	2,9 (1,52)	3,13 (1,53)	2,68 (1,47)	1715,5***	2,79 (1,5)	3,02 (1,54)	2222,5***	
Тревога	2,27 (1,43)	2,46 (1,51)	2,08 (1,31)	1770***	2,15 (1,37)	2,4 (1,48)	2241,5***	
Позитивный аффект	16,85 (5,23)	16,83 (5,44)	16,87 (5,01)	—	16,9 (5,26)	16,8 (5,2)	—	
Негативный аффект	12,68 (5,91)	13,48 (6,26)	11,9 (5,44)	1764,5***	12,16 (5,63)	13,21 (6,13)	2252,5***	
Авторитаризм правого толка	4,4 (1,31)	4,46 (1,34)	4,34 (1,28)	1937,5*	4,3 (1,28)	4,5 (1,34)	2266,5***	
Ориентация на социальное доминирование	2,92 (1,41)	2,85 (1,4)	2,99 (1,42)	—	2,93 (1,43)	2,92 (1,4)	—	
Вера в опасный мир	4,68 (1,5)	4,69 (1,46)	4,67 (1,54)	—	4,81 (1,5)	4,56 (1,5)	1857**	
Вера в конкурентный мир	2,57 (1,27)	2,54 (1,28)	2,59 (1,25)	—	2,65 (1,27)	2,49 (1,26)	2890*	

Примечание: SD — стандартное отклонение, U<sub>эмп</sub> — эмпирическое значение U-критерия Манна-Уитни; \* — уровень достоверности различий 0,05; \*\* — уровень достоверности различий 0,01; \*\*\* — уровень достоверности различий 0,001.

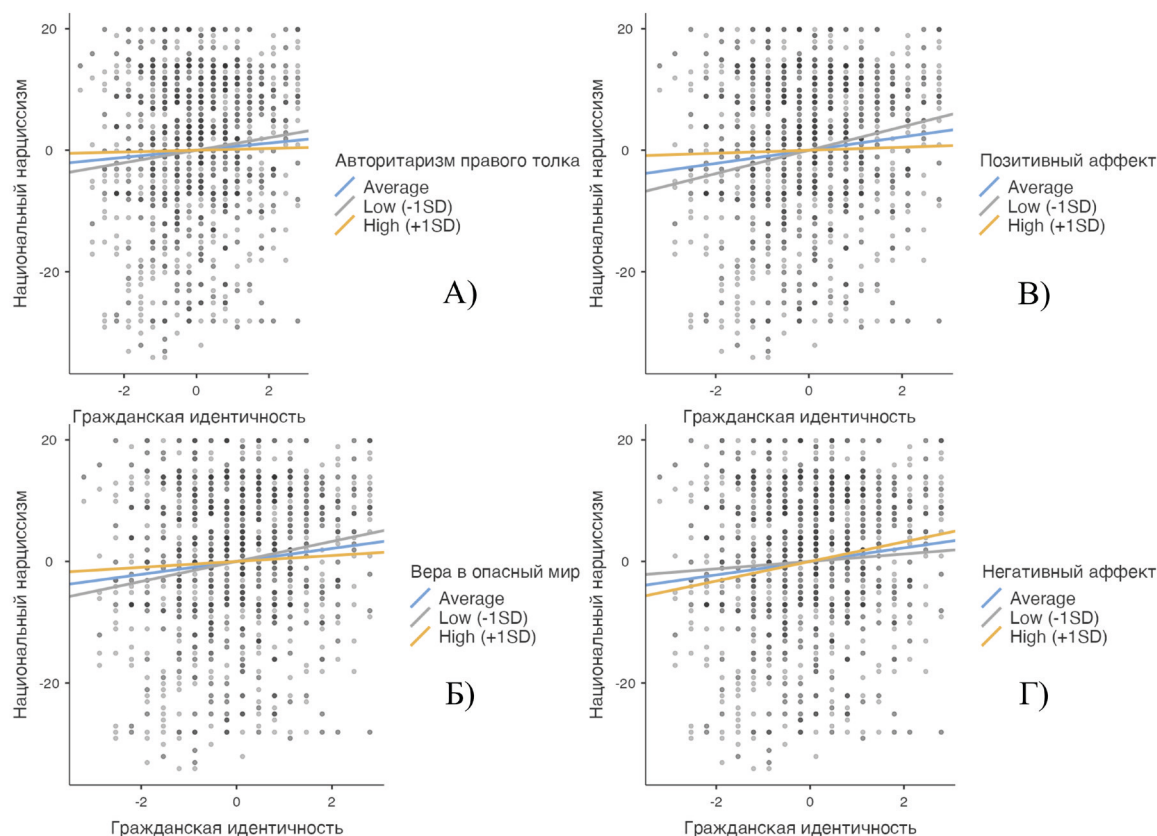


В связи с тем, что ранее не было обнаружено значимого вклада идентичности (гражданской и глобальной) в национальный нарциссизм, дополнительно был проведен модерационный анализ. Результаты показали, что в качестве модераторов связи гражданской идентичности и национального нарциссизма выступают (рис. 1): авторитаризм правого толка ( $B=-0,056$ ;  $S.E.=0,028$ ;  $95\% CI (-0,112; -0,005)$ ;  $Z=-2,03$ ;  $p=0,042$ ), вера в опасный мир ( $B=-0,130$ ;  $S.E.=0,059$ ;  $95\% CI (-0,245; -0,015)$ ;  $Z=-2,2$ ;  $p=0,027$ ), позитивный аффект ( $B=-0,161$ ;  $S.E.=0,052$ ;  $95\% CI (-0,260; -0,056)$ ;  $Z=-3,07$ ;  $p=0,002$ ) и негативный аффект ( $B=0,085$ ;  $S.E.=0,044$ ;  $95\% CI (-0,002; 0,171)$ ;  $Z=1,92$ ;  $p=0,055$ ).

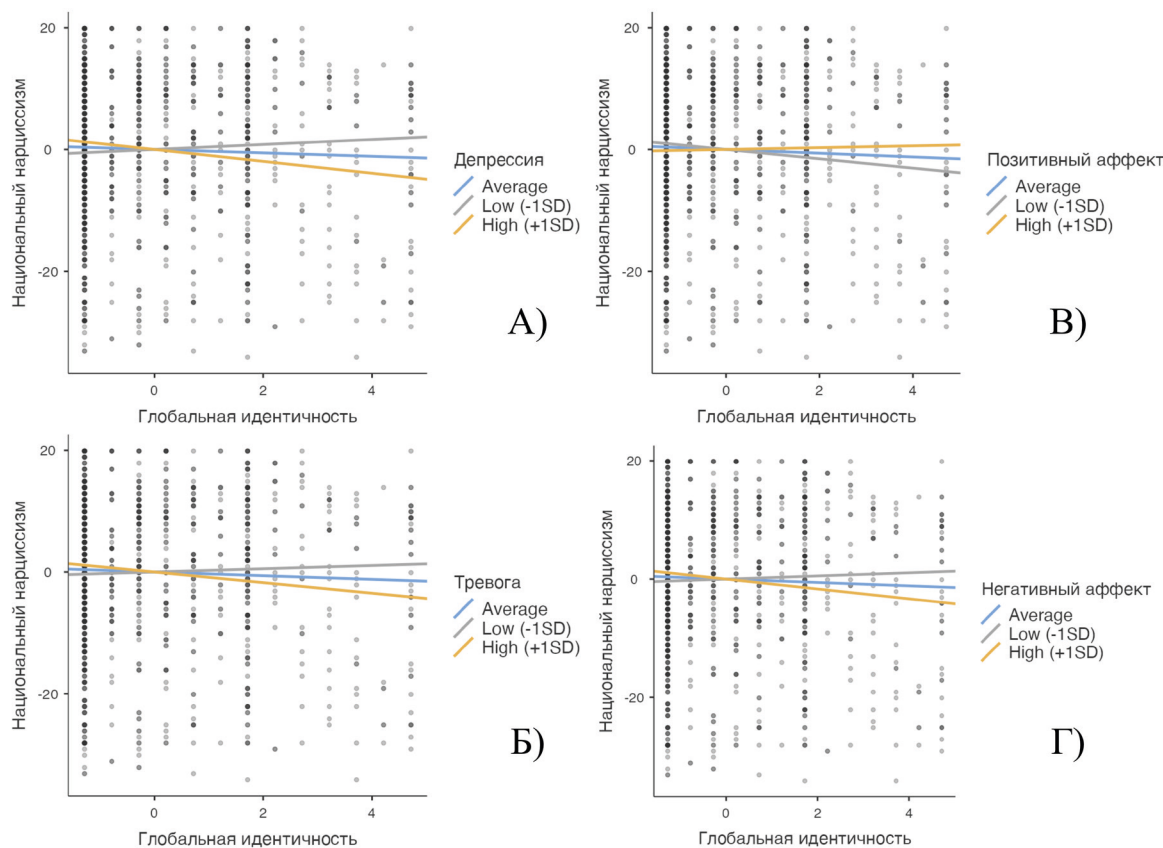
По отношению к связи глобальной идентичности и национального нарциссизма модераторами выступают (рис. 2): позитивный аффект ( $B=0,087$ ;  $S.E.=0,042$ ;  $95\% CI (0,001; 0,168)$ ;  $Z=2,08$ ;  $p=0,038$ ), негативный аффект ( $B=-0,093$ ;  $S.E.=0,04$ ;  $95\% CI (-0,178; -0,013)$ ;  $Z=-2,3$ ;  $p=0,022$ ), депрессивное состояние ( $B=-0,455$ ;  $S.E.=0,143$ ;  $95\% CI (-0,759; -0,187)$ ;  $Z=-3,18$ ;  $p=0,001$ ) и состояние тревоги ( $B=-0,396$ ;  $S.E.=0,159$ ;  $95\% CI (-0,724; -0,094)$ ;  $Z=-2,48$ ;  $p=0,013$ ).

Анализ позволил выявить эмоционально зависимый характер связи гражданской и глобальной идентичности с национальным нарциссизмом. Связь

с гражданской идентичностью ослабляется при высоком позитивном аффекте, авторитаризме правого толка, вере в опасный мир и усиливается при негативном аффекте. Т.е. гражданская идентичность становится нарциссизмом в условиях снижения удовлетворенности происходящим вокруг, уязвленности, потери эмоционального и идеологического ресурса. Связь глобальной идентичности с нарциссизмом ослабляется под влиянием негативного аффекта, депрессии, тревоги и усиливается при высоком позитивном аффекте. Такой обратный эффект, с одной стороны, является свидетельством ортогональности гражданской и глобальной идентичности. С другой стороны, интенсивные негативные состояния, вызванные как угрозой самой личности, так и ее национальной группе, сужают психологический фокус, делая глобальную идентичность и поиск значимости в глазах других нерелевантным. Таким образом, национальный нарциссизм возникает не как следствие силы идентичности, а как симптом групповой уязвимости, позитивной идеализации группы и защитный механизм, что соотносится с его сутью (Golec de Zavala, 2023; Rogoza et al., 2025). Он функционирует как компенсаторный механизм защиты группового самоуважения при дефиците устойчивой групповой самооценки в кризисных условиях (Capelos et al., 2025).



**Рис. 1.** Результаты модерационного анализа связи гражданской идентичности и национального нарциссизма. Модераторы: А — авторитаризм правого толка, Б — вера в опасный мир, В — позитивный аффект, Г — негативный аффект. Average — среднее значение модератора, low — ниже среднего (st. dev -1), high — выше среднего (st. dev. + 1)



**Рис. 2.** Результаты модерационного анализа связи глобальной идентичности и национального нарциссизма. Модераторы: А — депрессия, Б — тревога, В — позитивный аффект, Г — негативный аффект. Average — среднее значение модератора, low — ниже среднего (st. dev -1), high — выше среднего (st. dev. + 1)

### Обсуждение результатов

Как показали результаты исследования, национальный нарциссизм в российском обществе характеризуется умеренной выраженностью, что указывает как на отсутствие крайних форм ингруппового фаворитизма, так и на дистанцирование от идеи межгруппового равенства. Отсутствие значимых различий между полами и поколениями по уровню нарциссизма частично расходится с данными других исследований (Golec de Zavala, 2023; Golec de Zavala, Keenan, 2024), что может объясняться спецификой российского социокультурного контекста, включая эффект «сплочения вокруг флага» в условиях геополитической нестабильности (Нестик, 2025).

Относительно анализа детерминант наиболее интересным является то, что гражданская и глобальная идентичность не обуславливают национальный нарциссизм напрямую, вопреки теоретическим ожиданиям. Вероятно, это объясняется тем, что идентичность опосредуется иными характеристиками и механизмами в условиях угрозы (Нестик, 2024). Так, модерационный анализ показал, что гражданская идентичность ведет к национальному нарциссизму лишь при дефиците ресурсов: ослабление позитивного аффекта ли-

шает групповую принадлежность эмоциональной опоры, низкий уровень направленности на авторитаризм ограничивает доступ к идеологическим инструментам защиты идентичности, а умеренность восприятия угрозы создает условия для трансформации идентичности в требование исключительного признания (Duckitt, 2001; Leach et al., 2008). Для глобальной идентичности ключевым барьером выступает негативная аффективная нагрузка (тревога, депрессия, негативный аффект), которая сужает когнитивно-эмоциональные ресурсы, блокируя связь с общечеловеческими ценностями (Mackie, Smith, 2002). В кризисных условиях глобальная идентичность становится «роскошью», уступая место национальному нарциссизму как инструменту защиты группы, подтверждая гипотезу о нарциссизме как маркере групповой уязвимости (Golec de Zavala, 2023).

В остальном анализ системы детерминант национального нарциссизма показал, что психоэмоциональные характеристики, особенно негативной модальности, обуславливают переживание иррациональной веры в исключительность ингруппы. Высокие уровни депрессии и тревоги у миллениалов и женщин, вероятно, связаны с их ориента-

цией на нарциссизм как механизм совладания, что соответствует данным о связи коллективного нарциссизма с антагонистическими эмоциями (страх, гнев, отвращение) (Rogoza et al., 2025). При этом амбивалентность психоэмоциональных предикторов у женщин (позитивный аффект и депрессия) требует особого внимания, позитивные эмоции могут отражать защитную идеализацию интропты, компенсирующую тревожные и депрессивные состояния (Molenda et al., 2023; Szczepańska et al., 2024). У реформенного поколения связь национального нарциссизма с негативным аффектом может быть рассмотрена через нивелирование переживания ресентимента, обусловленного исторической несправедливостью, коллективной травмой, трансформируемой в сплоченность и требование признания значимости группы.

Идеологические установки выступают ключевыми предикторами выраженности национального нарциссизма: авторитаризм правого толка и ориентация на социальное доминирование универсальны для всех групп, что подтверждает теорию Дж. Даккита о базисной роли иерархических убеждений в оправдании группового превосходства (Duckitt, 2001). При этом есть различия по выделенным группам: у мужчин и миллениалов нарциссизм сильнее связан с верой в опасный мир.

Поколенческие различия подчеркивают роль условий социализации. У миллениалов национальный нарциссизм опирается на позитивный аффект и веру в опасный мир, отражая попытку конструирования «сильной» групповой позиции вопреки травмирующему опыту. Для реформенного поколения ключевым становится негативный аффект, что указывает на использование нарциссизма как инструмента ретрадиционализации в ответ на социальные изменения.

В развитии анализа системы детерминант национального нарциссизма перспективно включение личностных переменных (социальный оптимизм, индивидуальный нарциссизм, воспринимаемая справедливость), экономико-психологических показателей (субъективное экономическое неравенство, финансовая тревожность), расширение представлений о психоэмоциональных состояниях, ностальгии (Roseman, 2013; Rogoza et al., 2025),

анализ воспринимаемых угроз, специфических форм стыда/гордости за страну, компонентов антисоциальной триады (реакционизма и ресентимента) (Сычев, Нестик, 2022; Capelos et al., 2025).

### Заключение

Исследование подтверждает, что коллективный нарциссизм в России функционирует как адаптивный ответ на групповую уязвимость. Его детерминанты образуют асимметричную систему: политические установки (авторитаризм, ориентация на доминирование) и психоэмоциональные состояния — прямые предикторы, а идентичность опосредована контекстом ресурсного дефицита или аффекта. Полоролевые и поколенческие различия в системе детерминант указывают на ее вариативность. У мужчин и реформенного поколения нарциссизм связан с защитой устоев перед угрозами. У женщин и миллениалов он служит компенсаторным ответом на травму идентичности и негативный аффект. Умеренность выраженности отражает специфику российской коллективности, дистанцирующейся от крайнего фаворитизма, но использующей нарциссизм для консолидации. Результаты расширяют понимание групповой идентификации в эпоху глобальных рисков. Перспективы исследований лежат в междисциплинарной плоскости: интеграция показателей, анализ цифровой среды, расширение детерминант, учет антропологических, политологических, социологических и исторических данных. Управление деструктивными эффектами требует условий для устойчивой групповой идентичности без компенсаторной агрессии.

**Ограничения.** Основным ограничением является умеренная объяснительная сила регрессионных моделей, указывающая на необходимость учета дополнительных предикторов, таких как личностные черты или экономические факторы. Выборка настоящего исследования недостаточно репрезентирует сельские регионы и малые города, что ограничивает экстраполяцию результатов на всё население. Также не исследовалось влияние этнокультурного разнообразия России, хотя мультинациональный контекст может обуславливать проявления изучаемых детерминант и коллективного нарциссизма.

### Литература:

- Григорьев Д. С. Разработка короткой версии шкал из методики Дж. Даккита: авторитаризм правого толка, ориентация на социальное доминирование, вера в опасный и конкурентный мир // Национальный психологический журнал. 2017. Т. 28. № 4. С. 30–44. DOI: 10.11621/npj.2017.0403
- Гулевич О. А., Косимова С. С. Связь российской идентичности и политической поляризации: роль надежной национальной идентификации и национального нарциссизма // Социальная психология и общество. 2024. Т. 15. № 4. С. 123–139. DOI: 10.17759/sps.2024150409

- Емельянова Т.П., Тарасов С.В. Эффекты межпоколенческой трансмиссии политических ориентаций // Новые психологические исследования. 2023. Т. 3. № 1. С. 75–92. DOI: 10.51217/npsyresearch\_2023\_03\_01\_04
- Золотарева А.А., Костенко В.Ю., Лебедева А.А., Чумакова М.А. Скрининг тревоги и депрессии в общей популяции: адаптация Patient Health Questionnaire-4 в России // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В.М. Бехтерева. 2024. Т. 58 № 2 С. 45–54. DOI: 10.31363/2313-7053-2024-899
- Лебедев А.Н. К теории ценностно-аффективной поляризации социальных групп // Ученые записки Института психологии РАН. 2022. Т. 2. № 1(3). С. 2–19.
- Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
- Нестик Т.А. Влияние военных конфликтов на психологическое состояние общества: перспективные направления исследований // Социальная психология и общество. 2023. Т. 14. № 4. С. 5–22. DOI: 10.17759/sps.2023140401
- Нестик Т.А. Коллективный образ будущего: социально-психологический анализ. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2025.
- Нестик Т.А., Журавлев А.Л. Психология глобальных рисков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
- Нестик Т.А. Эффект Поллианны: роль механизмов защиты позитивной личностной и групповой идентичности // Социальная психология и общество. 2024. Т. 15. № 4. С. 25–39. DOI: 10.17759/sps.2024150403
- Осин Е.Н. Измерение позитивных и негативных эмоций: разработка русскоязычного аналога методики PANAS // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 4. С. 91–110.
- Радаев В.В. Раскол поколения миллениалов: историческое и эмпирическое обоснование. (Первая часть) // Социологический журнал. 2020. Т. 26. № 3. С. 30–63. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.3.7395
- Романова М.О., Иванов А.А., Богатырева Н.И., Терскова М.А., Быков А.О., Анкушев В.В. Адаптация шкалы коллективного нарциссизма на российской выборке // Социальная психология и общество. 2022. Т. 13. № 3. С. 201–220. DOI: 10.17759/sps.2022130312
- Сычев О.А., Нестик Т.А. Моральные основания стыда и гордости за свою страну // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика, 2022. Т. 19. № 3. С. 528–549. DOI: 10.22363/2313-1683-2022-19-3-528-549
- Boag E.M., Carnelley K.B. Attachment and prejudice: The mediating role of empathy // British Journal of Social Psychology. 2016. Vol. 55. P. 337–356. DOI: 10.1111/bjso.12132
- Capelos T., Salmela M., Sullivan G.B., Chrona S. The anti-social triad of grievance politics: An integrated model of reactionism, resentment, and collective narcissism // American Behavioral. 2025. Vol. 69. № 5. P. 526–551. DOI: 10.1177/00027642241240351
- Cichocka A. Understanding defensive and secure in-group positivity: The role of collective narcissism // European Review of Social Psychology. 2016. Vol. 27. № 1. P. 283–317. DOI: 10.1080/10463283.2016.1252530
- Cichocka A., Cislak A. Nationalism as collective narcissism // Current Opinion in Behavioral Sciences. 2020. Vol. 34. P. 69–74. DOI: 10.1016/j.cobeha.2019.12.013
- Duckitt J. A dual-process cognitive-motivational theory of ideology and prejudice // Advances in Experimental Social Psychology. 2001. Vol. 33. P. 41–113. DOI: 10.1016/S0065-2601(01)80004-6
- Flakus M., Koc P., Plisiecki H., Pokropek A. Behind beliefs: Collective narcissism, political orientation, and belief in disinformation in the time of war in Ukraine // Social Psychology. 2025. Vol. 56. № 1. P. 14–30. DOI: 10.1027/1864-9335/a000000
- Golec de Zavala A. The Psychology of Collective Narcissism. Insights from Social Identity Theory. London, Routledge, 2023. DOI: 10.4324/9781003296577
- Golec de Zavala A., Keenan O. Collective narcissism as a framework for understanding populism // Journal of Theoretical Social Psychology. 2021. Vol. 5. № 2. P. 54–64. DOI: 10.1002/jts5.69
- Golec de Zavala A., Keenan O. Gender and National Collective Narcissism: Gender Asymmetries and Obstacles to Gender Equality // Sex Roles. 2024. Vol. 90. P. 565–586. DOI: 10.1007/s11199-024-01443-8
- Golec de Zavala A., Lantos D. Collective narcissism and its social consequences: The bad and the ugly // Current Directions in Psychological Science. 2020. Vol. 29. № 3. P. 273–278. DOI: 10.1177/0963721420917703
- Golec de Zavala A., Cichocka A., Eidelson R., Jayawickreme N. Collective narcissism and its social consequences // Journal of Personality and Social Psychology. 2009. Vol. 97. № 6. P. 1074–1096. DOI: 10.1037/a0016904
- Golec de Zavala A., Dyduch-Hazar K., Lantos D. Collective narcissism: Political consequences of investing self-worth in the ingroup's image // Political Psychology. 2020. Vol. 41. № S1. P. 37–74. DOI: 10.1111/pops.12569

- Iyengar S., Lelkes Y., Levendusky M., Malhotra N., Westwood S.J.* The origins and consequences of affective polarization in the United States // *Annual Review of Political Science*. 2019. Vol. 22. P. 129–146. DOI: 10.1146/annurev-polisci-051117-073034
- Jasko K., Webber D., Kruglanski A.W., Gelfand M., Taufiqurrohman M., Hettiarachchi M., Gunaratna R.* Social context moderates the effects of quest for significance on violent extremism // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2020. Vol. 118. № 6. P. 1165–1187. DOI: 10.1037/pspi0000198
- Leach C.W., van Zomeren M., Zebel S., Vliek M.L.W., Pennekamp S.F., Doosje B., Ouwerkerk J.W., Spears R.* Group-level self-definition and self-investment: A hierarchical (multicomponent) model of in-group identification // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2008. Vol. 95. № 1. P. 144–165. DOI: 10.1037/0022-3514.95.1.144
- Löwe B., Wahl I., Rose M., Spitzer C., Glaesmer H., Wingenfeld K., Schneider A., Brähler E.* A 4-item measure of depression and anxiety: Validation and standardization of the Patient Health Questionnaire-4 (PHQ-4) in the general population // *Journal of Affective Disorders*. 2010. Vol. 122. № 1–2. P. 86–95. DOI: 10.1016/j.jad.2009.06.019
- Mackie D.M., Smith E.R.* (Eds.). *From Prejudice to Intergroup Emotions: Differentiated Reactions to Social Groups*. Psychology Press, 2002. DOI: 10.4324/9781315783000
- Marchlewska M., Cichocka A., Jaworska M., Golec de Zavala A., Bilewicz M.* Superficial ingroup love? Collective narcissism predicts ingroup image defense, outgroup prejudice, and lower ingroup loyalty // *British Journal of Social Psychology*. 2020. Vol. 59. P. 857–875. DOI: 10.1111/bjso.12367
- Molenda Z., Marchlewska M., Rogoza M., Szczepańska D.* Shake it off! Adaptive coping with stress reduces national narcissism // *The British Journal of Social Psychology*. 2023. Vol. 62. № 4. P. 1856–1874. DOI: 10.1111/bjso.12660
- Mužik M., Knorr A., Kossowska M.* The (not so) vicious cycle of national narcissism: emotional antecedents and outcomes // *Journal of Research in Personality*. 2026. Vol. 122. Article: 104721. DOI: 10.1016/j.jrp.2026.104721
- Reese G., Proch J., Finn C.* Identification with all humanity: The role of self-definition and self-investment // *European Journal of Social Psychology*. 2015. Vol. 45. № 4. P. 426–440. DOI: 10.1002/ejsp.2102
- Roccas S., Sagiv L., Schwartz S.H., Halevy N., Eidelson R.* Toward a unifying model of identification with groups: Integrating theoretical perspectives // *Personality and Social Psychology Review*. 2008. Vol. 12. № 3. P. 280–306. DOI: 10.1177/1088868308319225
- Rogoza M., Marchlewska M., Rogoza R., Molenda Z., Szczepańska D., Maciantowicz O., Maison D.* Emotional processes underlying national narcissism // *The Journal of Social Psychology*. 2025. Vol. 165. № 4. P. 587–603. DOI: 10.1080/00224545.2025.2479783
- Roseman I.J.* Appraisal in the emotion system: Coherence in strategies for coping // *Emotion Review*. 2013. Vol. 5. № 2. P. 141–149. DOI: 10.1177/1754073912469591
- Scheler M.* *Ressentiment*. Marquette University Press, 1994.
- Szczepańska D., Marchlewska M., Rogoza R., Podsiadłowski W., Molenda Z., Maciantowicz O., Rogoza M., Klusek D.* The joke is on us? National narcissism and dispositions towards laughter // *Personality and Individual Differences*. 2024. Vol. 221. Article: 112543. DOI: 10.1016/j.paid.2024.112543
- Tajfel H., Turner J.* An integrative theory of intergroup conflict // *Intergroup relations: Essential readings* / M.A. Hogg, D. Abrams (Eds.). Psychology Press, 2001. P. 94–109.

## DETERMINANTS OF COLLECTIVE (NATIONAL) NARCISSISM: THE ROLE OF PSYCHO-EMOTIONAL STATES, SEX AND GENERATION

© Semyon V. Tarasov

PhD in Psychology, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia  
tarasovsemv@ipran.ru; ORCID: 0000-0001-8790-7219

The work was performed within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (topic No. 0138–2026–0018 “Individual and group psychological mechanisms of consolidation of Russian society in the context of a geopolitical crisis”)

The article examines collective (national) narcissism as a phenomenon that manifests itself under conditions of perceived identity vulnerability and is associated with aggressive defense of group image. These aspects become a significant marker of social disintegration in the context of global risks. Understanding the determinants of narcissism may help reduce its possible negative effects. The aim of this study is to analyze the multilevel system of determinants (socio-psychological, political, and emotional) of collective (national) narcissism. *Sample.* The study involved 800 Russians aged 26 to 58 years ( $M=41,58$ ,  $SD=3,03$ ; 50,3% women, 49,75% millennials, 50,25% reform generation (X)). *Methods.* The Collective Narcissism Scale adapted by M.O. Romanova and colleagues; the Civic and Global Identity Scales adapted by T.A. Nestik; short versions of the scales from J. Duckitt's methodology adapted by D.S. Grigoriev; the PHQ4 scale adapted by N.V. Pogosova and colleagues; and the Positive and Negative Affect Schedule (PANAS) adapted by E.N. Osin. *Results.* Political attitudes and emotional states of Russians make the primary contribution to national narcissism. The contribution of emotional states is greater in women than in men. In women, unlike in the male subgroup, positive affect and depression also contribute to national narcissism. The millennial generation shows higher levels of depressive and anxiety symptoms and experiences more negative affect than the reform generation (Generation X). The contribution of civic and global identity to the level of national narcissism is mediated by the intensity of emotional states. *Conclusions.* Among Russians, regardless of sex or generation, national narcissism functions as compensation for group vulnerability and a defense mechanism of identity in the current crisis situation.

**Keywords:** collective narcissism, national narcissism, determinants, political attitudes, emotional states, identity, generation, sex differences

## REFERENCES

- Grigoryev D. S. (2017). Development of a short version of the dual process model scales: Right-wing authoritarianism, social dominance orientation, dangerous and competitive worldviews // *National Psychological Journal*. Vol. 28. № 4. P. 30–44. DOI: 10.11621/npj.2017.0403
- Gulevich O. A., Kosimova S. S. (2024). The relationship between Russian identity and political polarization: The role of secure national identification and national narcissism // *Social Psychology and Society*. Vol. 15. № 4. P. 123–139. DOI: 10.17759/sps.2024150409
- Emelyanova T. P., Tarasov S. V. (2023). Effects of intergenerational transmission of political orientations // *New Psychological Research* Vol. 3. № 1. P. 75–92. DOI: 10.51217/npsyresearch\_2023\_03\_01\_04
- Zolotareva A. A., Kostenko V. Yu., Lebedeva A. A., Chumakova M. A. (2024). Screening for anxiety and depression in the general population: Adaptation of the Patient Health Questionnaire-4 in Russia // *V.M. Bekhterev review of psychiatry and medical psychology*. Vol. 58 № 2 P. 45–54. DOI: 10.31363/2313-7053-2024-899
- Lebedev A. N. (2022). On the theory of value-affective polarization of social groups // *Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences*. Vol. 2. № 1. P. 2–19.
- Lomov B. F. (1984). *Methodological and theoretical problems of psychology*. Moscow, Nauka.
- Nestik T. A. (2023). The influence of military conflicts on the psychological state of society: Promising areas of research // *Social Psychology and Society*. Vol. 14. № 4. P. 5–22. DOI: 10.17759/sps.2023140401
- Nestik T. A. (2025). *Collective future image: a socio-psychological analysis*. Moscow, Institute of Psychology RAS.
- Nestik T. A., Zhuravlev A. L. (2018). *Psychology of global risks*. Moscow, Institute of Psychology RAS.
- Nestik T. A. (2024). The Pollyanna Effect: The role of positive personal and group identity defense mechanisms // *Social Psychology and Society*. Vol. 15. № 4. P. 25–39. DOI: 10.17759/sps.2024150403
- Osin E. N. (2012). Measuring positive and negative emotions: Development of a Russian version of the PANAS // *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. Vol. 9. № 4. P. 91–110.
- Radaev V. V. (2020). The Divide among the Millennial Generation: Historical and Empirical Justifications. (Part one) // *Sociological Journal*. Vol. 26. № 3. P. 30–63. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.3.7395
- Romanova M. O., Ivanov A. A., Bogatyreva N. I., Terskova M. A., Bykov A. O., Ankushev V. V. (2022). Adaptation of the Collective Narcissism Scale in a Russian sample // *Social Psychology and Society*. Vol. 13. № 3. P. 201–220. DOI: 10.17759/sps.2022130312
- Sychev O. A., Nestik T. A. (2022). Moral foundations for the feelings of shame and pride regarding the native country // *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*. Vol. 19. № 3. P. 528–549. DOI: 10.22363/2313-1683-2022-19-3-528-549

- Boag E. M., Carnelley K. B. (2016). Attachment and prejudice: The mediating role of empathy // *British Journal of Social Psychology*. Vol. 55. P. 337–356. DOI: 10.1111/bjso.12132
- Capelos T., Salmela M., Sullivan G. B., Chrona S. (2025). The anti-social triad of grievance politics: An integrated model of reactionism, resentment, and collective narcissism // *American Behavioral*. Vol. 69. № 5. P. 526–551. DOI: 10.1177/00027642241240351
- Cichočka A. (2016). Understanding defensive and secure in-group positivity: The role of collective narcissism // *European Review of Social Psychology*. Vol. 27. № 1. P. 283–317. DOI: 10.1080/10463283.2016.1252530
- Cichočka A., Cislak A. (2020). Nationalism as collective narcissism // *Current Opinion in Behavioral Sciences*. Vol. 34. P. 69–74. DOI: 10.1016/j.cobeha.2019.12.013
- Duckitt J. (2001). A dual-process cognitive-motivational theory of ideology and prejudice // *Advances in Experimental Social Psychology*. Vol. 33. P. 41–113. DOI: 10.1016/S0065-2601(01)80004-6
- Flakus M., Koc P., Plisiecki H., Pokropek A. (2025). Behind beliefs: Collective narcissism, political orientation, and belief in disinformation in the time of war in Ukraine // *Social Psychology*. Vol. 56. № 1. P. 14–30. DOI: 10.1027/1864-9335/a000000
- Golec de Zavala A. (2023). *The Psychology of Collective Narcissism. Insights from Social Identity Theory*. London, Routledge. DOI: 10.4324/9781003296577
- Golec de Zavala A., Keenan O. (2021). Collective narcissism as a framework for understanding populism // *Journal of Theoretical Social Psychology*. Vol. 5. № 2. P. 54–64. DOI: 10.1002/jts5.69
- Golec de Zavala A., Keenan O. (2024). Gender and National Collective Narcissism: Gender Asymmetries and Obstacles to Gender Equality // *Sex Roles*. Vol. 90. P. 565–586. DOI: 10.1007/s11199-024-01443-8
- Golec de Zavala A., Lantos D. (2020). Collective narcissism and its social consequences: The bad and the ugly // *Current Directions in Psychological Science*. Vol. 29. № 3. P. 273–278. DOI: 10.1177/0963721420917703
- Golec de Zavala A., Cichočka A., Eidelson R., Jayawickreme N. (2009). Collective narcissism and its social consequences // *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 97. № 6. P. 1074–1096. DOI: 10.1037/a0016904
- Golec de Zavala A., Dyduch-Hazar K., Lantos D. (2020). Collective narcissism: Political consequences of investing self-worth in the ingroup's image // *Political Psychology*. Vol. 41. № S1. P. 37–74. DOI: 10.1111/pops.12569
- Iyengar S., Lelkes Y., Levendusky M., Malhotra N., Westwood S. J. (2019). The origins and consequences of affective polarization in the United States // *Annual Review of Political Science*. Vol. 22. P. 129–146. DOI: 10.1146/annurev-polisci-051117-073034
- Jasko K., Webber D., Kruglanski A. W., Gelfand M., Taufiqurrohman M., Hettiarachchi M., Gunaratna R. (2020). Social context moderates the effects of quest for significance on violent extremism // *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 118. № 6. P. 1165–1187. DOI: 10.1037/pspi0000198
- Leach C. W., van Zomeren M., Zebel S., Vliek M. L. W., Pennekamp S. F., Doosje B., Ouwerkerk J. W., Spears R. (2008). Group-level self-definition and self-investment: A hierarchical (multicomponent) model of in-group identification // *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 95. № 1. P. 144–165. DOI: 10.1037/0022-3514.95.1.144
- Löwe B., Wahl I., Rose M., Spitzer C., Glaesmer H., Wingenfeld K., Schneider A., Brähler E. (2010). A 4-item measure of depression and anxiety: Validation and standardization of the Patient Health Questionnaire-4 (PHQ-4) in the general population // *Journal of Affective Disorders*. Vol. 122. № 1–2. P. 86–95. DOI: 10.1016/j.jad.2009.06.019
- Mackie D. M., Smith E. R. (Eds.). (2002). *From Prejudice to Intergroup Emotions: Differentiated Reactions to Social Groups*. Psychology Press. DOI: 10.4324/9781315783000
- Marchlewska M., Cichočka A., Jaworska M., Golec de Zavala A., Bilewicz M. (2020). Superficial ingroup love? Collective narcissism predicts ingroup image defense, outgroup prejudice, and lower ingroup loyalty // *British Journal of Social Psychology*. Vol. 59. P. 857–875. DOI: 10.1111/bjso.12367
- Molenda Z., Marchlewska M., Rogoza M., Szczepańska D. (2023). Shake it off! Adaptive coping with stress reduces national narcissism // *The British Journal of Social Psychology*. Vol. 62. № 4. P. 1856–1874. DOI: 10.1111/bjso.12660
- Mužik M., Knorr A., Kossowska M. (2026). The (not so) vicious cycle of national narcissism: emotional antecedents and outcomes // *Journal of Research in Personality*. Vol. 122. Article: 104721. DOI: 10.1016/j.jrp.2026.104721
- Reese G., Proch J., Finn C. (2015). Identification with all humanity: The role of self-definition and self-investment // *European Journal of Social Psychology*. Vol. 45. № 4. P. 426–440. DOI: 10.1002/ejsp.2102

- Roccas S., Sagiv L., Schwartz S.H., Halevy N., Eidelson R.* (2008). Toward a unifying model of identification with groups: Integrating theoretical perspectives // *Personality and Social Psychology Review*. Vol. 12. № 3. P. 280–306. DOI: 10.1177/1088868308319225
- Rogoza M., Marchlewska M., Rogoza R., Molenda Z., Szczepańska D., Maciantowicz O., Maison D.* (2025). Emotional processes underlying national narcissism // *The Journal of Social Psychology*. Vol. 165. № 4. P. 587–603. DOI: 10.1080/00224545.2025.2479783
- Roseman I.J.* (2013). Appraisal in the emotion system: Coherence in strategies for coping // *Emotion Review*. Vol. 5. № 2. P. 141–149. DOI: 10.1177/1754073912469591
- Scheler M.* (1994). *Ressentiment*. Marquette University Press.
- Szczepańska D., Marchlewska M., Rogoza R., Podsiadłowski W., Molenda Z., Maciantowicz O., Rogoza M., Klusek D.* (2024). The joke is on us? National narcissism and dispositions towards laughter // *Personality and Individual Differences*. Vol. 221. Article: 112543. DOI: 10.1016/j.paid.2024.112543
- Tajfel H., Turner J.* (2001). An integrative theory of intergroup conflict // *Intergroup relations: Essential readings* / M.A. Hogg, D. Abrams (Eds.). Psychology Press. P. 94–109.

## ВЗАИМНОЕ ВОСПРИЯТИЕ РУССКИХ И БЕЛОРУСОВ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОТКРЫТЫХ ОТВЕТОВ

© Гагаева О.Н.

аспирант Московского института психоанализа, Москва, Россия  
ova30@yandex.ru; ORCID: 0009-0007-7131-812X

Для цитирования:

Гагаева О.Н.

Взаимное восприятие русских и белорусов: сравнительный анализ открытых ответов // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2026. Т. 6. № 2(19). С. 76-84.

DOI: 10.38098/proceedings\_2026\_06\_02\_07

Gagaeva O.N.

Mutual perceptions of russians and belarusians: a comparative analysis of open-ended responses. Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2026, Vol. 6, No2(19), Pp. 76-84.

DOI: 10.38098/proceedings\_2026\_06\_02\_07

В статье представлен сравнительный анализ взаимных социальных представлений русских и белорусов, основанный на методологии теории социальных представлений. Исследование построено на анализе открытых ответов 417 респондентов из России и Беларуси. В качестве эмпирического инструмента использовался контент-анализ в логике прототипического анализа П. Вержеса. Выявлено, что взаимные представления имеют не симметричный характер: образ русских у белорусов более сложный и политизированный, тогда как образ белорусов у русских благожелательный, но менее когнитивно насыщенный.

**Ключевые слова:** Этносоциальные представления, межэтнические отношения, взаимные стереотипы, контент-анализ, прототипический анализ социальных представлений

### Введение

Позитивное выстраивание российско-белорусских отношений остается приоритетным направлением внешней политики двух стран и их взаимодействия в разных сферах. Русские и белорусы связаны многовековой историей совместного развития, однако после распада СССР каждая страна пошла по собственному пути государственного строительства, что отразилось на взаимном восприятии народов.

Несмотря на длительную общую историю, культурные и языковые сходства, взаимное восприятие русских и белорусов претерпевает изменения под влиянием социально-политических процессов последних десятилетий. Исследование этого восприятия позволяет глубже понять механизмы межэтнического взаимодействия и оценить потенциал дальнейшей интеграции двух народов (Снежкова, Шалыгина, 2020).

Цель данной работы — описать и проанализировать текущие социальные восприятия, взаимные стереотипы и представления.

Результаты исследования могут быть использованы в разработке стратегий социально-психологического взаимодействия; в программах по межкультурной коммуникации; в СМК для формирования положительных образов соседних народов; в работе общественных организаций, нацеленных на укрепление российско-белорусских связей.

Исследование опирается на открытые ответы респондентов, что позволяет зафиксировать не только количественные показатели, но и качественные характеристики восприятия. Анализ

проводится с позиций обеих сторон — русских и белорусов, что дает возможность сопоставить взаимные представления, выявить сходства, различия, описать устойчивые культурные представления и отделить их от ситуативных оценок, вызванных современными событиями.

В отличие от стандартизированных опросов в исследовании был использован метод открытых ответов. Они дают более полную картину: респонденты формулируют мысли своими словами, что снижает влияние навязываемых формулировок и позволяет выявить неожиданные аспекты восприятия. На основе анализа открытых ответов возможна разработка типологии взаимных образов, которая, при систематическом изучении, поможет прогнозировать динамику механизмов межэтнического восприятия.

В основу анализа положены два ранее подготовленных и отдельно проверенных документа: анализ белорусской подвыборки, посвященный образу русских, и анализ русской подвыборки, посвященный образу белорусов. Мы пытались реконструировать структуру взаимных представлений двух групп, выявить устойчивые смысловые ядра этих представлений и проследить, в каких элементах обнаруживаются сходства, а в каких — принципиальные асимметрии.

### Теоретико-методологическая рамка

Теоретической основой исследования выступает теория социальных репрезентаций, в рамках которой ответы респондентов понимаются не как простая сумма индивидуальных мнений, а как

форма социально разделяемого знания, складывающегося в повседневной коммуникации и закрепляющегося в коллективном опыте (Московиси, 1981; Sammut et al, 2015). Такая рамка позволяет анализировать не только содержание оценок, но и внутреннюю организацию коллективных представлений об «ином» народе.

В структурном подходе к социальным репрезентациям предполагается, что представление организовано вокруг относительно устойчивого центрального ядра и более гибкой периферии (Moliner, Abric, 2015). Центральное ядро содержит элементы, обладающие наибольшей нормативной и смыслообразующей значимостью для группы, тогда как периферия включает более контекстные, частные или противоречивые компоненты. Именно это различие особенно важно для анализа взаимных образов русских и белорусов, поскольку позволяет отделить действительно устойчивые коллективные представления от случайных или ситуативных ассоциаций (Емельянова, 2006).

В качестве эмпирического инструмента используется контент-анализ в логике прототипического анализа П. Вержеса. Этот подход строится на предположении, что наиболее значимые элементы репрезентации отличаются одновременно высокой частотой упоминания и ранним порядком появления в ответе (Dany, Urdapilleta, LoMonaco, 2015). Следовательно, аналитически важным является не только то, какие характеристики встречаются в высказываниях респондентов, но и то, насколько быстро они актуализируются. Анализ литературы показывает, что подобный подход может применяться не только к классическим свободным ассоциациям, но и к открытому текстовому материалу, если исследователь ясно описывает правила сегментации ответов, объединения синонимических форм и распределения элементов по структурным зонам (Wachelke, Wolter, 2011; LoMonaco et al., 2017).

Дополнительной интерпретационной рамкой служат исследования межгрупповых стереотипов, в которых образы социальных групп строятся вокруг базовых измерений: морально-этического, мотивационно или деятельностного, и «коммунального» (социальная теплота и компетентность) (Yzerbyt, 2016). Эта рамка особенно полезна для интерпретации полученных данных, поскольку в обоих массивах позитивные образы строятся, прежде всего, через морально-этические, мотивационно-волевые и коллективистские характеристики, тогда как различия сильнее проявляются в блоках негативных черт, перечислении достижений и персоналий.

### Дизайн исследования и эмпирическая база

Исследование выполнялось с июля по октябрь 2025 года на основе единого анкетного массива, включающего 417 анкет. В базе собраны две зеркально сопоставимые группы респондентов: белорусы и русские. Общий массив включал 213 белорусских и 204 русских анкеты.

В первую аналитическую подвыборку вошли белорусские респонденты, отвечавшие на блок вопросов о русских ( $n=213$ ). По полу эта подвыборка распределялась следующим образом: 70 мужчин и 143 женщины. По возрасту в массиве были практически равномерно (по ~50 чел) представлены четыре поколения: 18–29 лет, 30–39 лет, 40–49 лет, 50 лет и старше.

Во вторую аналитическую подвыборку вошли русские респонденты, отвечавшие на блок вопросов о белорусах ( $n=204$ ). По полу подвыборка распределялась следующим образом: 69 мужчин и 135 женщин. По возрасту также представлены четыре поколения.

В анализ включены четыре открытых вопроса, зеркально построенные в обеих группах: о положительных чертах народа, о негативных чертах народа, о достижениях народа и о выдающихся представителях народа. Такой набор вопросов позволяет реконструировать образ другого народа сразу в нескольких измерениях: характерологическом, оценочном, когнитивно-историческом и персонализированном.

Понимая ограничения срезового характера выборки, мы трактуем результаты как описание структуры представлений в данном эмпирическом сегменте, не как статистически репрезентативное описание всех белорусов и всех русских в генеральной совокупности.

### Анализ и техническая реализация

Аналитическая процедура в обеих подвыборках была одинаковой. На первом этапе из общего массива выделялась соответствующая группа респондентов. На втором этапе каждый открытый ответ разбивался на элементарные смысловые единицы. Если респондент, например, писал «добрые, открытые, душевные», такой ответ интерпретировался как три отдельные единицы. Разбиение было необходимо для сохранения порядка упоминания, без которого невозможно вычислить когнитивную значимость элемента.

На следующем этапе проводилась нормализация текста: ответы приводились к нижнему регистру, устранялись технические различия написания, близкие словоформы и однокоренные выражения сводились к единой семантической форме. Лекси-

чески и содержательно близкие элементы объединялись в укрупненные аналитические категории по заранее сформированному категориальному словарю. Так, например, формулировки «добрый», «доброта», «добродушный», «доброжелательный» объединялись в категорию «доброта/доброжелательность», а «хамство», «грубость», «невоспитанность» — в категорию «хамство/грубость». Принципиально важно, что после формирования словаря дальнейшее распределение ответов по категориям осуществлялось алгоритмически. Это обеспечивало:

- воспроизводимость процедуры;
- единообразие кодировки;
- снижение влияния ситуативных исследовательских решений;
- минимизацию различий, характерных для независимой ручной кодировки несколькими экспертами.

Таким образом, согласованность кодировки обеспечивалась не через межэкспертное сопоставление, а через алгоритмически унифицированное применение единого категориального словаря ко всему массиву.

Дополнительно после автоматической обработки проводилась выборочная ручная верификация категориальных соответствий для контроля содержательной валидности словаря и исключения очевидных ошибок семантического сопоставления.

После кодирования для каждой категории рассчитывались два показателя: частота упоминания и средний ранг первого появления в ответе. Под частотой понималось количество респондентов, у которых соответствующая категория встретилась хотя бы один раз. Средний ранг первого упоминания отражал, на какой позиции категория в среднем возникала в ответах респондентов. На основе этих двух параметров строилась четырехзонная структура представления: центральное ядро, первая периферия, контрастная зона и вторая периферия (Снежкова, Шалыгина, 2020; Dany, Urdapilleta, Lo Monaco, 2015; Lo Monaco et al., 2017).

Техническая реализация анализа осуществлялась в среде GoogleColab с использованием Python. Скрипт автоматически выполнял чтение Excel-файла, выделение подвыборок, сегментацию ответов, словарную кодировку, построение таблиц частот и итоговых таблиц Вержеса. Это позволило сделать процедуру воспроизводимой и исключить значительную часть арифметических и технических ошибок при подсчете частот и рангов.

Все выводы в настоящем отчете основаны только на тех переменных, чья содержательная привязка к объекту анализа однозначно подтверждается формулировками открытых вопросов.

## Результаты исследования: образ русских у белорусов

### *Позитивные черты русского народа*

Позитивный образ русских у белорусских респондентов формируется прежде всего вокруг морально-этических, волевых и коллективистских качеств. Наиболее устойчивыми категориями выступают доброта и доброжелательность, открытость, душевность и простота, а также гостеприимство, щедрость и радушие. Значимыми, хотя и менее центральными, оказываются также трудолюбие, терпение, стойкость, честность, искренность и патриотизм. В структурном отношении это позволяет говорить о том, что ядро положительной репрезентации организовано вокруг категорий моральной близости и «человеческой теплоты», а не вокруг инструментальных достоинств, вроде дисциплины, рациональности или эффективности.

Содержательно это означает, что русские воспринимаются белорусскими респондентами прежде всего как «добрые», «открытые», «душевные» и «радушные». Однако при этом сам позитивный образ не является полностью однозначным: в части анкет при ответе на вопрос о положительных качествах появляются амбивалентные или негативные вкрапления. Что может указывать на внутреннюю напряженность представления: для части респондентов образ русских не раскладывается на две полностью независимые сферы — положительную и отрицательную.

### *Негативные черты русского народа*

В блоке негативных качеств обращает на себя внимание сочетание двух тенденций. С одной стороны, заметная доля респондентов либо не называет отрицательных черт вообще, либо отвечает, что таких черт нет. С другой стороны, в содержательном массиве достаточно отчетливо выделяется негативное ядро, включающее высокомерие и наглость, хамство и грубость, лень и пассивность, пьянство и алкоголизацию.

Вместе с тем негативный образ русских не ограничивается только бытовыми оценками. В части ответов появляются элементы, имеющие политико-историческую нагрузку: империализм, авторитарность, ориентация на сильную власть. Такие категории мы интерпретируем как элементы контрастной зоны негативной репрезентации. Категории обладают сравнительно низкой частотой, но характеризуются ранним появлением в ответах, а, следовательно, высокой когнитивной значимостью для части респондентов. Тем самым негативная репрезентация русских оказывается двухслойной: первый слой связан с повседневно-бытовой критикой, второй — с политизированной интерпретацией русских как коллективного субъекта.

### Достижения русского народа

Блок, посвященный достижениям русского народа, демонстрирует высокий уровень когнитивной насыщенности образа. В отличие от чисто характерологических описаний, здесь респонденты воспроизводят более крупные культурные и исторические маркеры. Центральное место занимают космос и космонавтика, наука и открытия, а также культура, литература и искусство. В периферийных и контрастных зонах появляются спорт, атомная энергетика, промышленность, инфраструктура, технологии и военная сфера.

Такое распределение показывает, что образ русских представлен в сознании белорусских респондентов не просто как народ с определенным характером, а как значимый историко-цивилизационный субъект, связанный с большими символическими достижениями. Наиболее устойчивыми маркерами оказываются не бытовые успехи, а именно крупные эмблематические домены: космос, наука и высокая культура.

### Выдающиеся представители русского народа

Для выявления персонализированного образа в ходе исследования блоки персоналий как у русской, так и у белорусской подвыборки были допол-

нительно декомпозированы на несколько аналитических подкатегорий:

- политические лидеры (действующие);
- политические лидеры (исторические);
- деятели культуры до XX века;
- деятели культуры XX–XXI вв.;
- ученые и изобретатели;
- представители космической и научно-технической сферы;
- спортсмены;
- иные персоналии.

Такая декомпозиция позволила перейти от анализа отдельных имен к анализу типов символической репрезентации народа.

В образе русских у белорусских респондентов одновременно представлены:

- культурно-литературный канон;
- научный канон;
- космический и технологический канон;
- политическая субъектность.

В ответах устойчиво воспроизводится классический культурный и научный канон: Пушкин, Толстой, Достоевский, Ломоносов, Менделеев, Гагарин, Чайковский, Королев. Одновременно значимую роль играет фигура действующего политического лидера.



Рис. 1. Образ русского народа в представлениях белорусских респондентов (n=213)<sup>1</sup>

<sup>1</sup> На рис. 1 и 2 представлены таблицы Вержеса, включающие: аналитическую категорию; частоту упоминания; долю упоминаний (%); средний ранг появления категории; структурную зону репрезентации. Границы зон определялись на основе медианных значений частоты и среднего ранга внутри соответствующего блока категорий.

Такое наложение особенно показательно: русские воспринимаются не только как носители определенных моральных качеств, но и как народ, представленный через литературу, науку, космос и актуальную политическую субъектность. Иначе говоря, образ России у белорусских респондентов организован не как простой набор этнопсихологических стереотипов, а как более сложная репрезентация, в которой культурное величие и политическая сила оказываются включенными в единое смысловое поле (см. рис. 1).

### **Результаты исследования: образ белорусов у русских**

#### ***Позитивные черты белорусского народа***

Позитивный образ белорусов у русских респондентов формируется прежде всего вокруг моральных и волевых качеств. Наиболее устойчивыми категориями выступают доброта и доброжелательность, дружелюбие и открытость, а также трудолюбие. Значимыми, хотя и менее центральными, оказываются также гостеприимство и радушие, честность и искренность, простота и скромность, спокойствие и сдержанность.

Содержательно это означает, что белорусы воспринимаются русскими респондентами прежде всего как «добрые», «открытые», «дружелюбные» и «трудолюбивые». В отличие от более сложных политизированных образов, здесь позитивная часть представления выглядит сравнительно цельной и мало конфликтной. Особенно показательно, что трудолюбие занимает не периферическое, а устойчивое место рядом с моральными характеристиками; тем самым образ белорусов строится не только как образ «приятных» людей, но и как образ надежных и работоспособных людей.

Вместе с тем уже на уровне положительных характеристик заметна и ограниченность образа. Он описывает белорусов прежде всего через обобщенные моральные черты, но слабо опирается на более дифференцированные культурные, исторические или социальные различия. Это важный результат для всей работы: позитивный образ присутствует, но он относительно общий и слабо детализированный.

#### ***Негативные черты белорусского народа***

Негативный блок ответов у русских респондентов выражен слабо. Значительная часть подвыборки либо вообще не называет отрицательных черт, либо затрудняется дать содержательный ответ. Среди тех характеристик, которые все же повторяются, выделяются хитрость и расчетливость, жадность, доверчивость и мягкотелость, а также в единичных случаях — лень, скрытность и недоверие.

Такое распределение указывает на слабую структурированность негативной репрезентации. В отличие от образов, где формируется отчетливое негативное ядро, здесь отрицательные характеристики немногочисленны, фрагментарны и не образуют устойчивой системной рамки. Для интерпретации особенно важно, что негативные характеристики имеют преимущественно повседневный, а не политико-исторический характер. Иначе говоря, русские респонденты, говоря о белорусах, скорее воспроизводят отдельные бытовые стереотипы, чем формируют конфликтную историческую схему восприятия народа в целом.

#### ***Достижения белорусского народа***

Блок, посвященный достижениям белорусского народа, демонстрирует заметно более низкий уровень когнитивной насыщенности образа, чем блок положительных качеств. Наиболее устойчивой категорией оказывается сельское хозяйство и связанная с ним продуктовая тема. Реже упоминаются промышленность и машиностроение, а также культура, литература и искусство. Существенная доля респондентов вообще не дает содержательного ответа.

Такое распределение показывает, что достижения белорусского народа в данном массиве ассоциируются, в основном, с сельским хозяйством и его продуктами, «хозяйственностью», тогда как культурные и технологические достижения занимают существенно более скромное место. Позитивная аффективная оценка не сопровождается столь же богатым знанием о достижениях народа.

#### ***Выдающиеся представители белорусского народа***

В образе белорусов у русских респондентов персонализированная репрезентация оказалась значительно более концентрированной и, в высокой степени, сведенной к действующему политическому лидеру. Абсолютно доминирующей фигурой здесь выступает действующий президент, А.Г. Лукашенко. При этом доля респондентов, не назвавших никого, почти сопоставима с числом тех, кто упомянул именно его. Все остальные персоналии — Янка Купала, Марк Шагал, Мулявин и «Песняры», Якуб Колас, С. Алексиевич, П. Машиеров — встречаются значительно реже и не формируют сопоставимого по силе культурного канона.

Это означает, что персонализированный образ белорусов в русской подвыборке строится прежде всего вокруг одной политической фигуры. Культурно-исторический слой присутствует, но заметно слабее и менее устойчив. В аналитическом плане это можно трактовать как признак слабой когнитивной разработанности культурного канона белорусского народа в русской подвыборке (см. рис. 2).



Рис. 2. Образ белорусского народа в представлениях русских респондентов (n=204)

### Сравнительный анализ образов русских и белорусов

Сопоставление двух подвыборок показывает, что взаимные представления русских и белорусов имеют не симметричный, а асимметричный характер. В обоих массивах позитивное ядро строится вокруг морально-этических, волевых и социальных качеств: доброты, открытости, доброжелательности, трудолюбия, гостеприимства. Это означает, что на базовом уровне образ «другого» в обеих группах сохраняет выраженно человеческое и этическое измерение. И русские, и белорусы склонны прежде всего описывать другой народ как совокупность морально оцениваемых качеств, а не как чисто политический объект.

Однако на этом сходство фактически заканчивается. Образ русских у белорусов оказывается более сложным, более внутренне напряженным и более политизированным. Позитивная часть этого образа сочетается с отчетливым негативным слоем, включающим не только бытовые претензии, но и политико-исторические интерпретации. Кроме того, в блоках достижений и персоналий белорусские респонденты демонстрируют сравнительно богатый культурно-исторический канон, в котором одновременно присутствуют классическая культура, наука, космос и государственно-политическая субъектность России.

Напротив, образ белорусов у русских выглядит заметно более благожелательным, но и более упрощенным. Негативный слой в нем слаб, фрагментарен и почти не имеет политико-исторической глубины. В блоке достижений образ белорусов существенно редуцирован и тяготеет к аграрно-производственной рамке. В блоке персоналий культурный канон оказывается слабым, а персонализированный образ концентрируется преимущественно вокруг одной политической фигуры.

Таким образом, различие между двумя массивами следует описывать не в терминах «кто относится лучше» или «хуже», а в терминах структуры репрезентации. Белорусская подвыборка воспроизводит образ русских как более крупного, исторически нагруженного и политически проблематизированного объекта. Русская подвыборка, напротив, воспроизводит образ белорусов как объекта более близкого, морально позитивного, но когнитивно менее разработанного. Иначе говоря, образ русских у белорусов сложнее и конфликтнее, а образ белорусов у русских — мягче, но заметно беднее по содержанию.

Для сравнительного анализа особенно важны два результата. Во-первых, позитивная моральная оценка другого народа вовсе не гарантирует когнитивной насыщенности его образа. Русские респонденты в целом тепло описывают белорусов,

но это теплое описание остается слабо детализированным. Во-вторых, более высокий уровень когнитивной насыщенности образа может сопровождаться не снижением, а усилением внутренней амбивалентности. Именно это видно в белорусской подвыборке, где богатое знание о России и русских сочетается с выраженным политико-историческим напряжением.

### Ограничения исследования

В ходе исследования были выявлены следующие ограничения, потенциально влияющие на интерпретацию полученных результатов:

**1. Проблема самоотбора респондентов.** Формат сбора данных (добровольное онлайн-анкетирование) влечет за собой неслучайный характер выборки. В исследование с большей вероятностью включаются лица, обладающие определенными характеристиками: повышенной мотивацией к участию, интересом к теме, доступом к соответствующим каналам коммуникации и т. д. Такой механизм отбора может снижать репрезентативность выборки, затруднять экстраполяцию результатов на генеральную совокупность.

**2. Отсутствие дифференцированного анализа социально-демографических характеристик.** В массиве данных представлены выборки с распределением по полу и возрасту, однако в анализе эти данные не используются для сегментации и сравнения групп. В частности: возрастные когорты (например, поколения, сформировавшиеся в период СССР, и поколения постсоветского периода) могут демонстрировать значимые различия в восприятии изучаемых явлений в социокультурном контексте; различия по представительству мужчин и женщин способны влиять на выраженность исследуемых показателей.

**3. Эффект социальной желательности.** При ответах на вопросы, касающиеся негативных личностных черт или социально неодобряемого поведения, респонденты склонны искажать свои истинные мнения и установки. Это может приводить к смещению данных: участники стремятся представить себя в более благоприятном свете. Особенно ярко данный эффект проявляется в вопросах, нацеленных на выявление негативно окрашенных характеристик.

**4. Влияние текущей информационной повестки.** Существует временной разрыв между датой публикации цитируемых исследований (2026) и моментом проведения исследования (2025 год), что может обуславливать расхождение в релевантности данных. Динамика социальных установок, культурных норм и медийного контекста

способна модифицировать как проявления изучаемых феноменов, так и способы их восприятия респондентами.

**5. Отсутствует четкая дифференциация понятий «русские», «белорусы».** Заголовок анкеты сформулирован как «исследование социально-психологических характеристик и черт русского и белорусского народов». Мы интерпретируем это «как культурно-этническая принадлежность». Однако, отсутствие в преамбулы анкеты явного разъяснения терминов и инструкций для респондентов может повысить вероятность субъективной интерпретации вопроса, что может создать риск разночтений при интерпретации данных: граждан РФ и РБ (политико-правовая категория); этнических русских и белорусов (культурно-этническая принадлежность); русскоязычное и белорусскоязычное население в целом (языковая общность). Что может затруднить сопоставление результатов с данными других исследований.

### Заключение

Проведенный сравнительный анализ показывает, что взаимное восприятие русских и белорусов строится на общей морально-этической и волевой основе, но расходится по степени когнитивной насыщенности, политизации и внутренней конфликтности. В обоих случаях другой народ описывается прежде всего через категории доброты, открытости, дружелюбия, трудолюбия и гостеприимства. Это указывает на наличие устойчивого позитивного этического регистра во взаимных представлениях.

Вместе с тем репрезентация русских у белорусских респондентов оказывается более многослойной. Она включает не только морально позитивный образ, но и выраженный негативный слой, в котором сочетаются бытовые претензии и политико-исторические интерпретации. Кроме того, этот образ поддерживается значительно более насыщенным знанием о достижениях и персоналиях. Русские выступают в нем как культурно и исторически значимый коллективный субъект, связанный с космосом, наукой, литературой, государственностью и политической властью.

Репрезентация белорусов у русских респондентов, напротив, выглядит более цельной в позитивной части и менее конфликтной в негативной. Однако за этой внешней благожелательностью скрывается более узкий и редуцированный образ: достижения белорусов описываются в основном через сельское хозяйство и продукцию, а персональный образ белорусского народа в значительной степени сжимается до одной политической

фигуры. Тем самым положительная аффективная оценка не сопровождается столь же богатым культурно-историческим знанием.

Итоговый вывод исследования состоит в том, что взаимные образы русских и белорусов не зеркальны. Они совпадают по моральному позитивному каркасу, но расходятся по уровню когнитивной разработанности и по степени политико-исторической проблематизации. Для белорусской подвыборки русские выступают как более крупный и сложный символический объект; для русской подвыборки белорусы — как более близкий и доброжелатель-

но воспринимаемый, но менее детализированный и менее культурно насыщенный объект.

С учетом ограничений массива все выводы корректно трактовать как характеристику структуры представлений внутри данного эмпирического корпуса. Тем не менее полученные результаты показывают высокую аналитическую продуктивность контент-анализа в логике Вержеса для исследования взаимных этносоциальных представлений и дают содержательную основу для дальнейшей интерпретации русско-белорусских символических отношений.

### Литература:

- Емельянова Т.П.* Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М.: ИП РАН, 2006.
- Московиси С.* Социальные представления // В кн.: Форгас Дж. (ред.) Социальное познание: взгляд на повседневное понимание. Лондон: Academic Press, 1981. С. 181.
- Снежкова И.А., Шалыгина Н.В.* (ред.) Образы России и Беларуси в представлениях молодежи двух стран в XXI веке: коллективная монография. Ин-т этнологии и антропологии РАН; Белорусский гос. ун-т. М.: ИЭА РАН. 2020. С. 5–16.
- Dany L., Urdapilleta I., Lo Monaco G.* Free associations and social representations: some reflections on rank-frequency and importance-frequency methods // *Quality & Quantity*. 2015. Vol. 49. № 2. P. 489–507.
- Lo Monaco G., Piermattéo A., Rateau P., Tavani J.-L.* Methods for Studying the Structure of Social Representations: A Critical Review and Agenda for Future Research // *Journal for the Theory of Social Behaviour*. 2017. Vol. 47. № 3. P. 306–331.
- Moliner P., Abric J.-C.* Central core theory // *The Cambridge Handbook of Social Representations* / ed. by G. Sammut, E. Andreouli, G. Gaskell, J. Valsiner. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. P. 83–95.
- Sammut G., Andreouli E., Gaskell G., Valsiner J.* Social representations: a revolutionary paradigm? // *The Cambridge Handbook of Social Representations* / ed. by G. Sammut, E. Andreouli, G. Gaskell, J. Valsiner. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. P. 3–11.
- Wachelke J., Wolter R.* Criteria for construction and report of prototypical analysis for social representations // *Psicologia: Teoria e Pesquisa*. 2011. Vol. 27. № 4. P. 521–526.
- Yzerbyt V.* Intergroup stereotyping // *Current Opinion in Psychology*. 2016. Vol. 11. P. 90–95.

## MUTUAL PERCEPTIONS OF RUSSIANS AND BELARUSIANS: A COMPARATIVE ANALYSIS OF OPEN-ENDED RESPONSES

© Olga N. Gagaeva

Postgraduate Student, Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia  
ova30@yandex.ru, ORCID: 0009-0007-7131-812X

The article presents a comparative analysis of the mutual social representations of Russians and Belarusians, based on the methodology of the theory of social representations. The study is based on the analysis of open responses from 417 respondents from Russia and Belarus. Content analysis was used as an empirical tool, following the logic of P. Verges's prototypical analysis. It was found that the mutual representations are not symmetrical: the image of Russians in Belarus is more complex and politicized, while the image of Belarusians in Russia is benevolent but less cognitively rich.

**Keywords:** Ethnosocial representations, interethnic relations, mutual stereotypes, content analysis, of prototypical analysis for social representations

## REFERENCES

- Emelianova T.* (2006). *Constructing Social Representations in the Context of Russian Society's Transformation*. Moscow: IP RAS.
- Moscovici S.* (1981). *Social Representations* // In J. Forgas (Ed.), *Social Cognition: Perspectives on Everyday Understanding*. London: Academic Press. P. 181.
- Snezhkova I., Shalygina N.* (2020). *Images of Russia and Belarus in the Representations of the Youth of the Two Countries in the 21st Century: Collective Monograph* / Ed. by I. A. Snezhkova, N. V. Shalygina; a team of authors; Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences; Belarusian State University. Moscow: IEA RAS. P. 5–16.
- Dany L., Urdapilleta I., Lo Monaco G.* (2015). Free associations and social representations: some reflections on rank-frequency and importance-frequency methods // *Quality & Quantity*. Vol. 49. № 2. P. 489–507.
- Lo Monaco G., Piermattéo A., Rateau P., Tavani J.-L.* (2017). Methods for Studying the Structure of Social Representations: A Critical Review and Agenda for Future Research // *Journal for the Theory of Social Behaviour*. Vol. 47. № 3. P. 306–331.
- Moliner P., Abric J.-C.* (2015). Central core theory // *The Cambridge Handbook of Social Representations* / ed. by G. Sammut, E. Andreouli, G. Gaskell, J. Valsiner. Cambridge: Cambridge University Press. P. 83–95.
- Sammut G., Andreouli E., Gaskell G., Valsiner J.* (2015). Social representations: a revolutionary paradigm? // *The Cambridge Handbook of Social Representations* / ed. by G. Sammut, E. Andreouli, G. Gaskell, J. Valsiner. Cambridge: Cambridge University Press. P. 3–11.
- Wachelke J., Wolter R.* (2011). Criteria for construction and report of prototypical analysis for social representations // *Psicologia: Teoria e Pesquisa*. Vol. 27. № 4. P. 521–526.
- Yzerbyt V.* (2016). Intergroup stereotyping // *Current Opinion in Psychology*. Vol. 11. P. 90–95.

## МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

### КОГНИТИВНЫЙ РЕСУРС КАК ПРОСТРАНСТВО СОСТОЯНИЙ С ВЕРОЯТНОСТНОЙ СТРУКТУРОЙ

© Горюнова Н.Б.

Кандидат психологических наук, Институт психологии РАН, Москва, Россия  
gorjunovanb@ipran.ru; ORCID: 0000-0001-8819-5903

Для цитирования:

Горюнова Н.Б.  
Когнитивный ресурс как пространство состояний с вероятностной структурой // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2026. Т. 6. № 2(19). С. 85-95.  
DOI: 10.38098/proceedings\_2026\_06\_02\_08

Goryunova N.B.  
Cognitive resource as a state space with probabilistic structure. Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2026, Vol. 6, No2(19), Pp. 85-95.  
DOI: 10.38098/proceedings\_2026\_06\_02\_08

В статье предлагается концептуализация конструкта «когнитивный ресурс» (КР) как пространства состояний с вероятностной структурой (далее вероятностного пространства состояний, ВПС), отражающего флюидную инфраструктуру когнитивной системы (КС). В отличие от классических трактовок ресурса как ограничения или исчерпаемого «запаса», КР рассматривается как контекстно-адаптивная возможность актуализации и перераспределения множества когнитивных элементов, взаимосвязанных с интенциональной и активационной структурами. На основе вероятностно-динамического подхода формулируется модель, в которой текущая мощность КР задается не объемом, а распределением вероятностей доступа к когнитивным конфигурациям (состояниям) в зависимости от требований задачи. Предлагаются операциональные индикаторы флюидности КР: (1) полнота и скорость реконфигурации когнитивных элементов при смене требований; (2) устойчивость и вариативность траекторий пере-

ходов между состояниями в задачах контроля, внимания и дивергентного мышления; (3) связь этих показателей с маркерами активации и усилия. Описывается дизайн верификации модели с использованием задач, чувствительных к перестройке когнитивных состояний, интерференции, вариативности стратегий, неопределенности и длительности нагрузки. Предполагается, что высокофлюидный КР проявляется как расширение репертуара доступных состояний и повышение вероятности продуктивных переключений, что обеспечивает как творческое, так и адаптивное поведение. Теоретическая новизна работы состоит в согласовании ресурсно-информационного подхода с современными нейрокогнитивными представлениями о метастабильной и вероятностной организации когнитивных архитектур.

**Ключевые слова:** когнитивный ресурс, флюидность, вероятностное пространство состояний, когнитивный контроль, когнитивное усилие, когнитивная функциональная избыточность

#### Введение

Фундаментальный вопрос обеспечения когнитивного функционирования в условиях ограничений, обусловленных индивидуальной морфологией мозга и изменчивостью среды, позволяет по-новому рассмотреть проблематику КР. Традиционно ресурс использовался для объяснения различий в выполнении задач, ограничений внимания, рабочей памяти, контроля, утомления и интерференции. Однако, несмотря на широкое применение, конструкт КР остается теоретически неоднородным и операционально недостаточно определенным, что требует его концептуального пересмотра.

В классических моделях КР трактуется как ограниченная величина (емкость, резерв или потенциал), распределяемый между конкурирующими когнитивными процессами. Подобные представления лежат в основе ресурсных моделей внимания, рабочей памяти и когнитивного усилия. Несмотря на их эвристическую ценность, они не объясняют контекстную изменчивость когнитивной эффективности, индивидуальные различия в стратегиях перераспределения усилия, а также феномены когнитивной функциональной избыточности (КФИ) и креативности.

Современные направления когнитивной науки (динамические, байесовские, предиктивные

и state-space модели) описывают когнитивную архитектуру как метастабильную, вероятностную и контекстно зависимую систему. Когнитивные состояния в этих подходах задаются распределениями вероятностей и траекториями переходов, определяемыми целями, неопределенностью и требованиями задачи. В этой перспективе представление о ресурсе как статическом ограничении не согласуется с данными о гибкости и адаптивности когнитивного функционирования.

Таким образом, актуальность работы определяется теоретической неразработанностью КР, ограниченностью «емкостных» интерпретаций, развитием вероятностно-динамических моделей и необходимостью его операционализации для эмпирического изучения флюидности и вариативности. Переосмысление КР как ВПС направлено на преодоление этих ограничений и формирование рамки, объединяющей теорию, моделирование и эмпирическое исследование.

#### **Концептуальный сдвиг от «ресурса как ограничения» к «ресурсу как возможности»**

В классических моделях понятие ресурса описывается в логике ограничений: КР мыслится как конечная величина, дефицит которой определяет пределы эффективности переработки информации. Такая интерпретация лежит в основе широкого спектра теоретических подходов — от ранних моделей внимания как единого ресурса до концепций множественных ресурсов, предполагающих наличие нескольких специализированных, но все же ограниченных источников когнитивной «мощности». В этих моделях снижение продуктивности, рост ошибок и замедление реакции объясняются перерасходом ресурса или его конкурирующим распределением между параллельными задачами.

Несмотря на объяснительную продуктивность такого подхода, трактовка ресурса как ограничения сталкивается с рядом системных проблем. Во-первых, она предполагает квазистатичность ресурса: его объем либо задан, либо изменяется медленно и монотонно (например, в результате утомления). Это плохо согласуется с эмпирическими данными, демонстрирующими быструю адаптацию КС к изменению требований задачи, спонтанную перестройку стратегий и нелинейные эффекты тренировки и мотивации. Во-вторых, «дефицитарная» модель ресурса не объясняет, каким образом система выбирает конкретный способ распределения ресурса и за счет каких механизмов возможна компенсация ограничений одних компонентов за счет других.

И наконец, представление ресурса как исчерпаемого запаса затрудняет описание феноменов, связанных с КФИ и творческой деятельностью. В ряде задач повышение сложности или неопределенности не приводит к линейному снижению эффективности, а, напротив, сопровождается появлением альтернативных стратегий, расширением репертуара решений и ростом вариативности поведения. Подобные эффекты трудно интерпретировать в терминах простого перерасхода ограниченного ресурса, но они естественным образом укладываются в представление о когнитивной системе как о гибкой, вероятностно организованной структуре.

Необходимость концептуального сдвига от «ресурса как ограничения» к «ресурсу как возможности» становится особенно очевидной в свете современных динамических и вероятностных моделей когнитивных процессов. В этих рамках ресурс перестает пониматься как количественный лимит и начинает интерпретироваться как совокупность потенциально доступных когнитивных конфигураций, актуализация которых зависит от контекста, целей и истории взаимодействия системы со средой. Ограничения при этом не исчезают, но смещаются с уровня «объема» на уровень **структуры** и распределения вероятностей: одни состояния становятся более доступными, другие — подавленными или нестабильными.

Такое понимание позволяет рассматривать КР как способность системы быстро и продуктивно реконфигурировать свои элементы, переключаться между альтернативными режимами обработки информации и находить функционально адекватные решения в условиях неопределенности. В этом случае снижение эффективности деятельности интерпретируется не как прямое «истощение» ресурса, а как сужение пространства доступных состояний или снижение вероятности переходов к продуктивным конфигурациям. Напротив, высокая когнитивная продуктивность связана с расширенным репертуаром состояний и устойчивыми траекториями их перестройки.

Таким образом, концептуальный переход от ресурса как ограничения к ресурсу как возможности отражает более общий сдвиг в когнитивной науке — от статических и емкостных моделей к динамическим, вероятностным и контекстно зависимым описаниям когнитивной архитектуры. Этот сдвиг создает теоретические основания для переопределения КР как ВПС и открывает возможности для его строгой операционализации и эмпирического исследования в рамках современной когнитивной психологии.

Целью статьи является разработка концепции КР как ВПС, отражающей флюидную, метастабильную когнитивную архитектуру. В этом подходе КР определяется через распределение вероятностей доступа к когнитивным конфигурациям и переходов между ними. Это позволяет преодолеть ограничения емкостных трактовки ресурса и согласовать модель с современными динамическими и вероятностными представлениями о когнитивных процессах.

Достижение цели включает уточнение статуса КР как системного свойства когнитивной архитектуры, выделение операциональных дескрипторов флюидности, вариативности и устойчивости состояний, разработку эмпирических подходов к их оценке в когнитивных задачах. Тем самым формируется концептуальная и методологическая основа интеграции ресурсного подхода с вероятностными когнитивными моделями и последующей эмпирической верификации новой концепции КР.

Научная новизна состоит в интеграции ресурсного подхода с вероятностно-динамическими моделями. КР переопределяется как системное свойство флюидной когнитивной архитектуры, описываемое через ВПС и динамику переходов. Разработка концепции КР с опорой на измеримые параметры (репертуар состояний, вероятности и устойчивость переходов, вариативность траекторий) позволяет интерпретировать контроль, усилие и адаптивность как эффекты перестройки ВПС, а не расхода «лимита», расширяя объяснительный потенциал подхода и задавая основу для его дальнейшего развития.

#### **Теоретические основания конструкта «когнитивный ресурс»**

В контексте ресурсно-информационного подхода КР определялся свойствами базовой нейрокогнитивной инфраструктуры, в частности способностью к симультанной актуализации нейрокогнитивных комплексов, обуславливающих релевантность ментальной модели, при этом скорость выступала производной от мощности КР. Опираясь на идеи Ч. Спирмена о  $g$ -факторе, КР рассматривался как «протоспособность» когнитивной сферы или общее основание интеллекта, креативности и обучаемости. Первоначально КР определялся как множество когнитивных элементов, одновременно задействованных в обработке информации при решении проблем. Мощность КР как совокупность активных и свободных элементов проявляется в предельных когнитивных показателях, при этом в каждый момент активна лишь их часть (Горюнова, Дружинин, 2000, 2001).

Предполагалось, что индивиды с более высокими когнитивными способностями обладают большей мощностью КР, что должно проявляться в интеллектуальной продуктивности. Временные и емкостные параметры КР как инфраструктуры познавательных способностей объясняют различные когнитивные феномены, от когнитивных искажений до ситуационных изменений различных когнитивных показателей (Воронин, Горюнова, 2016). Модель КР позволила объединить структурный (Anderson, 2007) и ресурсный (Канеман, 2006) подходы к объяснению эффектов интерференции.

#### **КФИ и творчество как проявление «свободного ресурса»**

В рамках классических ресурсных моделей КФИ, как правило, рассматривалась как побочный эффект, не имеющий самостоятельного теоретического статуса. Однако в контексте флюидной когнитивной архитектуры КФИ приобретает принципиально новое значение, поскольку отражает наличие альтернативных когнитивных конфигураций, способных обеспечивать решение задачи при изменении условий или нарушении привычных режимов обработки информации. Такая избыточность не сводится к дублированию функций, а проявляется как структурное разнообразие и вариативность способов организации когнитивной деятельности.

В рамках представлений о КР как ВПС функциональная избыточность может быть интерпретирована как расширение репертуара доступных состояний и увеличение числа допустимых траекторий переходов между ними. В этом смысле «свободный ресурс» не представляет собой неиспользованный объем когнитивной «мощности», а выражается в вероятностной доступности альтернативных конфигураций, которые не являются строго детерминированными текущими требованиями задачи. Чем выше КФИ, тем более гибкой и адаптивной становится КС, особенно в условиях неопределенности или слабой структурированности стимульной среды.

Творческое мышление в данном контексте может рассматриваться как проявления КФИ, смещения распределений вероятностей в ВПС таким образом, что ранее маловероятные или нестабильные состояния становятся доступными и функционально значимыми. Это сопровождается ростом вариативности когнитивных траекторий, ослаблением когнитивного контроля и повышением вероятности нестандартных переключений между репрезентациями и стратегиями.

Таким образом, КФИ и творчество выступают индикаторами высокой флюидности КР. Они отражают способность системы выходить за пределы доминирующих режимов обработки информации без утраты общей устойчивости КС. В терминах ВПС это означает сохранение баланса между стабильностью и вариативностью: КС поддерживает достаточную структурированность для целенаправленного действия, одновременно обеспечивая доступ к альтернативным состояниям, которые и составляют основу «свободного ресурса» и креативной продуктивности.

### Когнитивный контроль и усилие как регуляторные механизмы перераспределения ВПС

В современных когнитивных и нейрокогнитивных теориях когнитивного контроля (КК) и когнитивного усилия (КУ) явно прослеживается акцент в пользу моделей адаптивного выбора и перераспределения когнитивных возможностей (Farooqui et al., 2023; Gao et al., 2024; Master et al., 2024; Murray, Amaya, 2024; Obando et al., 2025; Saberi et al., 2024; Sayali et al., 2023; Seamans et al., 2025; Shenhav et al., 2013; Sun et al., 2024; Wu et al., 2024; Yang, Stocco, 2024). Так, например, в модели ожидаемой ценности контроля (*Expected Value of Control*) КУ интерпретируется как результат оценки выгод и издержек применения КК в конкретном контексте. КК активируется в зависимости от ожидаемого прироста эффективности и значимости результата, приобретая статус регуляторного механизма, управляющего доступом к различным режимам обработки информации (Shenhav et al., 2013).

Схожая логика лежит в основе подхода, в котором субъективное ощущение КУ связывается с альтернативными возможностями использования КС. КУ отражает не абсолютный уровень нагрузки, а относительную стоимость удержания системы в определенном режиме обработки по сравнению с другими потенциально доступными состояниями. Например, метаболические изменения при усталости увеличивают стоимость КК, что смещает решения в сторону действий, требующих минимальных КУ и приносящих немедленные вознаграждения (Pessiglione et al., 2025). В этом смысле КК выступает механизмом ограничения пространства возможностей, временно подавляющим альтернативные конфигурации ради выполнения текущей задачи (Agrawal et al., 2022; Inzlicht et al., 2018; Kurzban et al., 2013; Otto, Daw, 2019). Такая интерпретация хорошо согласуется с представлением о КР как ВПС, в котором пе-

рераспределение КУ выражается в изменении вероятностей доступа к различным состояниям.

В рамках концепций активного вывода и обработки прогнозируемой информации КК и КУ рассматриваются как следствие оптимизации вероятностных представлений и минимизации ожидаемой неопределенности (Cao et al., 2020; Euler, 2018; Parr et al., 2023; Pezzulo et al., 2024). КУ связано с повышением точности (*precision*) определенных предсказаний и сенсорных каналов, что фактически означает перераспределение в ВПС в пользу *целевых* когнитивных конфигураций. Таким образом, КК и КУ могут быть интерпретированы как процессы динамического сжатия и перестройки пространства доступных состояний, обеспечивающие адаптацию поведения без обращения к идее фиксированного или ограниченного ресурса.

### Метастабильная организация ВПС

Современные нейрокогнитивные исследования все чаще рассматривают когнитивные состояния не как дискретные и жестко локализованные единицы, а как динамические конфигурации активности, возникающие в результате активации распределенных нейронных ансамблей или комплексов (Marques et al., 2020). Такие конфигурации обладают временной устойчивостью, но при этом сохраняют способность к быстрой перестройке под воздействием внутренних и внешних факторов. Это свойство описывается понятием метастабильности, подчеркивающим баланс между устойчивостью когнитивных режимов и их потенциальной изменчивостью (Tognoli, Kelso, 2014; Champaud et al., 2025). Метастабильная организация позволяет когнитивной системе поддерживать функциональную целостность, не утрачивая гибкости и адаптивности.

В рамках динамического подхода когнитивные процессы описываются как траектории в многомерном ВПС, где каждое состояние соответствует определенной конфигурации активности и функциональных связей. Переходы между состояниями носят вероятностный характер и зависят от контекста задачи, уровня неопределенности и текущих регуляторных параметров. Такое описание лежит в основе подхода, в котором ключевыми объектами анализа становятся не отдельные процессы или модули, а структура ВПС, его аттракторы, границы устойчивости и динамика переходов между ними.

Метастабильность моделей ВПС создает теоретическую основу для формализации конструкта КР и объясняет, каким образом КС реализует корректное выполнение задач, сохраняя доступ к альтернативным режимам обработки информации. Предварительно КР можно рассматривать как ха-

рактическую ВПС, включающую степень его дифференцированности, плотности и переключений. Тем самым метастабильная организация когнитивных состояний формирует когнитивную инфраструктуру как флюидную систему возможностей, а не совокупность жестко ограниченных функций.

КР концептуально определяется в терминах динамического поля возможностей, задаваемого структурой и организацией ВПС. В данном контексте КР понимается как совокупность потенциально реализуемых когнитивных состояний и конфигураций, доступность которых определяется вероятностным образом. Ключевым параметром ресурса становится не объем, а форма распределения вероятностей в ВПС, отражающая, какие когнитивные элементы и способы их координации могут быть актуализированы в текущем контексте.

Такое переопределение позволяет рассматривать ограничения когнитивного функционирования не как следствие истощения ресурса, а как результат контекстного сужения поля возможностей. Под воздействием требований задачи, уровня неопределенности и регуляторных установок часть состояний становится высоковероятной и доминирующей, тогда как альтернативные конфигурации подавляются или переходят в зону низкой доступности. КУ и КК в этом случае выступают механизмами перераспределения вероятностей в ВПС, временно повышающими доступность целевых состояний за счет снижения вероятности альтернативных.

Контекстно-зависимая доступность когнитивных элементов отражает флюидный характер когнитивной архитектуры. Одни и те же структурные компоненты системы могут включаться в различные функциональные конфигурации в зависимости от целей и условий деятельности. В этом смысле высокий КР проявляется как широкое и дифференцированное поле возможностей, в котором система способна гибко переключаться между состояниями, не утрачивая общей устойчивости. Таким образом, КР как ВПС описывает не пределы КС, а ее потенциальную вариативность и адаптивную мощь.

### Определение и формализация ВПС

В естественно-научном подходе «состояние» — это совокупность параметров системы, позволяющая предсказать ее поведение. В когнитивном контексте оно понимается как функциональная конфигурация компонентов (внимания, рабочей памяти, контроля, гибкости и т. п.), обеспечивающая выполнение задачи. Такие состояния образуют континуум, различающийся по устойчивости, про-

дуктивности и контекстной релевантности, а ВПС задает структурированное множество возможных режимов когнитивного функционирования.

Более строго, ВПС — это формально заданное множество допустимых конфигураций системы, где каждая точка соответствует ее состоянию, а динамика определяется правилами или вероятностями переходов во времени. На когнитивном уровне ВПС — это множество возможных конфигураций КС, задаваемых значениями когнитивных переменных (внимание, рабочая память, контроль, активация), где каждое состояние представляет режим обработки, а динамика — траектории переходов между ними. Тем самым ВПС выступает как координатное пространство когнитивной архитектуры, где положение точки отражает конфигурацию системы, а форма распределения — КР.

Описание ВПС носит вероятностный характер и трактует когнитивную динамику как распределение доступности состояний. «Волновая» метафора указывает на то, что в каждый момент КС задается не одной конфигурацией, а профилем вероятностей, отражающим готовность к различным состояниям. Она используется исключительно как эвристика для описания непрерывности, перекрытия и контекстной изменчивости состояний и не предполагает обращения к квантовой онтологии.

Такое представление позволяет описывать КР не через фиксацию текущего состояния, а через форму и динамику вероятностного распределения в ВПС. Сужение или расширение этого распределения, а также смещение его мод в сторону определенных конфигураций отражают эффекты когнитивного контроля, усилия и адаптации. Тем самым ВПС выступает удобной концептуальной рамкой для анализа флюидной организации когнитивной архитектуры и механизмов ее перестройки в процессе деятельности.

Формализация допустимых конфигураций системы предполагает набор переменных, которые достаточно полно описывают систему и области их допустимых значений. Пусть КС описывается вектором состояния (конфигурация КС):

$$x(t) = (x_1(t), x_2(t), \dots, x_n(t))$$

где  $x_i$  — регуляторные или функциональные параметры системы,  $t$  — момент, в который фиксируется состояние системы (номер пробы или этап решения), указывая на изменение когнитивного состояния.

В качестве примера когнитивных осей могут выступать распределение внимания, точность

предсказаний, активность рабочей памяти, уровень когнитивного контроля, активация, текущая цель, степень неопределенности и т. д. Тогда пространство состояний (ПС) описывается геометрией возможных режимов работы системы:

$$S = X_1 \times X_2 \times \dots \times X_n$$

где  $X_i$  — допустимые конфигурации значений каждой оси.

Под допустимыми конфигурациями понимаются такие состояния системы, которые реализуемы с учетом ее структурных (морфология и связи), динамических (активация, возбуждение/торможение, временные константы), функциональных (ограничения внимания, рабочей памяти, контроля) и метаболических (расход энергии и экономия обработки) ограничений; тем самым ПС задается как подмножество реализуемых режимов когнитивной организации. Например, система не может одновременно быть в состоянии максимального контроля и максимальной спонтанности — такие точки запрещены геометрией пространства.

В каждый момент времени КС находится в конкретной конфигурации внимания, памяти, активации, контроля и т. д. Например, система может находиться в состоянии высокой фокусировки (высокий когнитивный контроль, низкая вариативность) или в состоянии творческого поиска (слабый контроль, широкая активация, высокая вариативность). Воплощенная когнитивно-биологическая архитектура, реализующая оптимизацию поведения, обуславливает когнитивную динамику через правила переходов.

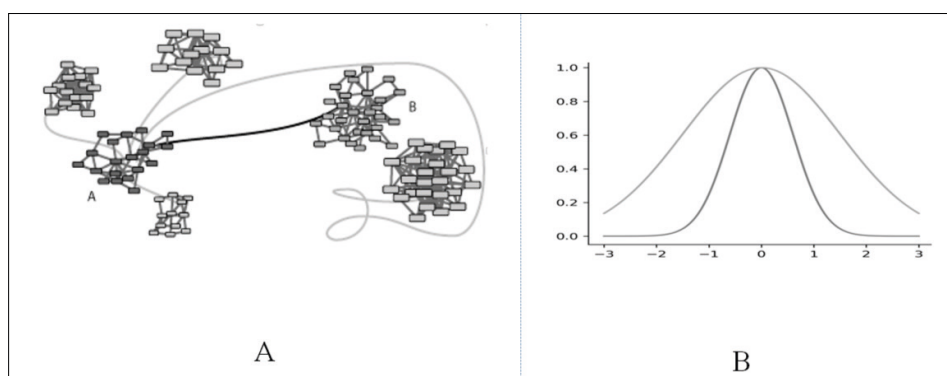
В упрощенном виде динамика переходов может быть представлена как:

$$P(x_{t+1} | x_t, u_t, s_t)$$

где  $X_t$  — текущее состояние;  $u_t$  — управляющие сигналы (контроль, цели, мотивация);  $s_t$  — стимулы и контекст.

Правила переходов представляют собой совокупность динамических операторов, задающих вероятности и направления изменения состояния системы под влиянием ошибок предсказания, регуляторных сигналов, требований задачи и стохастических флуктуаций; в совокупности они определяют траектории движения системы в пространстве состояний. На нейрональном уровне правила переходов задаются нейрональной архитектурой (в том числе морфологией мозга), ее возбудимостью и связями, на когнитивном уровне — механизмами внимания, контроля и рабочей памяти, на регуляторном — целями, мотивацией, усилиями, а на уровне среды — стимулами, неопределенностью, требованиями задачи, контекстом в более широком смысле.

В парадигме предиктивной обработки/активного вывода это выражается как минимизация ошибки предсказания, оптимизация ожидаемой ценности и перераспределение точности. Говоря о КР как ВПС, имеется в виду то, что ресурс — это форма и динамика доступных системе когнитивных режимов и легкость переключения между ними. Флюидная архитектура КР обеспечивается шириной пространства, скоростью переходов и стабильностью траекторий. Схематично это изображено на рис. 1.



**Рис. 1.** Схематическое изображение ВПС: (А) КР представлен как распределение вероятностей доступных когнитивных состояний, динамика описывается как траектории переходов между состояниями; (В) Флюидность ресурса определяется шириной и структурой распределения: узкое распределение соответствует ригидности и ограниченному репертуару состояний, тогда как широкое — повышенной вариативности и доступности альтернативных конфигураций

С учетом принципиальной неполноты и вероятностной природы когнитивных состояний ВПС можно определить как формально заданное мно-

жество всех допустимых конфигураций системы, определяемых набором переменных, релевантных ее организации, где каждая точка пространства со-

ответствует одной из возможных функциональных конфигураций, а ее текущее состояние представлено распределением вероятностей в этом пространстве; при этом динамика системы задается правилами переходов, определяющими эволюцию этого распределения во времени.

Представленная формализация носит преимущественно концептуально-эвристический характер и направлена на описание принципов организации когнитивных состояний, а не на построение завершенной вычислительной модели. Используемая математическая нотация служит средством структурирования предполагаемых отношений между параметрами ВПС и может рассматриваться как основа для последующей эмпирической и вычислительной разработки модели.

### **Флюидность КР и актуалгенез**

Флюидность КР проявляется прежде всего в подвижности конфигураций когнитивных элементов, при которой одни и те же компоненты КС способны входить в различные функциональные сочетания. Отсутствие жесткой привязки элементов к фиксированным процессам обеспечивает возможность быстрой перестройки когнитивной деятельности в зависимости от контекста.

Важной характеристикой флюидности является нелинейный характер перераспределения ресурса при изменении требований задачи. Небольшие изменения контекста или уровня неопределенности могут приводить к непропорциональным сдвигам в структуре ВПС, сопровождающимся переходом системы к новым режимам функционирования. Флюидность КР, таким образом, обеспечивает возможность качественных изменений в организации деятельности, формируясь как результат действия правил переходов, которые определяют форму и динамику распределения в ВПС.

Например, контроль (усиление/подавление) сжимает и направляет распределение, повышая устойчивость за счет ограничения доступных состояний; обновление по ошибке предсказания сдвигает его и ускоряет адаптацию. Инерция фиксирует текущее состояние, снижая вариативность и флюидность. Стохастичность расширяет распределение, увеличивая вероятность альтернативных конфигураций, а оптимизация концентрирует вероятность в функционально значимых областях. В совокупности эти правила задают баланс стабильности и изменчивости, определяющий флюидность КР как способность системы гибко перераспределять состояния под требования задачи.

Флюидность КР тесно связана с активационной динамикой КС. Изменения уровня активации

и регуляторного тонуса определяют вероятность актуализации тех или иных состояний в ВПС, влияя на скорость и устойчивость переходов между ними. В этом контексте активация выступает не как прямой источник ресурса, а как механизм, модулирующий структуру поля возможностей и обеспечивающий баланс между стабильностью текущей конфигурации и готовностью к ее перестройке.

В этом контексте особую важность приобретает понятие актуалгенеза, который в работе (Максимова и др., 2004) определяется как порождение новых моделей взаимодействия с миром в процессе актуализации ранее зафиксированных моделей взаимодействия, указывая на связь и синхронную актуализацию и генеза новых моделей. Согласно авторам, актуализация представляет собой формирование, генез нового взаимодействия с миром (с. 20).

В концепции КР актуалгенез — это процесс поэтапного порождения психического содержания в текущем акте деятельности, при котором потенциальные когнитивные структуры переходят в актуальное ПС под влиянием задачи, контекста и внутренних условий. Иными словами, это временная динамика перехода от латентных когнитивных репрезентаций к их актуальной (новой) конфигурации, обеспечивающей выполнение текущей когнитивной задачи. В качестве ключевых признаков актуалгенеза можно выделить процессуальность, контекстную обусловленность, многоуровневость и непрерывность, рассматривая его как процесс обновления латентного психического содержания в актуальное ВПС.

### **Верификация концепции КР как ВПС**

Операционализация КР как ВПС предполагает выделение параметров, позволяющих эмпирически описывать структуру и динамику когнитивных состояний. Одним из базовых параметров является *размерность* ВПС, которая задает степень дифференцированности когнитивной архитектуры и может интерпретироваться как количество функционально значимых компонентов (внимания, рабочей памяти, контроля и т. п.), обуславливающих доступные когнитивные конфигурации.

*Ширина распределения* в ВПС характеризует вариативность доступных когнитивных состояний. Узкое распределение указывает на доминирование ограниченного набора конфигураций и высокую степень фокусировки КС, тогда как широкое распределение отражает наличие альтернативных состояний и большую гибкость. Данный параметр может служить индикатором флюидности КР, поскольку он отражает способность системы поддерживать доступ к различным режимам обработки информации без потери общей функциональной согласованности.

*Скорость реконфигурации* отражает темп переходов между состояниями при изменении требований задачи и характеризует оперативную гибкость КС. *Устойчивость траекторий*, в свою очередь, описывает способность сохранять эффективность деятельности в условиях длительной или повторяющейся нагрузки. Совокупность этих параметров позволяет в дальнейшем перейти от абстрактного описания КР к его эмпирически проверяемой модели, в которой ресурс представлен как динамическая контекстно-зависимая инфраструктура.

Предполагается, что отдельные параметры ВПС могут быть косвенно оценены через поведенческие и психометрические показатели. Например, ширина распределения может операционализироваться через вариативность стратегий, распределение времени реакции или показатели поведенческой энтропии; скорость реконфигурации — через эффективность переключения между задачами; устойчивость траекторий — через сохранение продуктивности при длительной когнитивной нагрузке. В рамках данной статьи эти показатели рассматриваются как предварительные направления операционализации, требующие дальнейшей эмпирической проверки.

Операционализация КР как ВПС предполагает использование задач, чувствительных к перестройке когнитивных состояний, интерференции и вариативности стратегий. В качестве индикаторов могут выступать показатели эффективности в задачах переключения и интерференционного контроля (Stroop, Flanker, Simon task), отражающие скорость переходов между когнитивными конфигурациями и подавление конкурирующих реакций. Вариативность стратегий может оцениваться в задачах с множественными способами решения (Wisconsin Card Sorting Test, Tower of London / Tower of Hanoi), а свободный КР — в задачах на дивергентное мышление, позволяющих анализировать гибкость, оригинальность и смену стратегий.

Эмпирическая верификация концепции КР предполагает оценку ее конвергентной, дискриминантной и прогностической валидности. Конвергентная валидность может определяться связью параметров ВПС с показателями когнитивного контроля, переключения и усилия. Дискриминантная — через разграничение КР и емкости рабочей памяти

(operation span, reading span, n-back). Прогностическая валидность может оцениваться по успешности выполнения задач в условиях неопределенности, смены правил и дивергентного мышления. Предполагается, что более флюидная структура КР связана с большей вероятностью продуктивных переключений и когнитивной гибкостью.

### Заключение

Концептуально конструкт КР предлагается рассматривать как ВПС, где ключевым параметром выступает форма распределения вероятностей доступа к состояниям и характер переходов между ними в зависимости от контекста и требований задачи. Такая интерпретация согласуется с современными динамическими и вероятностными подходами в когнитивной науке (*state-space, predictive processing, active inference*) и позволяет переосмыслить контроль и усилие как механизмы перераспределения вероятностей (временного «свертывания» пространства возможностей в пользу целевых состояний). В этом же ключе функциональная избыточность и творческая продуктивность трактуются как признаки высокой флюидности, а именно расширения репертуара состояний и доступности альтернативных траекторий переходов без потери общей устойчивости системы.

Для операционализации конструкта КР как ВПС предложены параметры (размерность, ширина распределения, скорость реконфигурации и устойчивость траекторий) и критерии его валидации (конвергентной, дискриминантной, прогностической). Следует отметить, что предлагаемая модель не отрицает существование функциональных ограничений когнитивной системы, однако интерпретирует их не как фиксированный объем ресурса, а как контекстно обусловленное сужение пространства доступных состояний и снижение вероятности переходов к продуктивным конфигурациям. При этом ряд эффектов жесткой перегрузки, традиционно описываемых в рамках емкостных моделей, требует специального изучения в рамках ВПС-подхода. Кроме того, предложенные параметры ВПС пока остаются на эвристическом уровне, а соотношение модели КР с классическими емкостными подходами требует дополнительного анализа.

### Литература:

- Воронин А.Н., Горюнова Н.Б. Когнитивный ресурс: структура, динамика, развитие. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Горюнова Н.Б., Дружинин В.Н. Операциональные дескрипторы когнитивного ресурса и продуктивность решения тестовых задач и задач-головоломок // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 4. С. 21–29.
- Горюнова Н.Б., Дружинин В.Н. Операциональные дескрипторы ресурсной модели общего интеллекта // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 4. С. 57–64.

- Канеман Д. Внимание и усилие / Под ред. А.Н. Гусева. М.: Смысл, 2006.
- Максимова Н.Е., Александров И.О., Тихомирова И.В., Филиппова Е.В., Фомичева Л.Ф. Структура и актуалгенез субъекта с позиций системно-эволюционного подхода // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 1. С. 17–40.
- Agrawal M., Mattar M. G., Cohen J.D., Daw N.D. The temporal dynamics of opportunity costs: A normative account of cognitive fatigue and boredom // *Psychological Review*. 2022. Vol. 129(3). P. 564–585. DOI: 10.1037/rev0000309.
- Anderson J.R. How can the human mind exist in the physical universe? New York, NY: Oxford University Press. 2007.
- Cao R., Pastukhov A., Aleshin S., Mattia M., Braun J. Instability with a purpose: how the visual brain makes decisions in a volatile world. 2020. bioRxiv. DOI:10.1101/2020.06.09.142497.
- Champaud J.-L.-Y., Asite S., Fabrizi L. Development of brain metastable dynamics during the equivalent of the third gestational trimester // *Developmental Cognitive Neuroscience*. 2025. Vol. 73. Art. 101556.
- Euler M.J. Intelligence and uncertainty: Implications of hierarchical predictive processing for the neuroscience of cognitive ability // *Neuroscience and Biobehavioral Reviews*. 2018. Vol. 94. P. 93–112.
- Farooqui A.A., Gezici T., Manly T. Chunking of Control: An Unrecognized Aspect of Cognitive Resource Limits // *Journal of Cognition*. 2023. Vol. 6(1). P. 1–25. DOI: <https://doi.org/10.5334/joc.275>
- Gao M., Turner B.M., Sloutsky V.M. The Role of Attention in Category Representation // *Cognitive Science*. 2024. Vol. 48. Art. e13438.
- Inzlicht M., Shenhav A., Olivola C.Y. The Effort Paradox: Effort Is Both Costly and Valued // *Trends in Cognitive Sciences*. 2018. Vol. 22(4). P. 337–349.
- Kurzban R., Duckworth A., Kable J.W., Myers J. An opportunity cost model of subjective effort and task performance // *Behavioral and Brain Sciences*. 2013. Vol. 36. P. 661–679.
- Marques J.C., Li M., Schaak D., Robson D.N., Li J.M. Internal state dynamics shape brainwide activity and foraging behaviour // *Nature*. 2020. Vol. 577. P. 239–243. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41586-019-1858-z>.
- Master S.L., Li S., Curtis C.E. Trying Harder: How Cognitive Effort Sculpts Neural Representations during Working Memory // *Journal of Neuroscience*. 2024. Vol. 44(28). Art. e0060242024.
- Murray S., Amaya S. The strategic allocation theory of vigilance // *WIREs Cognitive Science*. 2024. Vol. 15(6). Art. e1693. DOI: 10.1002/wcs.1693.
- Obando J.A.M., Musslick S., Cohen J.D. Learning expectations shape cognitive control allocation // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2025. Vol. 122(44). Art. e2416720122. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.2416720122>.
- Otto A.R., Daw N.D. The Opportunity Cost of Time Modulates Cognitive Effort // *Neuropsychologia*. 2019. V. 123. P. 92–105.
- Parr T., Holmes E., Friston K.J., Pezzulo G. Cognitive effort and active inference // *Neuropsychologia*. 2023. Vol. 184. Art. 108562.
- Pessiglione M., Blain B., Wiehler A., Naik S. Origins and consequences of cognitive fatigue // *Trends in Cognitive Sciences*. 2025. Vol. 29(8). P. 730–749. DOI: 10.1016/j.tics.2025.02.005.
- Pezzulo G., Parr T., Friston K. Active inference as a theory of sentient behavior // *Biological Psychology*. 2024. Vol. 186. Art. 108741.
- Saberi M., Rieck J.R., Golafshan S. et al. The brain selectively allocates energy to functional brain networks under cognitive control // *Scientific Reports*. 2024. Vol. 14. Art. 32032. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41598-024-83696-7>.
- Sayali C., Heling E., Cools R. Learning progress mediates the link between cognitive effort and task engagement // *Cognition*. 2023. Vol. 236. Art. 105418. DOI: 10.1016/j.cognition.2023.105418.
- Seamans J.K., Emberly E., White S., Morningstar M., Linsenbardt D., Ma B., Czachowski C.L., Lapish C.C. Neural basis of cognitive control signals in anterior cingulate cortex during delay discounting // bioRxiv (Preprint). 2025. DOI: 10.1101/2024.06.07.597894.
- Shenhav A., Botvinick M., Cohen J.D. The expected value of control: An integrative theory of anterior cingulate cortex function // *Neuron*. 2013. Vol. 79(2). P. 217–240.
- Sun H., Rosenblatt M., Dadashkarimi J., Rodriguez R., Tejaviubulya L., Scheinost D. Edge-centric network control on the human brain structural network // *Imaging Neuroscience*. 2024. Vol. 2. DOI: [https://doi.org/10.1162/imag\\_a\\_00191](https://doi.org/10.1162/imag_a_00191).
- Tognoli E., Kelso J.A. The metastable brain // *Neuron*. 2014. Vol. 81(1). P. 35–48. DOI: 10.1016/j.neuron.2013.12.022.

Wu Z., Huang L., Wang M., He X. Development of the brain network control theory and its implications // *Psychoradiology*. 2024. DOI: 10.1093/psyrad/kkae028.

Yang Y.C., Stocco A. Allocating mental effort in cognitive tasks: A model of motivation in ACT-R cognitive architecture // *Topics in Cognitive Science*. 2024. Vol. 16. P. 74–91.

## COGNITIVE RESOURCE AS A STATE SPACE WITH PROBABILISTIC STRUCTURE

© Natalia B. Goryunova

PhD in psychology, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia  
gorjunovanb@ipran.ru; ORCID: 0000-0001-8819-5903

The article proposes a conceptualization of the construct “cognitive resource” (CR) as a state space with a probabilistic structure (hereafter, a probabilistic state space, PSS), reflecting the fluid architecture of the cognitive system (CS). Unlike classical interpretations of resource as a limitation or exhaustible “reserve,” CR is viewed as a context-adaptive opportunity for the actualization and redistribution of multiple cognitive elements interconnected with intentional and activation structures. Based on the probabilistic-dynamic approach, a model is formulated in which the current capacity of the CR is determined not by the volume, but by the distribution of probabilities of access to cognitive configurations (states) depending on the task requirements. Operational indicators of the fluidity of the CR are proposed: (1) the completeness and speed of reconfiguration of cognitive elements when changing requirements; (2) the stability and variability of trajectories of transitions between states in tasks of control, attention, and divergent thinking; (3) the relationship of these indicators with markers of activation and effort. A design for verifying the model is described using tasks sensitive to the restructuring of cognitive states, interference, variability of strategies, uncertainty, and duration of the load. It is assumed that highly fluid CR is manifested as an expansion of the repertoire of available states and an increase in the probability of productive switches, which ensures both creative and adaptive behavior. The theoretical novelty of this work lies in its alignment of the resource-information approach with modern neurocognitive concepts of the metastable and probabilistic organization of cognitive architectures.

**Keywords:** cognitive resource, fluidity, probabilistic state space, cognitive control, cognitive effort, cognitive functional redundancy

## REFERENCES

- Voronin A.N., Goryunova N.B. (2016). Cognitive resources: structure, dynamics, development. Moscow: Publishing House “Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences”.
- Goryunova N.B., Druzhinin V.N. (2001). Operational descriptors of a cognitive resource and the productivity of solving test tasks and puzzle tasks // *Psychological Journal*. Vol. 22. No. 4. P. 21–29.
- Goryunova N.B., Druzhinin V.N. (2000). Operational descriptors of the resource model of general intelligence // *Psychological Journal*. Vol. 21. No. 4. P. 57–64.
- Kahneman D. (2006). Attention and effort / Edited by A.N. Gusev, Moscow: Smysl.
- Maksimova N.E., Alexandrov I.O., Tikhomirova I.V., Filippova E.V., Fomicheva L.F. (2004). The structure and actualgenesis of the subject from the perspective of a systemic evolutionary approach // *Psychological Journal*. Vol. 25. No. 1. P. 17–40.
- Agrawal M., Mattar M.G., Cohen J.D., Daw N.D. (2022). The temporal dynamics of opportunity costs: A normative account of cognitive fatigue and boredom // *Psychological Review*. Vol. 129(3). P. 564–585. DOI: 10.1037/rev0000309.
- Anderson J.R. (2007). How can the human mind exist in the physical universe? New York, NY: Oxford University Press.
- Cao R., Pastukhov A., Aleshin S., Mattia M., Braun J. (2020). Instability with a purpose: how the visual brain makes decisions in a volatile world. bioRxiv. DOI:10.1101/2020.06.09.142497.
- Champaud J.-L.-Y., Asite S., Fabrizi L. (2025). Development of brain metastable dynamics during the equivalent of the third gestational trimester // *Developmental Cognitive Neuroscience*. Vol. 73. Art. 101556.

- Euler M.J.* (2018). Intelligence and uncertainty: Implications of hierarchical predictive processing for the neuroscience of cognitive ability // *Neuroscience and Biobehavioral Reviews*. Vol. 94. P. 93–112.
- Farooqui A.A., Gezici T., Manly T.* (2023). Chunking of Control: An Unrecognized Aspect of Cognitive Resource Limits // *Journal of Cognition*. Vol. 6(1). P. 1–25. DOI: <https://doi.org/10.5334/joc.275>
- Gao M., Turner B.M., Sloutsky V.M.* (2024). The Role of Attention in Category Representation // *Cognitive Science*. Vol. 48. Art. e13438.
- Inzlicht M., Shenhav A., Olivola C.Y.* (2018). The Effort Paradox: Effort Is Both Costly and Valued // *Trends in Cognitive Sciences*. Vol. 22(4). P. 337–349.
- Kurzban R., Duckworth A., Kable J.W., Myers J.* (2013). An opportunity cost model of subjective effort and task performance // *Behavioral and Brain Sciences*. Vol. 36. P. 661–679.
- Marques J.C., Li M., Schaak D., Robson D.N., Li J.M.* (2020). Internal state dynamics shape brainwide activity and foraging behaviour // *Nature*. Vol. 577. P. 239–243. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41586-019-1858-z>.
- Master S.L., Li S., Curtis C.E.* (2024). Trying Harder: How Cognitive Effort Sculptures Neural Representations during Working Memory // *Journal of Neuroscience*. Vol. 44(28). Art. e0060242024.
- Murray S., Amaya S.* (2024). The strategic allocation theory of vigilance // *WIREs Cognitive Science*. Vol. 15(6). Art. e1693. DOI: [10.1002/wcs.1693](https://doi.org/10.1002/wcs.1693).
- Obando J.A.M., Musslick S., Cohen J.D.* (2025). Learning expectations shape cognitive control allocation // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. Vol. 122(44). Art. e2416720122. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.2416720122>.
- Otto A.R., Daw N.D.* (2019). The Opportunity Cost of Time Modulates Cognitive Effort // *Neuropsychologia*. Vol. 123. P. 92–105.
- Parr T., Holmes E., Friston K.J., Pezzulo G.* (2023). Cognitive effort and active inference // *Neuropsychologia*. Vol. 184. Art. 108562.
- Pessiglione M., Blain B., Wiehler A., Naik S.* (2025). Origins and consequences of cognitive fatigue // *Trends in Cognitive Sciences*. Vol. 29(8). P. 730–749. DOI: [10.1016/j.tics.2025.02.005](https://doi.org/10.1016/j.tics.2025.02.005).
- Pezzulo G., Parr T., Friston K.* (2024). Active inference as a theory of sentient behavior // *Biological Psychology*. Vol. 186. Art. 108741.
- Saberi M., Rieck J.R., Golafshan S. et al.* (2024). The brain selectively allocates energy to functional brain networks under cognitive control // *Scientific Reports*. Vol. 14. Art. 32032. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41598-024-83696-7>.
- Sayali C., Heling E., Cools R.* (2023). Learning progress mediates the link between cognitive effort and task engagement // *Cognition*. Vol. 236. Art. 105418. DOI: [10.1016/j.cognition.2023.105418](https://doi.org/10.1016/j.cognition.2023.105418).
- Seamans J.K., Emberly E., White S., Morningstar M., Linsenhardt D., Ma B., Czachowski C.L., Lapiush C.C.* (2025). Neural basis of cognitive control signals in anterior cingulate cortex during delay discounting // *bioRxiv* (Preprint). DOI: [10.1101/2024.06.07.597894](https://doi.org/10.1101/2024.06.07.597894).
- Shenhav A., Botvinick M., Cohen J.D.* (2013). The expected value of control: An integrative theory of anterior cingulate cortex function // *Neuron*. Vol. 79(2). P. 217–240.
- Sun H., Rosenblatt M., Dadashkarimi J., Rodriguez R., Tejavibulya L., Scheinost D.* (2024). Edge-centric network control on the human brain structural network // *Imaging Neuroscience*. Vol. 2. DOI: [https://doi.org/10.1162/imag\\_a\\_00191](https://doi.org/10.1162/imag_a_00191).
- Tognoli E., Kelso J.A.* (2014). The metastable brain. // *Neuron*. Vol. 81(1). P. 35–48. DOI: [10.1016/j.neuron.2013.12.022](https://doi.org/10.1016/j.neuron.2013.12.022).
- Wu Z., Huang L., Wang M., He X.* (2024). Development of the brain network control theory and its implications // *Psychoradiology*. DOI: [10.1093/psyrad/kkae028](https://doi.org/10.1093/psyrad/kkae028).
- Yang Y.C., Stocco A.* (2024). Allocating mental effort in cognitive tasks: A model of motivation in ACT-R cognitive architecture // *Topics in Cognitive Science*. Vol. 16. P. 74–91.

## ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ВЕГЕТАТИВНОЙ НЕРВНОЙ СИСТЕМЫ В ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПУБЛИКАЦИЯХ: ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ

© Соловова Н.А.

Кандидат психологических наук, Финансовый университет при Правительстве  
Российской Федерации, Москва, Россия  
solovovana@gmail.com; ORCID: 0000-0002-1112-0759

© Алексеева Е.А.

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия  
liza.alekseeva.msk@gmail.com; ORCID: 0009-0000-5816-2780

© Мельников Ю.Б.

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия  
Mr.yuri1802@mail.ru; ORCID: 0009-0000-2298-159X

Для цитирования:

Соловова Н.А., Алексеева Е.А.,  
Мельников Ю.Б.

Использование показателей вегетативной нервной системы в психологических публикациях: обзор исследований // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2026. Т. 6. №2(19). С. 96-109.

DOI: 10.38098/proceedings\_2026\_06\_02\_09

Solovova N.A., Alekseeva E.A.,  
Melnikov Yu.B.

The use of autonomic nervous system measures in psychological publications: a review of research. Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2026, Vol. 6, No2(19), Pp. 96-109.

DOI: 10.38098/proceedings\_2026\_06\_02\_09

Исследование выполнено за счет бюджетных средств  
по государственному заданию Финуниверситета

Цель статьи — определить наиболее информативные для психологических исследований показатели активности ВНС. Статья представляет собой аналитический обзор исследований, проведенных с использованием методов, фиксирующих периферические показатели активности вегетативной нервной системы и опубликованных в высокорейтинговых журналах в течение последних пяти лет. Поиск осуществлялся по базам eLibrary, КиберЛенинка, ResearchGate. Рассмотрены основные показатели активности вегетативной нервной системы, применяемые как комплексно, так и по отдельности, а также проанализирована их информативность для психологических исследований.

**Ключевые слова:** психофизиологические методы, вариабельность сердечного ритма, ВСР, полиграф, кожно-гальваническая реакция, КГР

### Введение

Современные исследования все чаще носят междисциплинарный характер, что позволяет углубить и расширить представление об изучаемых феноменах, например, объединение нейронаук, психофизиологии и психологии позволяет комплексно и системно изучать человека как целое. Целью статьи является определение наиболее информативных для психологических исследований показателей активности ВНС. Актуальность такой постановки вопроса связана с необходимостью достижения междисциплинарной релевантности проводимых исследований, что предполагает согласование используемого тезауруса, подходов и методов исследования, а также единообразия в интерпретации зафиксированных результатов. Только в этом случае полученные результаты будут полезны для представителей разных научных дисциплин: и психологов, и физиологов, и психодиагностов.

Использование физиологических показателей при исследовании психологических феноменов отражает системное видение функционирования организма, когда реализуемое целенаправленное поведение является результатом взаимодействия индивидуальных особенностей человека, пути его развития (социализации) и актуальной окружающей действительности. При таком подходе целесообразным является обращение к понятию функциональных систем (Анохин, 1973). Проводя анализ динамики психофизиологических маркеров, мы, следуя за идеями приверженцев системного подхода в психофизиологии, рассматриваем «общеорганизменные», а не общемозговые функции (Анохин, 1973; Александров, 1989; Арутюнова, Александров, 2019; Бахчина и др., 2024 и мн. др.). Понимание, что свой вклад в достижение полезного результата вносят все системы организма, не исключает многообразия комбинаций

активности различных функциональных систем, что проявляется как: «существование некоторой степени специфичности в активности висцеральных компонентов реализуемых ФС по отношению к конкретному поведению» (Бахчина и др., с. 133). То есть поведение, направленное на достижение результата, сопровождается одновременной активностью нескольких систем, при этом одна и та же система участвует в реализации ряда разных активностей.

Работа нервных центров, координирующая активность тех или иных функциональных систем, может быть зафиксирована различными способами, например за счет фиксации активности как центральных, так и периферических компонентов. В данной статье мы ограничимся анализом только периферических показателей.

Применение физиологических методик позволяет опираться на объективные данные, минимально подверженные сознательному контролю, и более четко фиксировать динамические изменения, эта идея не нова и отмечается многими исследователями (Барыкина и др., 2025; Белинский и др., 2023; Хавыло и др., 2023). Однако показатели активности вегетативной нервной системы отличаются высокой степенью неспецифичности и полифункциональности (Черноризов и др., 2024), что затрудняет интерпретацию полученных результатов и прямое, однозначное сопоставление физиологических процессов с психологическими феноменами. Физиологические параметры демонстрируют более высокую чувствительность, например, при распознавании лжи, при отсутствии когнитивных, лингвистических и поведенческих проявлений у обследуемого (Nguyen et al., 2025), однако увеличение интенсивности физиологических сигналов не повышает точность дифференциации лжи (Gunderson et al., 2023), что свидетельствует о том, что наличие изменений в функционировании, возникающее при воздействии различных стимулов, не обязательно способствует росту осознания происходящего самим испытуемым и не обязательно является отражением динамики, вызванной именно изучаемым фактором. В связи с чем сами по себе изменения не могут выступать единственными критериями оценки. Таким образом, имеется чувствительный и мало подверженный сознательному контролю инструментарий, а интерпретация полученных данных остается неоднозначной и дискуссионной.

Сложность сопоставления результатов исследований, выполненных в рамках разных научных специальностей, заключается в том, что одни и те же физиологические показатели мо-

гут измеряться и как единичные, и как входящие в комплексные маркеры разных психологических явлений, что актуализирует необходимость их систематизации. В связи с чем цель статьи — определить наиболее информативные для психологических исследований показатели активности ВНС — обретает особую актуальность.

Данная цель предполагает поэтапное решение следующих задач:

1. Провести теоретический анализ исследований, включающих измерение показателей ВНС и отслеживание их динамики.
2. Выделить наиболее часто используемые показатели ВНС и определить контекст их интерпретации.
3. Оценить согласованность интерпретации измеряемых показателей в качестве индикаторов психологических явлений.
4. Определить показатели активности ВНС, являющиеся наиболее информативными для комплексных психологических исследований.

#### Материалы и методы исследования

Научная проблема исследования заключается в том, что публикации, в которых используются психофизиологические методы при исследовании психологических феноменов, многочисленны и разнообразны, и данная работа — попытка их сопоставить и систематизировать. Для реализации поставленной цели анализировались отечественные и зарубежные статьи, соответствующие теме исследования и опубликованные в ведущих высокорейтинговых журналах за последние пять лет. Поиск осуществлялся по ключевым словам: полиграф, полиграфия, психофизиологические методы, ВСР, вариабельность сердечного ритма, КГР, кожно-гальваническая реакция, ЭАК, электрическая активность кожи по базам eLibrary, КиберЛенинка, ResearchGate. В подборку включались журналы, входящие в ЕГПНИ, RSCI, «Ядро РИНЦ». Работы, выполненные на основании таких методов визуализации активности работы головного мозга, как ЭЭГ, МРТ, МЭГ и т. д., заслуживают отдельного анализа и не включались в обзор.

#### Результаты исследования

**Комплексы вегетативных показателей в психологических исследованиях.** Применение нескольких показателей работы вегетативной нервной системы одновременно доступно при проведении исследования с использованием полиграфа, записывающего параллельно результаты активности дыхательной, сердечно-сосудистой систем, электрической активности кожи, движений и др.

Наиболее распространенное и дискуссионное применение полиграфа — детекция лжи, которая последнее время стала находить отражение не только в описании прикладного применения, но и в фундаментальных научных исследованиях. В современной науке нет единого взгляда на причины, вызывающие изменения в активности систем организма, которые фиксируются датчиками и затем анализируются полиграфологом. Разрабатываются различные модели, проверяется их валидность и критерии для интерпретации результатов. Например, существуют подходы, интерпретирующие результаты изменения активности периферических компонентов вегетативной нервной системы как маркеры сознательно скрываемой информации (Учаев, Александров, 2022), идеальных следов событий прошлого (Майлис, Холодный, 2024), информации о преступлении, которой владеет испытуемый (Свободный, Свободный, 2024). То есть при тестировании испытуемого, скрывающего информацию, динамика показателей ВНС не отражает непосредственно ложь, а показывает напряжение, связанное со страхом разоблачения, возбуждение, вызванное значимостью воспоминаний или предъявляемых событий. Основные теоретические модели специальных психофизиологических исследований с использованием полиграфа достаточно полно описаны как отечественными (Азарова, Хавыло, 2025; Виноградов, Ульянина, 2022; Майлис, Холодный, 2024 и др.), так и зарубежными (Honts et al., 2021; Rad et al., 2024) авторами. Анализируя применение полиграфа в научных исследованиях, стоит отметить, что одновременное использование нескольких показателей обеспечивает большую надежность тестирования, поскольку позволяет отслеживать артефакты, обусловленные взаимодействием систем, например, глубокий вдох или интенсивный выдох ведут к изменению амплитуды кожно-гальванической реакции, артериального давления и амплитуды на фотоплетизмограмме (Князев, Варламов, с. 172; Пеленицын, Сошников, с. 194). Однако имеются альтернативные взгляды, например, что «при экспертном анализе полиграфных тестов учитывается канал электрического сопротивления кожи (КГР), а дыхание и плетизмограмма могут использоваться, но не обязательно.

Артериальное давление считается неинформативным и не учитывается при расчете, хотя записывается для суда» (Молчанов и др., 2025, с. 114). Именно фиксация активности нескольких систем совместно с применением психологических планов исследования, на наш взгляд, является достоинством подхода, поскольку такая модель приближает к отражению картины в целом. Поэтому начнем анализ публикаций именно с полиграфа и сосредоточим основное внимание на его применении в эмпирических исследованиях и подходах к сопоставлению и анализу полученных данных, а затем рассмотрим взгляды на информативность различных каналов регистрации данных.

За период 2020–2025 годы в русскоязычных журналах, входящих в перечень ВАК/ЕГПНИ, по ключевым словам «полиграф», «полиграфия» было найдено 45 публикаций (46, но одна публикация дублировалась), из которых 18 представлены анализом литературных источников, они не включены в анализ, но мы будем ссылаться на них при обосновании данных, в 15 статьях изучаются различные аспекты тестирования на полиграфе, отношение к нему, рассматриваются обобщенные статистические данные, связанные с полиграфными проверками, но не приводятся ни психофизиологические показатели, ни их параметры, ни процедура их получения и анализа, либо акцент сделан на методах визуализации работы головного мозга, а не на периферических показателях. Данные публикации исключены из анализа. Остальные 12 статей представляют эмпирические исследования. Из них в шести публикациях использовано несколько датчиков (в трех описывались и анализировались несколько показателей (Купцова, Дворянчиков, 2023; Андронникова, 2025; Портнова и др., 2022); в трех других анализировались результаты по двум датчикам (Хавыло и др., 2023; Малахов и др., 2023) или по одному (Учаев, Александров, 2021), при записи минимум двух показателей (см. табл. 1), в шести указана запись только с одного периферического датчика (или кожно-гальванической реакции, или показатели сердечно-сосудистой системы), и они будут рассмотрены далее, в разделе с анализом отдельных систем.

**Таблица 1.** Публикации, содержащие эмпирические исследования с использованием нескольких датчиков полиграфа, фиксирующих показатели ВНС, в русскоязычных журналах

Автор(ы), что изучали	Показатели и их интерпретация	Информативность
Купцова, Дворянчиков, 2023 Значимость проверяемой темы при скрининге	Длина линии дыхания ДЛД — (разница и отношение), Пик амплитуды ЭАК, Подъем нижней огибающей АД, Амплитуда пульсовой волны (по ФПГ) Вычисляли <i>индекс дифференциальной реактивности</i> Увеличение (кроме ДЛД и ФПГ) свидетельствовало о значимости темы	Дискриминантные модели: Параметр отношение фон/реакция для ДЛД и амплитуды кардиоцикла ФПГ не влияли на точность модели (низкая информативность) Параметр разница фон/реакция для ДЛД и ФПГ — их использование возможно, исключение не снижало точность модели Кратковременный подъем АД наиболее информативен, его исключение снижает точность модели ЭАК вносит вклад в точность, хотя не занял лидирующих позиций
Андронникова, 2025 Уровень активации нервной системы при актуализации травматического воспоминания как маркер виктимизации	<i>Индекс АВР</i> (амплитуда вегетативных реакций) рассчитывалась как $ABP = \Delta KGR + \Delta ЧСС - \Delta HF$ BCP (дельта — разница между фоновым уровнем и уровнем при воспоминании). Высокое значение (в условных единицах) говорит о переработанной травме	ABP при воспоминании травматических событий отличалась от фона Высоковиктимные люди имели значимо более высокий индекс АВР ABP значимо предсказывает уровень виктимизации
Портнова и др., 2022 Вегетативные реакции в ответ на увеличивающуюся сложность задач	РД (рекурсии дыхания), ЭКГ: ЧСС, LF/F — индекс вагосимпатического взаимодействия, BCP — lnRMSSD КГР — средняя амплитуда и ст. откл. (ЭАК)	Рассматривали значения для каждого уровня сложности задач ЧСС нет значимых различий ЧСС (LF/HF) сначала значимое уменьшение, затем рост, затем уменьшение lnRMSSD уменьшение, затем увеличение средн. ампл. КГР рост, уменьшение, рост ЧДД сначала рост, затем уменьшение Показали сложную динамику вегетативных показателей при решении задач разного уровня, которую нельзя объяснить только увеличением симпатического влияния Могут рассматриваться как маркеры эффективности решения задач
Хавыло, Устенко, Енгальцев, 2023 Физиологические реакции при просмотре стрессогенного видеоматериала	Анализировали только количество всплесков ЭАК, частоту пульса в начале и в конце демонстрации. (Записывали ФПГ, дыхание, ЭАК, движения)	Отрицательная корреляция между экстраверсией и количеством всплесков ЭАК и частотой пульса в начале и в конце демонстрации стрессогенного контента
Малахов и др., 2023 Оптимизация параметров обработки сигнала	КГР ФПГ анализ сигнала	КГР имеет высокую устойчивость к изменению параметров обработки. Сопоставимые результаты как при использовании для анализа «длины линии», так и амплитуды КГР Для КГР и ФПГ простое усреднение результата дает устойчиво лучшие результаты, чем ранжирование внутри блока Показатели могут применяться для анализа субъективной значимости

Автор(ы), что изучали	Показатели и их интерпретация	Информативность
Учаев, Александров, 2021 Амплитуда, длительность и сложность ЭАК при сокрытии информации при аналитическом и холистическом типе ментальности	ЭАК — амплитуда пика и площадь под кривой (датчики дыхания и двигательной активности для контроля артефактов) Вычислялся коэффициент, показывающий, во сколько раз среднее значение показателей при ложном ответе выше, чем при правдивом	Нет взаимосвязи типа ментальности и показателей ЭАК При сокрытии цифры увеличение холистичности взаимосвязано со снижением разницы в показателях ЭАК

В работе, содержащей наиболее полный набор анализируемых систем: показатели системы дыхания, сердечно-сосудистой (АД и ФПГ), электрической активности кожи, рассчитывался ИДР (индекс дифференциальной реактивности), соответствующий разнице среднего значения стандартизированных оценок по вопросам разных типов. Для всех параметров, кроме длины линии дыхания и ФПГ (для них наоборот), увеличение соответствовало активации ВНС и отражало значимость темы. Авторами показано, что наибольший вклад в прогностическую значимость модели по выявлению факторов риска при тестировании на полиграфе (выявлении сокрытия информации) вносили кратковременные подъемы артериального давления (АД) и амплитуда кожно-гальванической реакции, тогда как вклад разницы показателей дыхания между фоном и реакцией и параметры фотоплетизмограммы не имели прогностической значимости (Купцова, Дворянчиков, 2023). При этом авторы отмечают важную, на наш взгляд, идею, что даже при отсутствии достоверных различий при сравнении средних значений показателей они могут делать вклад в точность модели.

Еще одно исследование с использованием комплекса показателей, зафиксированных полиграфом, включало фиксацию параметров системы дыхания, сердечно-сосудистой системы (ЧСС и ВСР) и кожно-гальванической реакции. В работе рассчитывался индекс амплитуды вегетативных реакций, в котором суммировались значения разницы фона и воспоминания (дельта) ЧСС, КГР за вычетом значения дельты ВСР (HF-компонента), показатели дыхания не учитывались, хотя в теоретическом обзоре работы указана формула, включающая и этот показатель. Данный индекс измерялся в условных единицах и выступал маркером переработанности проговариваемого травматического опыта (Андронникова, 2025).

Помимо исследований, выполненных с применением полиграфа, в которых выявлялись маркеры сокрытия информации, стоит отметить другие

работы, в которых также применялись комплексы психофизиологических показателей, например, изменений эмоционального и когнитивного напряжения при решении задач различного уровня сложности с разной эффективностью (Портнова и соавт., 2022) при переживании воздействия стрессогенных стимулов (Хавыло и др., 2023). Важными, на наш взгляд, являются следующие результаты, показывающие, что решение задач возрастающей сложности сопровождается изменением динамики ВСР (вариабельности сердечного ритма, параметра, отражающего соотношение ЧСС с низкой и высокой частотой), КГР и ЧДД (частоты дыхательных движений), носящим нелинейный характер, что показывало эффективность решения задач и соответствующий уровень когнитивного и эмоционального напряжения, а динамика ЧСС не была выявлена (Портнова и др., 2022). Установленная взаимосвязь между эмоциональными реакциями, оцененными по мимической активности, и реакциями на стресс, выраженными через физиологические показатели (ЧСС и КГР) при переживании воздействия стрессовых стимулов, с точки зрения авторов (Хавыло и др., 2023), позволяет разрабатывать методологию оценки психологических и психофизиологических свойств личности, отмечая более объективный характер такой оценки.

Таким образом, сопоставляя полученные данные между собой, установлено, что при использовании измерений активности нескольких систем могут применяться интегральные, обобщенные индексы, хотя чаще маркеры анализируются независимо.

**Использование отдельных показателей.** Рассмотрим публикации по психологическим наукам, в которых применялись измерения только одного показателя активности ВНС. Дальнейший поиск данных осуществлялся по словосочетанию «психофизиологические методы» и названиям наиболее распространенных и доступных к использованию показателей, применяемых в исследованиях: «ва-

риабельность сердечного ритма», «ВСР», «кожно-гальваническая реакция», «КГР», «ФПП», «ЧСС».

### **Показатели сердечно-сосудистой системы**

ВСР (вариабельность сердечного ритма) — показатель, отражающий изменения интервалов между сердечными сокращениями во времени, рассматривается в связи с адаптационными реакциями организма, как результат сложной многоуровневой системы управления функциями организма для достижения результата и как результат деятельности механизмов нейрогуморальной регуляции вегетативной нервной системы (Баевский и соавт., 2002). Подробный анализ возможности использования данного показателя в психофизиологических и психологических (в том числе социально-психологических) исследованиях представлен в работе А. В. Бахчиной, указывающей, что изменение ВСР может выступать индикатором изменения набора функциональных систем, актуализированных для реализации исследуемого поведения (Бахчина, 2022). Что согласуется с утверждением других отечественных авторов, указывающих, что вклад высококодифференцированного опыта в организацию поведения, задействуя больше систем и межсистемных отношений, взаимосвязан с более высокой вариабельностью сердечного ритма и более низкой частотой сердечных сокращений (Арутюнова, Александров, 2019, с. 135). ВСР может быть проанализирована с использованием различных подходов, среди которых наиболее чувствительными к поведенческому уровню анализа будут параметры нелинейной динамики, по сравнению со статистическими и спектральными (Бахчина и др., 2024).

Актуальность оценки ВСР как отражения различных функциональных состояний была показана в эмпирических исследованиях динамики системной организации поведения при просмотре и описании изображений с различной эмоциональной окраской (Савицкая и др., 2020), адаптационного потенциала при когнитивных нагрузках, предъявляемых с использованием VR или монитора (Бахчина, Стрижова, 2022), стресс-реагирования при предъявлении аудиальных и визуальных стимулов (Лысенко, Харичева, 2025), тревожности при прохождении методики на организацию рефлексии в сравнении с обычными занятиями (Сизикова и др., 2024), снижения уровня нервно-психического напряжения после прохождения курса психофизической саморегуляции (Попова и др., 2022), адаптационных рисков, степени напряжения и функциональных резервов при апробации программы тренинга (Васильева

и др., 2023). Также изменение ВСР рассматривалось как объективный показатель эффективности релаксации (Никонова и др., 2023) и маркер для распознавания поведения по сокрытию информации (Учаев, Александров, 2022).

Большое диагностическое значение имеет вывод, что увеличение вариабельности сердечного ритма, его компонентов, отражающих рост парасимпатических влияний, связано с большей адаптированностью, отсутствием стресса и нервно-психического напряжения и релаксацией. Использование динамики вариабельности сердечного ритма при детекции лжи обосновано с позиции системно-эволюционного подхода следующим образом: ложь требует более сложного поведения, актуализирующего включенность большего количества функциональных систем для достижения результата, в связи с чем наблюдается увеличение ВСР при лжи по сравнению с честными ответами (Учаев, Апанович, 2023), что согласуется с зарубежными публикациями, в которых утверждается, что ложь требует больших затрат когнитивных ресурсов, чем правда (Vrij, Gannis, 2014).

Однако отмечается сложность разграничения правды и лжи только по одному показателю, поскольку при межгрупповом сравнении средних значений достоверные различия не обнаруживались (Учаев, Апанович, 2023). Значимым является наблюдение нелинейной динамики ВСР при решении задач разного уровня сложности, когда сначала наблюдается снижение, а затем при высокой сложности растет ВСР (Портнова и др., 2022).

ЧСС (частота сердечных сокращений) — показатель активности сердечно-сосудистой системы. Как отдельный и самостоятельный маркер в рассмотренных работах не использовался, но анализировался как компонент ВСР. В частности, установлены следующие взаимосвязи с психологическими характеристиками. Значимые снижения ЧСС наблюдались при прохождении занятий по рефлексии в группе респондентов с высокими показателями тревожности (Сизикова и др., 2024). Рост ЧСС и снижение ВСР сопровождают системную дедифференциацию (упрощение) поведения (Арутюнова, Александров, 2019). Отмечен быстрый рост ЧСС, выявленный с использованием фотоплетизмографии после предъявления «отвратительного изображения», как подтверждение значимой негативной реакции (Белинский и др., 2023), что согласуется с данными о более быстрой реакции вегетативной нервной системы на неприятные незнакомые стимулы, чем на приятные (Александрова, Черный, 2025), сниженная

ВСР и повышенная ЧСС в состоянии покоя могут выступать как маркер стрессовой реакции и травматизации (Черноризов и др., 2024; Андрунникова, 2025).

Использование вариабельности сердечного ритма как информативного показателя отмечено не только в отечественных, но и в зарубежных исследованиях, так, например, одной из перспектив видится использование дистанционной фотоплетизмографии с применением алгоритма бесконтактного извлечения вариабельности сердечного ритма, которая может применяться для детекции лжи у особо опасных преступников или в тех случаях, когда проверка не предполагает информирования испытуемого (Davoodi et al., 2024).

Таким образом, наиболее широко используемым параметром активности сердечно-сосудистой системы является ВСР, который выступает как интегральный, отражающий многоуровневую и многоконтурную систему регуляции маркер динамики исследуемых состояний и процессов. Однако, и это отмечается во многих публикациях (Баевский и др., 2001; Бахчина, 2022), используются различные показатели и варианты вычисления, что при общих теоретических взглядах делает затруднительным сопоставление результатов.

#### ***Показатели КГР (кожно-гальванической реакции)***

Электрическая активность кожи, или электродермальная активность, и один из ее вариантов — кожно-гальваническая реакция (электрокожное сопротивление), отражающая сопротивление участка кожи между электродами пропускаемому току, связанному с активностью расположенных на нем потовых желез, применимы для описания активационного компонента психофизиологических состояний человека, эмоциональных проявлений, отражающих субъективные переживания, и энергетической обеспеченности организма и отдельных систем (Суходоев, 1990). Данный показатель используется в проверках с использованием полиграфа и рядом практиков рассматривается как предпочтительный, поскольку является чувствительным к изменениям состояния и наглядным (Барыкина и др., 2025).

В обзоре, посвященном использованию КГР в нейромаркетинговых исследованиях, показано, что различные ее параметры применимы для оценки психоэмоционального состояния, стресса, возбуждения и когнитивных усилий (Ярош, 2024). В эмпирических психофизиологических исследованиях КГР используется в качестве дополнительного маркера психоэмоционального состояния при

разработке БОС-тренинга (Барыкина и др., 2025), при предъявлении эмоционально значимых стимулов различной модальности и выполнении задачи по сохранению усилия (Белинский и др., 2023), как объективный показатель эмоционального состояния и напряжения для оценки психической саморегуляции, причем авторами исследования установлено значимое расхождение субъективной и аппаратно измеренной оценок (Лашкуль и др., 2022). На основании анализа отечественных и зарубежных источников Черноризовым и соавторами (Черноризов и др., 2024) установлено, что изменение (увеличение) амплитуды и длительности КГР может рассматриваться как периферический маркер посттравматического стресса, также описано эмпирическое подтверждение возможности использования динамики кожно-гальванической реакции как отражения проживания эмоциональных переживаний при воздействии стрессовых стимулов (Хавыло и соавт., 2023).

На наш взгляд, очень перспективная идея тестирования узнавания при неосознаваемом восприятии предъявляемых стимулов на примере фотографий (Свободный, Лаврешкин, 2022), к сожалению, в данной работе представлено исследование всего одного испытуемого. Близкие идеи представлены в публикациях по нейромаркетингу, например, использование параметров КГР при оценке притягательности предъявляемых стимулов: наименее привлекательным (аттрактивным) объектам соответствовали наибольшие показатели амплитуды КГР, а наиболее привлекательным — наименьшие по амплитуде (Мещеряков и соавт., 2020), что отражает неоднозначность связи эмоциональных реакций и электрической активности кожи. То есть использование динамики физиологических процессов как отражения реакции на неосознаваемые, а не на сознательно скрываемые стимулы.

#### ***Показатели активности системы дыхания***

Исследования показателей дыхания не столь многочисленны, как исследования описанных выше показателей. Установлена значимая взаимосвязь активности дыхательной системы и регуляции кровообращения, согласованность работы дыхательной и сердечно-сосудистой систем обеспечивается парасимпатическим отделом ВНС (Бахчина и др., 2024), этот показатель является значимым в проведении специальных психофизиологических исследований, поскольку оказывает влияние на показатели сердечно-сосудистой системы и КГР. Как было указано ранее, относительная возможность произвольного контроля

дыхания делает его важным инструментом для оценки противодействия при проверке сокрытия значимой информации и исключения артефактов при анализе взаимосвязанных показателей. Исследований, в которых это был единственный показатель, нами не выявлено.

### Заключение

В современных психологических исследованиях физиологические методы применяются для внесения объективных, независимых от воли испытуемых, критериев оценки изучаемого феномена. Физиологические показатели, отражающие активность периферических отделов вегетативной нервной системы могут быть объективно измерены и статистически обработаны, однако они неспецифичны и отражают лишь изменение, но не причину, его вызвавшую, в связи с чем интерпретация полученных данных в соответствии с психологическими категориями обеспечивается построением дизайна исследования, подбором соответствующих условий измерения и контролем переменных.

Среди публикаций преобладают работы, опирающиеся на анализ отдельных показателей активности какой-то одной системы, и наблюдается дефицит эмпирических исследований, включающих анализ психологических феноменов в сопоставлении с измерением комплекса физиологических параметров и использованием интегральных показателей. Существенный пласт работ был исключен из анализа, поскольку формат их изложения не давал представления или о получении, обработке физиологических данных, или о переходе к интерпретации в психологическом контексте.

Наиболее распространенными физиологическими параметрами, используемыми в психологических исследованиях, являются ВСР и КГР. При этом ВСР сама по себе является сложным, многокомпонентным параметром, который включает

различные метрики. АД, хотя и был выделен как высокоинформативный параметр, не имел широкого применения, что, на наш взгляд, в большей степени связано с неудобством использования датчиков.

Подходы к интерпретации данных многообразны, это касается как исследований, проведенных с использованием полиграфа, когда одновременно фиксировалась динамика различных систем, так и включающих отдельные измерения. Анализировались в основном отдельные параметры, а не интегральные индексы и комплексные показатели, даже при фиксации динамики нескольких систем. Для интерпретации физиологических показателей использовались такие понятия, как адаптация / дезадаптация, напряжение, стресс, возбуждение.

Проведенный нами анализ не позволил однозначно установить наиболее информативный показатель, поскольку работ, посвященных их сопоставлению крайне мало, однако на данном этапе можно утверждать, что показатели сердечно-сосудистой системы (ВСР) и электрической активности кожи (КГР) являются наиболее активно применяемыми и имеющими согласованную интерпретацию.

Основной фокус исследований — прикладной: расследования, скрининг кандидатов, текущие проверки при аттестации и т. д., и мало представлены исследования, связанные с субъективно значимыми переживаниями, пониманием применения данных показателей к психологическим феноменам, не связанным с ложью. Хотя работы по валидации процедуры исследований, унификации и оптимизации подходов к обработке данных представлены, но их количество по сравнению со статьями прикладного характера невелико.

**Ограничения.** Данная статья представляет собой обзор публикаций и не включала результаты эмпирического исследования.

### Литература:

- Азарова Н.В., Хавыло А.В. Анализ развития и перспектив применения полиграфа в психофизиологическом обследовании // Вестник Калужского университета. Серия «Психологические науки. Педагогические науки». 2025. Т. 8. Вып. 1. С. 70–77. DOI: 10.54072/26586568\_2025\_8\_1\_70
- Александрова В.В., Черный С.В. Сердечных сокращений во время предъявления эмоциональных стимулов // Мир науки. Педагогика и психология. 2025. Т. 13. № 2. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/112PSMN225.pdf>
- Александров Ю.И. Психофизиологическое значение центральных и периферических нейронов в поведении. М.: Наука, 1989. 208 с.
- Андронникова О.О. Закон кумулятивного эффекта виктимогенеза // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 7. С. 441–455. [https://www.elibrary.ru/download/elibrary\\_86115996\\_54017770.pdf](https://www.elibrary.ru/download/elibrary_86115996_54017770.pdf)
- Анохин П.К. Принципы системной организации функций. М.: Наука, 1973.
- Арутюнова К.Р., Александров Ю.И. Мораль и субъективный опыт / Послесловие Р.Г. Апресяна. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019.

- Баевский Р.М., Иванов Г.Г., Гаврилушкин А.П., Довгалецкий П.Я., Кукушкин Ю.А., Миронова Т.Ф., Прилуцкий Д.А., Семенов А.В., Федоров В.Ф., Флейшман А.Н., Медведев М.М., Чирейкин Л.В. Анализ variability сердечного ритма при использовании различных электрокардиографических систем (часть 1) // Вестник аритмологии. 2002. № 24. С. 65–86.
- Барыкина А.Н., Бондарчук Е.А., Иванов И.А., Глотова Г.А., Поликанова И.С. Разработка и апробация портативной системы с биологической обратной связью по данным кожно-гальванической реакции для управления психоэмоциональным состоянием // Теоретическая и экспериментальная психология. 2025. Т. 18. № 4. С. 237–256. DOI: 10.11621/ТЕР-25-38
- Бахчина А.В. Нелинейный анализ variability сердечного ритма: возможности использования в психологических исследованиях // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 2. С. 96–104. DOI: 10.31857/S020595920019415-2
- Бахчина А.В., Созинова И.С., Александров Ю.И. Динамика нейровисцеральных взаимодействий в индивидуальном и филогенетическом развитии: анализ variability сердечного ритма // Журнал высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова. 2024. Т. 74. № 2. С. 131–149. DOI: 10.31857/S0044467724020018
- Бахчина А.В., Стрижова И.В. Динамика variability сердечного ритма у учащихся во время занятия в виртуальной реальности // Экспериментальная психология. 2022. Т. 15. № 2. С. 59–69. DOI: 10.17759/exppsy.2022150205
- Белинский А.В., Девшивили В.М., Черноризов А.М., Лобин М.А. Метод оценки эмоционального состояния с помощью комплекса психофизиологических и тензотремометрических методов // Психология и Психотехника. 2023. № 1. DOI: 10.7256/2454-0722.2023.1.39849
- Васильева Т.Н., Федотова И.В., Некрасова М.М., Телюпина В.П., Скворцова В.А. Разработка и апробация программы семинара-тренинга жизнестойкости работников и навыков здорового образа жизни // Организационная психология. 2023. Т. 13. № 3. С. 158–181. DOI: 10.17323/2312-5942-2023-13-3-158-181
- Виноградов М.В., Ульянина О.А. Особенности проведения специальных психофизиологических исследований с применением полиграфа в отношении сотрудников органов внутренних дел, назначаемых на иные должности в системе МВД России // Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 141–160. DOI:10.17759/psylaw.2022120211
- Князев В., Варламов Г.В. Полиграф и его практическое применение. М.: Принт-Центр, 2012.
- Купцова Д.М., Дворянчиков Н.В. Оценка вклада физиологических параметров в определение значимости фактора риска в ситуации скринингового тестирования на полиграфе // Психология и право. 2023. Т. 13. № 2. С. 82–93. DOI: 10.17759/psylaw.2023130207
- Купцова Д.М., Каменсков М.Ю. Теоретическая модель тестирования на полиграфе: проблемы и перспективы их разрешения // Психология и право. 2020. Т. 10. № 4. С. 126–138. DOI: 10.17759/psylaw.2020100409
- Косоногов В.В., Ефимов К.В., Рахманкулова З.К., Зябрева И.А. Обзор психофизиологических и психотерапевтических исследований стресса с помощью технологий виртуальной реальности // Журнал высшей нервной деятельности. 2022. Т. 72. № 4. С. 487–503. DOI: 10.31857/S0044467722040062
- Лашкуль А.К., Шуняева Н.В., Банаян А.А. Определение особенностей навыка психической саморегуляции хоккеистов методом кожно-гальванической реакции // Актуальные вопросы спортивной психологии и педагогики. 2022. Т. 2. № 2. С. 46–59. DOI: 10.15826/spp.2022.2.30
- Лысенко Н.Е., Харичева А.Н. Гендерные различия и динамика стресс-реагирования у сотрудников спецслужб // Психология и право. 2025. Т. 15. № 1. С. 44–56. DOI: 10.17759/psylaw.2025150104
- Майлис Н.П., Холодный Ю.И. Диагностика наличия у человека информации о скрываемых событиях прошлого: развитие новых технологий // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 1. С. 105–109. DOI: 10.24412/2073-0454-2024-1-105-109
- Малахов Д.Г., Орлов В.А., Карташов С.И., Скитева Л.И., Ковальчук М.В., Александров Ю.И., Холодный Ю.И. Оптимизация параметров обработки сигналов в психофизиологических исследованиях на примере КГР и ФПГ // Экспериментальная психология. 2023. Том 16. № 1. С. 62–86. DOI: 10.17759/exppsy.2023160104
- Мещеряков Б.Г., Назаров А.И., Рычагова Н.В., Рычагов С.Н. Соотношение осознаваемых и неосознаваемых реакций в ситуации ранговой оценки предпочтений среди нескольких альтернатив // Экспериментальная психология. 2020. Т. 13. № 4. С. 25–35. DOI: 10.17759/exppsy.2020130402

- Молчанов А.Ю., Кузьмина Е.А., Бывальцева Т.П. Исторические аспекты и актуальные взгляды на альтернативность и релевантность стимулов // *International Journal of Medicine and Psychology*. 2025. Том 8. № 3. С. 108–117. <https://ijmp.ru/archives/category/publications>
- Никонова Е.Ю., Рупчев Г.Е., Морозова М.А., Бурминский Д.С. Применение технологии виртуальной реальности для релаксации при шизофрении (Пилотное исследование) // *Национальный психологический журнал*. 2023. Т. 18. № 4. С. 78–89. DOI: 10.11621/npj.2023.0407
- Пеленицын А.Б., Сошников А.П. Современные технологии применения полиграфа. Часть 2. М., 2015.
- Попова Т.В., Волошина И.А., Коурова О.Г. Психофизиологические механизмы коррекции поведения человека для обеспечения его биосоциальной безопасности // *Science for Education Today*. 2022. Т. 12. № 6. С. 212–226. DOI: 10.15293/2658-6762.2206.09
- Портнова Г.В., Левкович К.М., Васильева Л.Н., Альшанская Е.И. Вегетативные и поведенческие показатели при увеличении когнитивной нагрузки у здоровых добровольцев // *Журнал высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова*. 2022. Т. 72. № 4. С. 504–519. DOI: 10.31857/S0044467722040098 [https://www.elibrary.ru/download/elibrary\\_48767040\\_14891335.pdf](https://www.elibrary.ru/download/elibrary_48767040_14891335.pdf)
- Савицкая Т.Ю., Носуленко В.Н., Александров Ю.И. Динамика сердечного ритма у индивидов при оценке и описании ими эмоционально окрашенных изображений // *Экспериментальная психология*. 2020. Т. 13. № 1. С. 5–19. DOI: 10.17759/exppsy.2020130101
- Свободный Ф.К., Лаврешкин Н.В. Опознание лица по фотографии в условиях неосознаваемого восприятия // *Психология и право*. 2020. Т. 12. № 3. С. 197–208. DOI: 10.17759/psylaw.2022120316
- Свободный Ф.К., Свободный Б.Ф. Экспериментальная валидизация полиграфного теста на выявление способа получения лицом первой информации о событии // *Психопедагогика в правоохранительных органах*. 2024. Т. 29, № 2(97). С. 184–189. DOI: 10.24412/1999–6241–2024–297–184–189
- Сизикова Т.Э., Леонов С.В., Поликанова И.С. Динамика вариабельности сердечного ритма в задаче на рефлексию при разных уровнях тревожности // *Экспериментальная психология*. 2024. Т. 17. № 3. С. 168–184. DOI: 10.17759/exppsy.2024170312
- Суходоев В.В. Модифицированная методика измерений и оценки кожно-гальванических реакций человека. М.: ИП РАН, 1990.
- Устенко А.В., Хавыло А.В., Енгальчев В.Ф. Информативность физиологических реакций на визуальный стимул при проведении психофизиологического исследования с применением полиграфа // *Вестник Калужского университета. Серия «Психологические науки. Педагогические науки»*. 2023. Т. 6. № 1(18). С. 4–10. [https://www.elibrary.ru/download/elibrary\\_54959104\\_33900430.pdf](https://www.elibrary.ru/download/elibrary_54959104_33900430.pdf)
- Учаев А.В., Александров Ю.И. Системный анализ заданного экспериментатором и «свободного» поведения продуцирования лжи // *Психологический журнал*. 2022. Т. 43. № 6. С. 43–50. DOI: 10.31857/S020595920023643-3
- Учаев А.В., Александров Ю.И. Успешность сокрытия информации в процессе тестирования на полиграфе индивидами разных типов ментальности // *Экспериментальная психология*. 2021. Том 14. № 2. С. 156–169. DOI: 10.17759/exppsy.2021140211
- Учаев А.В., Апанович В.В. Валидность методики выявления скрываемой информации, основанной на регистрации сердечного ритма при тестировании на полиграфе // *Экспериментальная психология*. 2023. Т. 16. № 1. С. 211–224. DOI: 10.17759/exppsy.2023160113
- Хавыло А.В., Устенко А.В., Енгальчев В.Ф. Перспективы использования психофизиологических методов для оценки стрессоустойчивости в ситуации профессионального психологического отбора // *Психология и право*. 2023. Т. 13. № 2. С. 153–165 DOI: 10.17759/psylaw.2023130212
- Черноризов А.М., Шкуринов А.П., Исайчев С.А., Пилечева А.В., Ожередов И.А., Петров А.В., Маненков А.Е. Психофизиология посттравматического стрессового расстройства: механизмы, диагностика, нейрореабилитация // *Национальный психологический журнал*. 2024. Т. 19. № 4. С. 215–228. DOI: 10.11621/npj.2024.0415
- Ярош О.Б. Методика обработки показателей кожно-гальванической реакции в нейромаркетинговых исследованиях // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Биология. Химия*. 2024. Т. 10 (76). № 1. С. 262–275. DOI: 10.29039/2413-1725-2024-10-1-262-275
- Davoodi M., Aspis N., Drori Y. et al. (2024). LieRHRV system for remote lie detection using heart rate variability parameters // *Scientific Reports*. 2024. V. 14. Art. 30749. DOI: 10.1038/s41598-024-80480-5

- Gunderson C.A., Brinke L., Sokol-Hessner P. When the body knows: Interoceptive accuracy enhances physiological but not explicit differentiation between liars and truth-tellers // *Personality and Individual Differences*. 2023. V. 204. Art. 112039. DOI: 10.1016/j.paid.2023.112439
- Honts C.R., Thurber S., Handler M. A comprehensive meta-analysis of the comparison question polygraph test // *Applied Cognitive Psychology*. 2021. V. 35. P. 411–427. DOI: 10.1002/acp.3779
- Nguyen G., Wang L., Jiang, Y. et al. Truth and trust: fake news detection via biosignals // *International Journal of Information Technology*. 2025. DOI: 10.1007/s41870-025-02836-y
- Ongky F.A., Kartiyoso M.E., Gunawan S.R.N., Dewi A.L., Engel V.J.L. Optimizing Productivity: Internet of Things based Workload and Stress Monitoring using Galvanic Skin Response (GSR) Sensor Analysis and Microcontroller Arduino Uno // *Procedia Computer Science*. 2025. V. 269. P. 421–430. DOI: 10.1016/j.procs.2025.08.294
- Rad D., Paraschiv N., Kiss C., Balas V., Barna C. Physiological reactions profiling in polygraph testing: insights from fuzzy c-means clustering analysis // *Acta Polytechnica Hungarica*. 2024. № 21. P. 365–377. DOI: 10.12700/APH.21.10.2024.10.23
- Vrij A., Gannis G., *Theories in deception and lie detection. Credibility Assessment: Scientific Research and Applications (First edition)*. Academic Press, Oxford, UK. 2014. P. 303–374. DOI: 10.1016/B978-0-12-394433-7.00007-5

## THE USE OF AUTONOMIC NERVOUS SYSTEM MEASURES IN PSYCHOLOGICAL PUBLICATIONS: A REVIEW OF RESEARCH

©Nadezhda A. Solovova

Financial university under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation  
solovovana@gmail.com; ORCID: 0000-0002-1112-0759

©Elizaveta A. Alekseeva

Financial university under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation,  
liza.alekseeva.msk@gmail.com; ORCID: 0009-0000-5816-2780

©Yuriy B. Melnikov

Financial university under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation,  
Mr.yuri1802@mail.ru; ORCID: 0009-0000-2298-159X

The study was carried out at the expense of budgetary funds under a state assignment  
from the Financial University

The purpose of this article is to identify the most informative indicators of autonomic nervous system activity for psychological research. This article presents an analytical review of studies conducted using methods that record peripheral indicators of autonomic nervous system activity and published in highly ranked journals over the past five years. The search was conducted using the eLibrary, CyberLeninka, and ResearchGate databases. The article examines the main indicators of autonomic nervous system activity, used both individually and in combination, and analyzes their informative value for psychological research.

**Key words:** psychophysiological methods, heart rate variability, HRV, polygraph, galvanic skin response, GSR

**Limitations.** This article is a review of the literature and does not include the results of an empirical study.

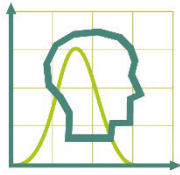
## REFERENCES

- Azarova N.V., Khavylo A.V. (2025). Analysis of development and prospects of polygraph use in psychophysiological examination // *Journal herald of the Kaluga State University series 1. Psychological science. Pedagogical sciences*. V. 8(1). P. 70–77. DOI: 10.54072/26586568\_2025\_8\_1\_70

- Aleksandrova V.V., Chyorny S.V.* (2025). Central mechanisms of electroencephalographic activity and heart rate during the presentation of emotional stimuli // *World of Science. Pedagogy and psychology*. V. 13(2). Art. 112PSMN225. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/112PSMN225.pdf>
- Aleksandrov Yu.I.* (1989). Psychophysiological significance of the activity of central and peripheral neurons in behavior. Moscow: Nauka.
- Andronnikova O.O.* (2025). The law of the cumulative effect of victimogenesis // *International Journal of Medicine and Psychology*. V. (7). P. 441–455.
- Anohin P.K.* (1973). Principles of systemic organization of functions. Moscow: Nauka.
- Arutyunova K.R., Alexandrov Yu.I.* (2019). Morality and subjective experience. Moscow: Russian Academy of Sciences Institute of Psychology.
- Baevskiy R.M., Ivanov G.G., Gavrilyshkin A.P., Dovgalevsky P.Ya., Kukushkin, Yu.A., Mironova T.F., Prilutsky D.A., Semenov A.V., Fedorov V.F., Fleishman A.N., Medvedev M.M., Chireikin L.V.* (2002). Analysis of heart rate variability under using various electrocardiographic systems (Part 1) // *Bulletin of arrhythmology*. V. 24. P. 65–86.
- Barykina A.N., Bondarchuk E.A., Ivanov I.A., Glotova G.A., Polikanova I.S.* (2025). Development and testing of a portable biofeedback system based on GSR for managing psycho-emotional state // *Theoretical and Experimental Psychology*. V. 18(4). P. 237–256. DOI: 10.11621/TEP-25-38
- Bakhchina A.V.* (2022). Nonlinear analysis of heart rate variability: possibilities of use in psychological research // *Psychological journal*. V. 43(2). P. 96–104. DOI: 10.31857/S020595920019415-2
- Bakhchina A.V., Sozinova I.S., Alexandrov Yu.I.* (2024). Neurovisceral interactions in individual and phylogenetic development // *I.P. Pavlov Journal of Higher Nervous Activity*. V. 74(2). P. 131–149. DOI: 10.31857/S0044467724020018
- Bakhchina A.V., Strizhova I.V.* (2022). Students' Dynamics of Heart Rate Variability during Virtual Reality Class // *Experimental Psychology*. V. 15(2). P. 59–69. DOI: 10.17759/exppsy.2022150205
- Belinskiy A.V., Devishvili V.M., Chernorizov A.M., Lobin M.A.* (2023). Method of Emotional State Assessment Using a Complex of Psychophysiological and Tensotremometric Methods // *Psychology and Psychotechnics*. V. 1. P. 26–37. DOI: 10.7256/2454-0722.2023.1.39849
- Vasilyeva T.N., Fedotova I.V., Nekrasova M.M., Telyupina V.P., Skvortsova V.A.* (2023). Training seminar for employees «improving the hardiness and healthy lifestyle practices» // *Organizational Psychology*. V. 13(3). P. 158–181. DOI 10.17323/2312–5942–2023–13–3–158–181
- Vinogradov M.V., Ulyanina O.A.* (2022). Specifics of Conducting Special Psychophysiological Studies with the Use of a Polygraph on the Employees of Internal Affairs Bodies Appointed to Other Positions in the System of the Ministry of Internal Affairs of Russia // *Psychology and Law*. V. 12(2). P. 141–160. DOI: 10.17759/psylaw.2022120211
- Knyazev V., Varlamov G.V.* (2012). Polygraph and its practical application. Moscow: Print Center.
- Kosonogov V.V., Efimov K.V., Rakhmankulova Z.K., Zyabreva I.A.* (2022). A review of psychophysiological and psychotherapeutic studies of stress with virtual reality technologies // *I.P. Pavlov Journal of Higher Nervous Activity*. V. 72(4). P. 487–503. DOI: 10.31857/S0044467722040062
- Kuptsova D.M., Dvoryanchikov N.V.* (2023). Evaluation of the Value of Physiological Cues to Determining the Salience of a Risk Factor in a Situation of Screening Polygraph Test // *Psychology and Law*. V. 13(2). P. 82–93. DOI: 10.17759/psylaw.2023130207
- Kuptsova D.M., Kamenskov M.Yu.* (2020). Theoretical Model of Polygraph Testing: Concerns and Prospects for their Solution // *Psychology and Law*. V. 10(4). P. 126–138. DOI: 10.17759/psylaw.2020100409
- Lashkul A.K., Shuniaeva N.V., Banayan A.A.* (2022). Determination of the mental self-regulation skill features of hockey players by means of galvanic skin response method // *Current issues of sports psychology and pedagogy*. V. 2(2). P. 46–59. DOI: 10.15826/spp.2022.2.30
- Lysenko N.E., Kharicheva A.N.* (2025). Gender differences and dynamics of stress response among employees of special services // *Psychology and Law*. V. 15(1). P. 44–56. DOI: 10.17759/psylaw.2025150104
- Maylis N.P., Kholodny Yu.I.* (2024). Diagnostics of a person's information about hidden events of the past: development of new technologies // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. V. 1. P. 105–109. DOI: 10.24412/2073-0454-2024-1-105-109.
- Malakhov D.G., Orlov V.A., Kartashov S.I., Skiteva L.I., Kovalchuk M.V., Alexandrov Yu.I., Kholodny Yu.I.* (2023). Optimization of Signal Processing Parameters in Psychophysiological Studies on the Example of GSR and PPG // *Experimental Psychology*. V. 16(1). P. 62–86. DOI: 10.17759/exppsy.2023160104.

- Meshcheryakov B. G., Nazarov A. I., Rychagova N. V., Rychagov S. N.* (2020). The Interrelation of Perceived and Unconscious Reactions in the Situation of the Rank Assessment of Preferences among Several Alternatives // *Experimental Psychology*. V. 13(4). P. 25–35. DOI: 10.17759/exppsy.2020130402
- Molchanov A. Yu., Kuzmina E. A., Byvaltseva T. P.* (2025). Historical aspects and current views on the alternativeness and relevance of incentives // *International Journal of Medicine and Psychology*. V. 8(3). P. 108–117. URL: <https://ijmp.ru/archives/category/publications>
- Nikonova E. Yu., Rupchev G. E., Morozova M. A., Burminskiy D. S.* (2020). Using Virtual Reality for Relaxation in Patients with Schizophrenia. A Pilot Study // *National psychological journal*. V. 18(4). P. 78–89. DOI: 10.11621/npj.2023.0407
- Pelenitsyn A. B., Soshnikov A. P.* (2015). *Modern Technologies of Using Polygraph. Detailed Guidance for Practicing Polygraphologists. Part 2.* Moscow.
- Popova T. V., Voloshina I. A., Kourova O. G.* (2022). Psychophysiological corrective mechanisms of human behavior to ensure the biosocial safety // *Science for Education Today*. V. 12 (6). P. 212–226. DOI: 10.15293/2658-6762.2206.09
- Portnova G. V., Liaukovich K. M., Vasilieva L. N., Alshanskaia E. I.* (2022). Vegetative and behavioral indicators of cognitive load in healthy volunteers // *I. P. Pavlov Journal of Higher Nervous Activity*. V. 72(4). P. 504–519. DOI: 10.31857/S0044467722040098
- Savitskaia T. Y., Nosulenko V. N., Alexandrov Y. I.* (2020). Heart rate dynamics in individuals while they were evaluating and describing emotional images // *Experimental psychology*. V. 13(1). P. 5–19. DOI: 10.17759/exppsy.2020130101
- Svobodny F. K., Lavreshkin N. V.* (2022). Identification of a Person from a Photo in Conditions of Unconscious Perception // *Psychology and Law*. V. 12(3). P. 197–208. DOI: 10.17759/psylaw.2022120316
- Svobodny F. K., Svobodny B. F.* (2024). Experimental Validation of Polygraph Test to Identify the way a Person Obtains the First Information about the Event // *Psychopedagogy in Law Enforcement*. V. 29(2). P. 184–189. DOI: 10.24412/1999-6241-2024-297-184-189
- Sizikova T. E., Leonov S. V., Polikanova I. S.* (2024). Dynamics of Heart Rate Variability in the Reflexivity Task at Different Levels of Anxiety // *Experimental Psychology*. V. 17(3). P. 168–184. DOI: 10.17759/exppsy.2024170312
- Sukhodoev V. V.* (1990). *Modified methodology for measurement and assessment of human galvanic skin responses.* Moscow: IP RAS.
- Ustenko A. V., Khavylo A. V., Engalychev V. F.* (2023). Informativeness of physiological reactions to visual stimulus during psychophysiological examination with use of a polygraph // *Journal herald of the Kaluga State University series 1. Psychological science. Pedagogical sciences*. V. 6(1). P. 4–10. DOI: 10.54072/26586568\_2023\_6\_1\_4
- Uchaev A. V., Alexandrov Y. I.* (2022). Systemic analysis of experimenter-determined and “free” lie-producing behavior // *Psychological journal*. V. 43(6). P. 43–50. DOI: 10.31857/S020595920023643-3
- Uchaev A. V., Alexandrov Y. I.* (2021). The Success of Information Concealment during Polygraph Testing by Individuals of Different Mentality Types // *Experimental Psychology*. V. 14(2). P. 156–169. DOI: 10.17759/exppsy.2021140211
- Uchaev A. V., Apanovich V. V.* (2023). Validity of the Technique for the Concealed Information Revealing Based on the Registration of Heart Rate during Polygraph Testing // *Experimental Psychology*. V. 16(1). P. 211–224. DOI: 10.17759/exppsy.2023160113
- Khavylo A. V., Ustenko A. V., Engalychev V. F.* (2023). Prospects for the Use of Psychophysiological Methods to Assess Stress Resistance in a Situation of Professional Psychological Selection // *Psychology and Law*. V. 13(2). P. 153–165. DOI: 10.17759/psylaw.2023130212
- Chernorizov A. M., Shkurinov A. P., Isaychev S. A., Pilecheva A. V., Ozheredov I. A., Petrov A. V., Manaenkov A. E.* (2024). Psychophysiology of post-traumatic stress disorder: mechanisms, diagnostics, neurorehabilitation // *National Psychological Journal*. V. 19(4). P. 215–228. DOI: 10.11621/npj.2024.0415
- Yarosh O. B.* (2024). Methodology for processing skin conductance response (SCR) indicators in neuromarketing research // *Scientific notes of V.I. Vernadsky crimean federal university. Biology. Chemistry*. V. 10(1). P. 262–275. DOI: 10.29039/2413-1725-2024-10-1-262-275
- Davoodi M., Aspis N., Drori Y. et al.* (2024). LieRHRV system for remote lie detection using heart rate variability parameters // *Scientific Reports*. V. 14. Art. 30749. DOI: 10.1038/s41598-024-80480-5

- Gunderson C.A., Brinke L., Sokol-Hessner P.* (2023) When the body knows: Interoceptive accuracy enhances physiological but not explicit differentiation between liars and truth-tellers // *Personality and Individual Differences*. V. 204. Art. 112039. DOI: 10.1016/j.paid.2023.112439
- Honts C.R., Thurber S., Handler M.* (2021). A comprehensive meta-analysis of the comparison question polygraph test // *Applied Cognitive Psychology*. V. 35. P. 411–427. DOI: 10.1002/acp.3779
- Nguyen G., Wang L., Jiang Y. et al.* (2025). Truth and trust: fake news detection via biosignals // *International Journal of Information Technology*. DOI: 10.1007/s41870-025-02836-y
- Rad D., Paraschiv N., Kiss C., Balas V., Barna C.* (2024). Physiological Reactions Profiling in Polygraph Testing: Insights from Fuzzy C–Means Clustering Analysis // *Acta Polytechnica Hungarica*. V. 21. P. 365–377. DOI: 10.12700/APH.21.10.2024.10.23
- Vrij A., Gannis G.* (2014). Theories in deception and lie detection. *Credibility Assessment: Scientific Research and Applications* (First edition). Academic Press, Oxford, UK. P. 303–374. DOI: 10.1016/B978-0-12-394433-7.00007-5



**ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ  
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**  
высокие технологии и познание человека



## **Информационное письмо №1**

Уважаемые коллеги,

Институт психологии Российской академии наук (ИП РАН)  
при участии Московской международной академии (ММА)

приглашает вас

**15–16 октября 2026 г.**

принять участие в Первой международной междисциплинарной  
конференции ИП РАН

### **Искусственный интеллект в психологии: обмен опытом и перспективы развития**



Цель конференции: обмен опытом и идеями применения искусственного интеллекта в психологии.

Формы участия: очная и дистанционная

Форматы участия: пленарные доклады, секционные заседания, круглые столы, мастер-классы

Участие в конференции бесплатное.

## **Основные направления конференции**

### **Фундаментальные и междисциплинарные исследования**

- ✦ Нейросетевые модели психических процессов: моделирование внимания, памяти, эмоций
- ✦ ИИ как инструмент проверки психологических теорий
- ✦ ИИ и психолингвистика. Анализ семантических полей, нарративов, скрытых смыслов
- ✦ Детекция лжи и скрытых состояний по речи
- ✦ Аффективные вычисления (Affective Computing). Распознавание эмоций по лицу, голосу, биосигналам
- ✦ Сравнительный анализ: человек vs ИИ в решении психологических задач

### **Диагностика, скрининг и оценка**

- ✦ Автоматизированная психологическая диагностика: скрининг депрессии, тревожных расстройств, ПТСР
- ✦ Компьютерное зрение в психологии: анализ невербального поведения в интервью
- ✦ Пассивный сбор данных: трекинг психоэмоционального состояния через смартфоны/часы

### **Терапия, консультирование и поддержка**

- ✦ Чат-боты и голосовые ассистенты в психологической практике
- ✦ ИИ как супервизор и помощник психолога: автоматическая расшифровка и анализ сессий
- ✦ Персонализация психологической помощи на основе ИИ
- ✦ ИИ в кризисной психологии и превенции суицидов

### **Организационная психология, HR и образование**

- ✦ Оценка и развитие персонала с помощью ИИ
- ✦ Профилактика выгорания и стресса на рабочем месте
- ✦ ИИ в образовательной практике
- ✦ Карьерное консультирование и профориентация
- ✦ Будущее профессии психолога в эпоху ИИ. Прогноз на 3–5 лет: какие психологические специальности окажутся под угрозой, а какие получат новые инструменты?

### **Философские, этические, правовые и методологические вопросы**

- ✦ Этические вызовы применения ИИ в психологии: конфиденциальность, информированное согласие, ответственность за рекомендации
- ✦ Правовое регулирование и стандарты
- ✦ Валидация и тестирование психологических ИИ-систем

### **Отраслевые и специальные применения**

- ✦ ИИ в судебной и следственной психологии
- ✦ Психологическая помощь в экстремальных условиях
- ✦ Игровая и VR/AR-психология с элементами ИИ
- ✦ Кросс-культурные исследования
- ✦ Социальная и политическая психология

### **Организационный комитет**

Председатель – г.н.с. ИП РАН, д.психол.н. Лебедев А.Н.

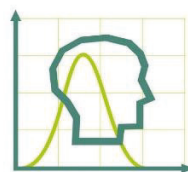
Заместитель – руководитель центра научных коммуникаций ИП РАН,  
к.психол.н. Гордякова О.В.

Предусмотрена публикация тезисов (веб версия, индексация РИНЦ).

Авторам наиболее интересных материалов будет предложено опубликовать статью в сборнике ИП РАН (печатная версия, индексация в РИНЦ).

Прием материалов (тезисов) до **5 августа 2026 г.** через форму регистрации сайта конференции <https://psycholai-2026.tilda.ws/>

**Аспирантура ИП РАН  
2026 г.**



**ИНСТИТУТ  
ПСИХОЛОГИИ  
РОССИЙСКОЙ  
АКАДЕМИИ НАУК**

высокие технологии  
и познание человека

***Аспирантура ИПРАН – путь в большую науку!***

**НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ**

**5.3. – Психология**

5.3.1 – Общая психология, психология личности, история психологии

5.3.2 – Психофизиология

5.3.3 – Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика

5.3.5 – Социальная психология, политическая и экономическая психология

5.3.7 – Возрастная психология

**5.12. – Когнитивные науки**

5.12.1 – Междисциплинарные исследования когнитивных процессов

**СПОСОБЫ ПОДАЧИ ЗАЯВОК НА  
ОБУЧЕНИЕ**

- через портал Госуслуг
- по электронной почте: [priemasp@ipran.ru](mailto:priemasp@ipran.ru)
- лично по адресу: г. Москва, ул. Ярославская, д.13, м. ВДНХ (Институт психологии РАН), 2 этаж, отдел аспирантуры, каб. 236, ВТ, СР, ЧТ с 11.00 до 18.00

**КАЛЕНДАРЬ ПРИЕМА**

20 июня

Прием заявок на обучение через портал ГосУслуги

31 августа – 15 сентября

Прием документов для участия в конкурсе

17 сентября – 02 октября

Вступительные испытания

08 октября

Список рекомендованных к зачислению

12 октября

Приказ о зачислении

<https://ipran.ru/аспирантура-ип-ран/>

[priemasp@ipran.ru](mailto:priemasp@ipran.ru)

+7(495)682-53-42